UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 041 384 9

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

576

Брэт-Гарт

кн. V

Крестовый поход на „Эксцельсіоръ".

Роман.

vol. 5

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

Крестовый походъ на „Эксцельсіоръ".

PS
1883
P9
1915
v.5

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ I.

I.

Первое предзнаменованіе.

4-го августа 1854 г. около мыса Корріентесъ взошедшее солнце освѣтило бурливое, волнующееся море и на немъ шедшій къ Мексиканскому берегу корабль. На востокѣ возвышалась снѣговая вершина Колимы, похожая на привидѣніе. Вздуваясь и наростая, вливался Тихій океанъ широчайшей полосой въ открытый Калифорнскій заливъ.

При свѣтѣ утра было видно, что корабль сдѣлалъ дальній и трудный путь. Потерялась одна стеньга, правый баканецъ свѣсился и бездѣйствовалъ. Но корабль—это былъ клиперъ—шелъ все-таки молодцомъ, и палуба его была поразительной чистоты. Хотя было еще довольно темно, но, кромѣ двухъ неизбѣжныхъ вахтенныхъ у руля, на палубѣ стояла еще третья фигура, чистившая шканцы, стулья и диванчики, предоставленные въ распоряженіе пассажировъ корабля. «Эксцельсіоръ», какъ назывался клиперъ, сдалъ свой грузъ въ Кальяо и везъ съ собой пассажировъ въ Калифорнію—въ видѣ матеріала для мѣстной золотой горячки, только что передъ тѣмъ открывшейся.

Вдругъ на палубѣ произошло движеніе. Изъ невидимой каюты послышалось какое-то неожиданное приказаніе; въ первый разъ оно не произвело никакого дѣйствія; но затѣмъ оно было повторено, и на палубу выбѣжало два, три человѣка, которые взялись за руль, оттѣснивъ вахтенныхъ. «Эксцельсіоръ» сталъ держать курсъ на сѣверо-западъ и, плавно по-

ПОМѢЩЕНІЕ
797429
Не загрязняйте книг при чтеніи.

вернувъ, словно распростился съ виднѣвшимся берегомъ, чтобы снова спуститься въ открытое море.

— Что бы это значило? — спросилъ одинъ изъ рулевыхъ своего товарища, возвращаясь на мѣсто.

— Это не шкиперъ приказалъ, онъ вдребезги пьянъ и его не сдвинешь съ мѣста рычагомъ Архимеда. Это навѣрное выдумка помощника.

— Стало-быть, къ чорту Мазатланъ?

— Попадешь къ чорту, но не въ Мазатланъ,— сказалъ третій подошедшій къ нимъ матросъ.

— Почему?

Подошедшій не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на удалявшійся берегъ. На горизонтѣ виднѣлись легкіе клубы дыма

— Пароходы?

— Тс!..

Онъ приложилъ палецъ къ губамъ, хотя и безъ того разговоръ велся шопотомъ. На палубѣ появился человѣкъ, очевидно, пассажиръ. Два, три негра, исполнявшихъ обязанности матросовъ, тотчасъ же отошли въ сторону отъ вахтенныхъ.

Пассажиръ этотъ былъ человѣкъ чистенькій, аккуратный, благообразный. Онъ, повидимому, еще не успѣлъ привыкнуть къ жизни на кораблѣ и ходилъ очень неумѣло. Девятый валъ заставилъ его даже ухватиться за канатъ. При всемъ томъ онъ замѣтилъ съ большимъ безпокойствомъ, что корабль перемѣнилъ курсъ.

— Позвольте узнать, что это значитъ?—воскликнулъ онъ.— Зачѣмъ мы повернули? Мы удаляемся отъ берега! Развѣ мы не заѣдемъ въ Мазатланъ?

Оба кормчихъ невозмутимо смотрѣли впередъ, словно не разслышали вопросовъ пассажира. Они имѣли видъ людей, интересующихся только тѣмъ, что дѣлается на водѣ, а палуба и все на ней находящееся ихъ какъ будто совершенно не интересовало. Пассажиръ нетерпѣливо обратился къ третьему матросу:

— Что за притча? Было рѣшено, что заѣдемъ въ Мазатланъ. Вѣдь у меня тамъ дѣла.

— Такъ приказано, сэръ,—лаконически отвѣтилъ матросъ, отворачиваясь отъ пассажира.

Пассажиръ былъ человѣкъ опытный; онъ понялъ, что дальнѣйшіе разспросы ни къ чему не поведутъ; онъ зналъ также, что въ такихъ случаяхъ не добьешься никакого толка и отъ капитана, даже если онъ и не пьянъ. Поэтому онъ благоразумно вернулся въ каюту.

— Вы разстроены, дорогой Банксъ?—спросилъ его чей-то голосъ.—Должно-быть, не выспались какъ слѣдуетъ. Или,

быть-можетъ, вамъ не нравится, что корабль повернулъ? Вы боитесь сильной качки, которая въ открытомъ морѣ всегда сильнѣе?

— Понятно, я взбѣшенъ!—рѣзко отвѣтилъ Банксъ. — Мы повернули, не угодно ли!.. Мы совсѣмъ не заѣдемъ въ Мазатланъ! Просто свинство! Я хочу поговорить съ капитаномъ... Я буду жаловаться!.. Помилуйте, у меня дѣла въ Мазатланѣ... Я жду писемъ...

— Дѣла, мой дорогой другъ?—продолжалъ голосъ, слегка пронизируя.—Успѣете покончить свои дѣла, когда прибудете въ Санъ-Франциско; а письма не пропадутъ, вы ихъ получите въ свое время. Лучше поднимемся на палубу и пошлемъ прощальный привѣтъ мексиканскому берегу—странѣ Монтецумы и Пизарро. Пойдемте! Посмотримъ на горы, съ которыхъ Бальбоа взиралъ на берега Тихаго океана. Пойдемте!

Собесѣдникъ Банкса, человѣкъ, очевидно, болѣе привычный къ морскимъ путешествіямъ, былъ, однако, одѣтъ въ столь же неподходящій для морского путешествія костюмъ. Бѣлые штаны въ обтяжку, кожаные узкіе сапоги и застегнутый на всѣ пуговицы сюртукъ дѣлали его похожимъ на военнаго; но въ разрѣзъ съ этимъ шли отложной воротникъ рубашки, небрежно завязанный шелковый галстукъ и гладко выбритая добродушная физіономія. Его гладкіе черные волосы, лоснящіеся словно послѣ купанья, были тщательно зачесаны назадъ. Шляпа на затылкѣ придавала ему щеголеватый, ухарскій видъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнажала его высокій бѣлый лобъ.

Онъ взошелъ на «Эксцельсіоръ» въ Кальяо, и пассажиры сразу рѣшили, что это военный. Когда же они разсмотрѣли его за завтракомъ и обѣдомъ поближе, то пришли къ заключенію, что это духовная особа, и попросили его прочитать молитву. Въ довершеніе всего его стали называть «сеніоръ» Перкинсъ, на томъ только основаніи, что онъ отлично говорилъ по-испански.

Прислонившись къ мачтѣ и показывая правою рукою на удаляющійся берегъ, онъ произнесъ:

— Посмотрите, сэръ! Что за чудесная страна! Страна, въ которой текутъ молочныя и медовыя рѣки. На ея горахъ произрастаетъ флора трехъ климатическихъ поясовъ. А между тѣмъ народъ... подавленный, угнетенный! Это страна угнетеній, заговоровъ, насилія, тиранін, политическихъ смутъ!

— Ну, и чортъ съ ними!—раздражительно воскликнулъ Банксъ.—Но вѣдь поймите, что Мазатланъ—обширный коммерческій портъ, имѣющій коммерческихъ агентовъ изъ Англіи и всей Америки. Тамъ отдѣленіе бостонской фирмы Поттеръ,

Поттсъ и Поттеръ. Ни одна пароходная компанія не можетъ его миновать.

Сеніоръ Перкинсъ задумчиво посмотрѣлъ своими кроткими черными глазами на третьяго матроса, но спустя минуту громко разсмѣялся и, поднявъ голову, вдохнулъ съ видимымъ наслажденіемъ полною грудью свѣжій, морской воздухъ.

— О,—воскликнулъ онъ съ восторгомъ,—это лучше всякихъ дѣлъ, которыя васъ ожидаютъ на зловредномъ берегу, гдѣ свирѣпствуетъ болотная лихорадка! Откройте ротъ и вдыхайте полною грудью чудный тихоокеанскій воздухъ. Развѣ это не восхитительно?

— Гдѣ капитанъ?—спросилъ Банксъ, все больше и больше раздражаясь.—Мнѣ нужно его повидать.

— Капитанъ,—отвѣтилъ мистеръ Перкинсъ, улыбаясь и понижая голосъ,—страдаетъ отъ послѣдствій угощенія и пребываетъ въ своей каютѣ. Прекрасный человѣкъ,—добавилъ онъ,—хорошій опытный морякъ и человѣкъ въ высшей степени внимательный къ пассажирамъ. Я непремѣнно предложу поднести ему благодарственный адресъ.

— Но если онъ валяется въ каютѣ, то кто же за него распоряжается?—сердито спросилъ Банксъ.

— Я полагаю, мой другъ, что капитанъ не обязанъ быть вездѣсущимъ. Нѣкоторая власть непремѣнно должна быть предоставлена и другимъ офицерамъ экипажа. Имъ, вѣроятно, лучше насъ извѣстны его намѣренія. Вы, дѣловые люди, всегда слишкомъ безпокоитесь попустому. Отнеситесь къ дѣлу философски. Я съ своей стороны вполнѣ полагаюсь на этихъ людей. Я сажусь на пароходъ или въ вагонъ съ глубокою вѣрою. Я говорю: «Этотъ капитанъ или этотъ кондукторъ лицо отвѣтственное, назначенное для охраны моей безопасности и моего спокойствія; онъ прекрасно знаетъ, что нужно сдѣлать для моей безопасности и для моего спокойствія. Онъ мучится изъ-за насъ, онъ бодрствуетъ днемъ и ночью, чтобы охранять меня и доставить меня туда, куда я ѣду. Зачѣмъ же я еще самъ буду мучиться, чѣмъ инымъ я могу помочь ему, какъ только полнѣйшимъ подчиненіемъ? Почему...

Но тутъ ораторъ былъ прерванъ сильнымъ толчкомъ. «Эксцельсіоръ» покачнулся. Вслѣдъ за тѣмъ послышался женскій крикъ, очень похожій на громкій смѣхъ; чьи-то маленькія ножки затопали по скользкой палубѣ, и внезапно предъ собесѣдниками предстала прелестная фигурка.

Въ тотъ же мигъ были забыты и дѣла и философія. Оба бросились на помощь милѣйшей особѣ, которая чуть не упала

отъ качки; но она уже успѣла добраться до перилъ и была въ безопасности.

— Миссъ Кинъ! — воскликнули они.

— Извините! — сказала молодая дѣвушка, краснѣя и простодушно улыбаясь въ смущеніи. — Въ каютѣ такая духота и мнѣ казалось такимъ наслажденіемъ подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Я поплатилась за свое легкомысліе, очутившись словно на покатой крышѣ дома.

— Ваша рѣшимость будетъ вознаграждена, — сказалъ Перкинсъ, любезно приглашая ее сѣсть на придвинутый имъ стулъ. — Теперь вы въ полнѣйшей безопасности, — добавилъ онъ, хватаясь рукою за конецъ каната, чтобы самому не упасть.

— Посмотрите, какое чудное зрѣлище: солнце только-что начинаетъ появляться на горизонтѣ!

Молодая дѣвушка посмотрѣла широко раскрытыми глазами на необъятное водное пространство, и вмѣсто улыбки на ея смущенномъ личикѣ изобразилось удивленіе; она даже немного открыла ротикъ. Лучи восходящаго солнца освѣщали гребни волнъ, окрашивая ихъ багрянцемъ и пурпуромъ. Блескъ ихъ напоминалъ блескъ огромныхъ стеклянныхъ глыбъ; казалось, что ударяясь о корабль, они должны со звономъ распадаться, вдребезги. Море какъ будто превратилось въ огромную массу окрашеннаго стекла. Переливы цвѣтовъ ласкали взоръ и никакая кисть не могла бы изобразить ихъ на холстѣ.

— Алмазная долина Синбада! — прошептала съ какимъ-то благоговѣніемъ миссъ Кинъ.

— Приливъ въ Калифорнскомъ заливѣ, какъ говорятъ моряки, — сказалъ хладнокровно Банксъ. — Но я рѣшительно не понимаю, почему мы...

— Калифорнскій заливъ? — спросила миссъ Кинъ съ выраженіемъ разочарованія на лицѣ. —Слѣдовательно, мы ужъ недалеко!..

— Но не отъ Калифорніи, милѣйшая миссъ Кинъ, — сказалъ Перкинсъ, — а отъ полуострова Калифорнія, который представляетъ собою часть Мексики. Онъ оканчивается мысомъ св. Луки, въ ста миляхъ отсюда; до Санъ-Франциско— главнаго города Верхней Калифорніи—намъ еще очень далеко. Мнѣ кажется, что вы съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаете конца путешествія, чѣмъ нашъ другъ, мистеръ Банксъ.

Улыбка, появившайся было на лицѣ миссъ Кинъ, снова исчезла и оно приняло озабоченное выраженіе.

— Путешествіе не показалось мнѣ скучнымъ, — съ живостью сказала она и затѣмъ, видимо желая перемѣнить раз-

говоръ, спросила: — Какой это полуостровъ? Когда-то я знала, когда училась въ школѣ.

— Это полуостровъ, не представляющій никакого интереса, — рѣзко замѣтилъ Банксъ,— эти мѣста—пустыни, тамъ нѣтъ никакой торговли.

— Не могу согласиться съ вами, — сказалъ Перкинсъ.— Насколько мнѣ извѣстно, вдоль берега расположено нѣсколько старинныхъ мексиканскихъ поселковъ, а это доказываетъ, что почва здѣсь плодородная. Впрочемъ, быть-можетъ, намъ удастся поближе ознакомиться съ этой страной, такъ какъ, не посѣтивъ Мазатлана, намъ придется остановиться въ этихъ мѣстахъ, чтобы запастись водой. Всѣ они намъ по пути, тогда какъ, если бы мы посѣтили Мазатланъ, то потеряли бы три дня.—Замѣтивъ недовольную мину Банкса, Перкинсъ продолжалъ: — Вѣроятно, такъ и рѣшилъ нашъ капитанъ. Но къ чему загадывать впередъ? Быть-можетъ, капитанъ готовитъ намъ неожиданный сюрпризъ. Миссъ Кинъ, я старался успокоить этого дѣлового человѣка моею философіею, но это мнѣ рѣшительно не удалось. Онъ неисправимъ. Въ настоящую минуту онъ безутѣшенъ, потому что не можетъ получить изъ Мазатлана новѣйшихъ извѣстій о томъ, какъ стоитъ курсъ, тогда какъ ему слѣдовало бы быть благодарнымъ судьбѣ, что она послала ему такой денекъ, когда онъ можетъ подышать чуднымъ морскимъ воздухомъ и хоть немного позабыть о своихъ дѣлахъ.

Шутливымъ актерскимъ жестомъ онъ совершенно развязалъ свой, и безъ того слабо повязанный, галстукъ, еще болѣе вытянулъ концы байроновскаго не накрахмаленнаго воротничка и сталъ жадно вдыхать дѣйствительно чудный утренній морской воздухъ полною грудью, повернувшись лицомъ къ вѣтру. Его собесѣдниковъ это нисколько не удивило, такъ какъ они уже привыкли къ выходкамъ Перкинса.

Море шумѣло, озаряемое утреннимъ солнцемъ, пробуждавшимъ его къ новой жизни; казалось, словно минувшая ночь была навѣки погребена въ бушующихъ волнахъ. Вдали показались коралловые рифы. Постепенно все было охвачено живительнымъ свѣтомъ взошедшаго дневного свѣтила.

Тѣмъ не менѣе, взоры миссъ Кинъ отъ времени до времени обращались къ лѣстницѣ, ведущей въ каюты. Спустя нѣсколько минутъ тамъ дѣйствительно показалась голова, а затѣмъ плечи и туловище поднимавшагося на палубу пассажира; какъ разъ въ это время миссъ Кинъ пристально смотрѣла на золотимыя солнечными лучами волны съ ихъ колоссальными золотистыми гребнями. Пассажиръ, появившійся на палубѣ, былъ молодой человѣкъ; онъ очень удивился, увидя миссъ Кинъ въ столь

ранній часъ, а миссъ Кинъ была не менѣе удивлена его неожиданнымъ появленіемъ. Нужно, однако, замѣтить, что это взаимное изумленіе ежедневно повторялось ровно въ теченіе трехъ недѣль. Оба постороннихъ свидѣтеля этой милой комедіи, притворившись ничего не понимающими, удалились подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, оставивъ молодыхъ людей вдвоемъ.

Смущеніе и неловкость, которыя послѣдніе испытывали при каждой встрѣчѣ, на этотъ разъ были продолжительнѣе обыкновеннаго.

— Повидимому, мы не заѣдемъ въ Мазатланъ, — сказала миссъ Кинъ, желая нарушить продолжительное молчаніе и не отрывая взоровъ отъ моря.

— Нѣтъ, — робко отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Объ этомъ я слышалъ уже внизу; всѣ негодуютъ. Мнѣ кажется, миссисъ Маркгемъ организуетъ депутацію къ капитану. Повидимому, помощникъ капитана или кто-либо другой изъ начальствующихъ на кораблѣ рѣшилъ, что и безъ того потеряно слишкомъ много времени и потому слѣдуетъ прямымъ путемъ итти къ мысу св. Луки. Этимъ выгадывается четыре дня. А Мазатланъ остается въ сторонѣ. Мнѣ кажется, вамъ это совершенно безразлично, миссъ Кинъ?

— Мнѣ? Конечно! — поспѣшно отвѣтила дѣвушка.

— Очень сожалѣю объ этомъ! — задумчиво воскликнулъ онъ.

— Неужели? Стало-быть, вамъ еще не надоѣло пребываніе на кораблѣ?

— О, нѣтъ! — откровенно отвѣтилъ онъ. — Мнѣ было бы очень пріятно отстрочить нашу разлуку хотя бы на четыре дня.

Онъ покраснѣлъ и умолкъ. Наступило неловкое молчаніе. До нихъ съ другого конца палубы доносился шумный споръ Перкинса и Банкса о политикѣ. Миссъ Кинъ засмѣялась.

— Мы еще такъ далеко отъ Санъ-Франциско, что вы, пожалуй, успѣете перемѣнить свои мысли.

— Никогда! — многозначительно воскликнулъ онъ.

Онъ подошелъ къ ней поближе, словно желая подтвердить свои слова. Она мелькомъ взглянула на спорившихъ о политикѣ и осторожно отодвинулась.

— Знаете ли, — сказала она неожиданно, смягчая ласковой улыбкой свое движеніе, — мнѣ порою просто не вѣрится, что я дѣйствительно ѣду въ Санъ-Франциско. Сама не знаю, что это значитъ, но я рѣшительно не могу представить себя тамъ.

ПОЖАЛУЙСТА
не загибайте книг при чтеніи.

— Я бы очень желалъ, чтобы вы могли представить себѣ это, потому что я ѣду туда.

Какъ будто не разслышавъ или не понявъ этого намека, она серьезно продолжала:

— По временамъ эта мысль становится во мнѣ настолько преобладающей, что я поневолѣ становлюсь суевѣрной. Во время страшной бури, перенесенной нами послѣ того, какъ мы покинули Кальяо, я такъ и думала, что это было предчувствіемъ нашей гибели.

— Если бы мы погибли вмѣстѣ, то я не счелъ бы это для себя худшимъ изъ всѣхъ бѣдствій, которыя могутъ меня постигнуть. Я помню эту бурю, миссъ Кинъ!.. Я помню...

Онъ робко замолчалъ.

— Что помните? — спросила она, ласково улыбаясь и въ первый разъ посмотрѣвъ ему въ лицо.

— Я помню, что просидѣлъ всю ночь у дверей вашей каюты съ пробковой курткой и съ разными спасательными снарядами, которые приготовилъ для васъ. Я твердо рѣшилъ скорѣе погибнуть, чѣмъ предоставить васъ этимъ разбойникамъ, чѣмъ ставить вашу жизнь въ зависимость...

— Но какъ же вы хотѣли предотвратить это? — спросила миссъ Кинъ полушутя, полуснисходительно.

— Я и самъ хорошенько не зналъ, — отвѣтилъ онъ, снова покраснѣвъ. — По всей вѣроятности, я привязалъ бы васъ къ какому-нибудь бревну и поплылъ бы рядомъ съ вами. Быть-можетъ, волны выбросили бы насъ на берегъ или на какой-нибудь островъ.

— А бѣдныя миссисъ Маркгемъ и миссисъ Бриммеръ? Ихъ бы вы предоставили власти «этихъ разбойниковъ» матросовъ, я полагаю? — улыбаясь произнесла миссъ Кинъ.

— Ну, о миссисъ Маркгемъ нашлось бы кому позаботиться! А миссисъ Бриммеръ ни за что не согласилась бы быть спасенной человѣкомъ, ей мало знакомымъ. Впрочемъ, что объ этомъ говорить! — съ досадой воскликнулъ онъ. — Ничего не случилось и, надо полагать, не случится. Вы будете въ Санъ-Франциско и увидите тамъ сами себя, хотя, быть-можетъ, не увидите тамъ меня. Вы ѣдете къ богачу-брату, миссъ Кинъ, у котораго много друзей и знакомыхъ; онъ и вниманія не обратитъ на бѣдняка, къ которому вы были снисходительны во время путешествія, но который не имѣетъ счастья принадлежать къ кругу знакомыхъ миссисъ Бриммеръ и не ведетъ торговыхъ дѣлъ съ мистеромъ Банксомъ.

— Вы не знакомы съ моимъ братомъ, мистеръ Бресъ?

— Не больше васъ, миссъ Кинъ. Вы, кажется, говорили не далѣе какъ вчера, что едва помните его.

Молодая дѣвушка вздохнула.

— Я была еще ребенкомъ, когда онъ отправился въ Калифорнію. Но все-таки я его помню. Я не сомнѣваюсь, онъ будетъ очень радъ, узнавъ, что я была такъ счастлива здѣсь, и онъ будетъ признателенъ всѣмъ тѣмъ, кому я этимъ обязана.

— Такъ вы говорите, вы были счастливы здѣсь?

— О, да, очень!

Она отвела взоры свои въ сторону и стала смотрѣть на дверь, ведущую въ каюты.

— Всѣ здѣсь были такъ ласковы со мной! — добавила миссъ Кинъ.

— И вы всѣмъ одинаково признательны?

— Да.

— Одинаково?

Корабль внезапно покачнулся впередъ. Миссъ Кинъ невольно подняла свою маленькую ручку, словно желая удержаться за что-нибудь. Молодой человѣкъ поспѣшно схватилъ ее.

— Одинаково? — повторилъ онъ, горько и въ то же время недовѣрчиво посмѣиваясь.— Одинаково, какъ его преподобію сладкогласному мистеру Перкинсу, такъ и мрачному мистеру Чарльстону, который никогда не улыбается?

Она быстро отдернула руку и встала.

— Я слышу запахъ кушанья, — смѣясь, сказала она.— Не ужасайтесь, мистеръ Бресъ, я страшно голодна. — Она взяла его подъ руку: — Помогите мнѣ сойти въ каюту.

Только къ полудню боковая качка прекратилась и пассажиры высыпали наверхъ. Даже м-ссъ Бриммеръ и миссъ Чебъ вышли изъ своихъ каютъ и были торжественно усажены на импровизированный диванъ изъ подушекъ и пледовъ. М-ссъ Бриммеръ, какъ дочь богатаго бостонца, сестра знаменитаго адвоката и жена счастливаго санъ-францисскаго купца, имѣвшаго паи на владѣніе «Эксцельсіоромъ», была признана первой особой, и въ качествѣ первой особы пользовалась то особымъ вниманіемъ, то ненавистью. Пассажиры другого пола смотрѣли на миссисъ Бриммеръ, какъ на хорошенькую женщину, умѣвшую при случаѣ пускать въ ходъ свои темные, съ длинными рѣсницами, глаза. Такой же хорошенькой считали миссъ Чебъ, ея пріятельницу и спутницу.

Между миссисъ Маркгемъ, миссъ Кинъ и двумя пріятельницами не было открытой ненависти, но положительно существо-

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА

вало соперничество. Миссъ Кинъ была единогласно признана красавицей «Эксцельсіора», точно такъ же всѣми единогласно было признано умственное превосходство миссисъ Маркгемъ.

Въ это утро миссисъ Бриммеръ раздѣляла неудовольствіе Банкса, что «Эксцельсіоръ» не зашелъ въ Мазатланъ. Она дала ему даже мѣсто около себя на подушкахъ и задумчиво высказала предположеніе, что мужъ ея будетъ огорченъ еще больше, чѣмъ она.

— Что это?—сказала вдругъ миссъ Чебъ, указывая на нѣсколько пассажировъ, о чемъ-то горячо разсуждавшихъ съ помощникомъ капитана.—О чемъ они толкуютъ? Пойдите, узнайте!—обратилась она къ пассажиру м-ру Кросби.

Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ къ нимъ подошелъ м-ръ Винслоу.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ онъ.—Чарльстонъ пропалъ. Нигдѣ его не найдутъ! Онъ, должно-быть, свалился за бортъ.

Крики ужаса, вырвавшіеся изъ груди Бриммеръ и Чебъ, отвлекли всеобщее вниманіе отъ внезапной блѣдности, покрывшей лицо миссъ Кинъ, невольно подошедшей къ нимъ.

— Какъ ужасно, что никто этого не зналъ,—дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала она:—Мы сидѣли тутъ, смѣялись, болтали, а онъ, можетъ-быть... Господи! что это?

Послышалась грубая команда; нѣсколько матросовъ бросились къ шлюпкѣ.

— Спускаютъ шлюпку, вотъ и все; только это безполезно,—сказалъ Бресъ.—Несчастіе, должно-быть, случилось до зари, иначе вахтенный замѣтилъ бы. Вѣроятно, это было задолго до того, какъ мы вышли наверхъ,—тихо прибавилъ онъ,—поэтому успокойтесь, миссъ Кинъ, вы не могли этого видѣть.

— Не ужасно ли,—прошептала дѣвушка,—что его даже не хватились. Но вѣдь вы-то,—вдругъ прибавила она, поднявъ на Бреса свои кроткіе глаза,—должны были замѣтить его отсутствіе; и отчего это я...

Она остановилась въ смущеніи, котораго, однако, никто не замѣтилъ вслѣдствіе возгласа Винслоу:

— Капитана, наконецъ, откуда-то выудили, и онъ отдаетъ приказанія. Однако онъ и сегодня не похожъ на человѣка, сознательно управляющаго кораблемъ,—прибавилъ онъ при видѣ коренастаго, сѣдоватаго господина съ припухшимъ лицомъ и глазами, и сиплымъ пьянымъ голосомъ.—Кажется, онъ проклинаетъ свою судьбу, что ему приходится остановиться и не воспользоваться попутнымъ вѣтромъ.

— Но вѣдь это ради спасенія жизни человѣческой!— вскричала Маркгемъ.

— Онъ очень хорошо знаетъ, что, спустивъ теперь лодку, ничьей жизни не спасешь. Онъ дѣлаетъ это для виду, чтобы успокоить васъ, дамъ.

— Такъ вы увѣрены, что онъ потонулъ?—со слезами на глазахъ спросила миссъ Кинъ.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнья,—отвѣчалъ Винслоу.

— Я съ вами не могу согласиться,—проговорилъ сладкозвучный голосъ.

Всѣ быстро обернулись.

— Я не согласенъ съ моимъ молодымъ другомъ,—любезно продолжалъ сеніоръ Перкинсъ:—несчастье, вѣроятно, произошло на разсвѣтѣ, когда мы были у самаго берега. Хорошій пловецъ могъ вплавь достигнуть берега, или же,—прибавилъ онъ, видя что глаза миссъ Кинъ засіяли надеждой:—его могли принять на проходившее мимо судно. Въ это время между нами и берегомъ виднѣлся дымъ большого парохода.

— Парохода!—съ жаромъ вскричалъ Банксъ,—это навѣрное былъ почтовый пароходъ. Какъ досадно!

Онъ жалѣлъ о неполученныхъ имъ письмахъ! Миссъ Кинъ отвернулась. Ей былъ противенъ этотъ эгоизмъ.

— Мнѣ кажется, что сеніоръ правъ, миссъ Кинъ,—сказалъ Бресъ,—отходя съ нею въ сторону,—и знаете, почему я такъ думаю? Если бы онъ хотѣлъ лишить себя жизни, онъ оставилъ бы письмо. Онъ, просто, должно-быть, бросился, чтобы вплавь достигнуть берега.

— Но зачѣмъ же онъ хотѣлъ непремѣнно сойти съ корабля?—спросила дѣвушка.

Молодой человѣкъ многозначительно посмотрѣлъ на нее.

— Можетъ-быть, у него были причины не ѣхать въ Санъ-Франциско, гдѣ наши законы очень строги. Предположите, что онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе?

Дѣвушка съ негодованіемъ приподнялась.

— Это просто позоръ! Кто рѣшается говорить такимъ образомъ?

Бресъ весь вспыхнулъ.

— Какъ кто? Всѣ,—возразилъ онъ,—весь корабль говоритъ это.

— Такъ ли? И, не зная хорошенько, живъ онъ или нѣтъ, или борется еще со смертью, люди не находятъ ничего луч-

ПОЛ... ГИСТА

шаго, какъ марать его репутацію?—вскричала она, сверкая глазами.

— Я поступилъ хуже этихъ людей,—краснѣя отъ негодованія, отвѣчалъ онъ.—Мнѣ слѣдовало помнить, что я говорю съ его защитницей. Извините, пожалуйста.

Онъ повернулся, а миссъ Кинъ молча отошла на другую сторону палубы и начала говорить съ Маркгемъ.

Она скоро убѣдилась, что весь корабль раздѣлялъ мнѣніе Бреса. По приказанію капитана, каюта несчастнаго пассажира была заперта, и дверь запечатана. Одинъ только Перкинсъ оставался попрежнему спокоенъ.

— Какъ мы всѣ были счастливы до этой минуты,—сказала миссъ Кинъ, поднимая на него свои кроткіе глаза,—и какъ жестоко пробудились отъ нашего блаженнаго покоя. Теперь я не могу отдѣлаться отъ мысли, что это—начало нашихъ бѣдствій. Господи! что это?

Она вздрогнула, увидавъ черное лицо одного изъ матросовъ, внезапно выросшаго точно изъ-подъ земли.

— Сеніоръ Перкинсъ,—сказалъ онъ, прикладывая руку къ непокрытой головѣ.

— Вы спрашиваете меня, мой милый?—отеческимъ голосомъ сказалъ Перкинсъ.

— Si, сеніоръ; помощникъ капитана желаетъ видѣть патрона.

— Сейчасъ приду.

Матросъ не уходилъ. Перкинсъ подошелъ къ нему ближе. Матросъ поднялъ на него глаза и произнесъ испанское слово:

— Вигилансія.

— Хорошо,—ласково отвѣчалъ сеніоръ.—Извините меня, я сейчасъ вернусь,—обратился онъ къ дамамъ.

— Можетъ-быть, вы узнаете что-нибудь о бѣдномъ Чарльстонѣ? — сказала миссъ Кинъ, инстинктивно начиная надѣяться.

— Почемъ знать?—отвѣчалъ Перкинсъ, дѣлая жестъ рукой и уходя за своимъ провожатымъ. — Слѣдуетъ всегда надѣяться на хорошее.

II.

Второе предзнаменованіе.

Не сказавъ больше ни слова со своимъ спутникомъ, Перкинсъ дошелъ до главнаго люка, въ который оба они спустились и пошли по полутемной второй палубѣ. Тутъ имъ попались навстрѣчу два или три человѣка; узнавъ сеніора, они

смутились и отошли, какъ испуганныя животныя при видѣ своего укротителя. У носового люка стоялъ караульный, и за нимъ группа, освѣщенная фонаремъ. Группа состояла изъ помощника капитана, штурмана, злобнаго матроса-перувіанца и пропавшаго Чарльстона, который сидѣлъ на полу, закованный въ цѣпи.

— Разсказывай все, какъ было, Іотто, — сказалъ помощникъ капитана перувіанцу.

— Это было, патронъ, на зарѣ, еще раньше, чѣмъ мы повернули,—началъ матросъ по-испански,—мнѣ показалось, точно кто-то пробирался къ носовому люку, но я не обратилъ на это вниманія. Потомъ я услыхалъ здѣсь шорохъ, спустился и нашелъ его. Онъ хотѣлъ тутъ спрятаться. Около него лежалъ вотъ этотъ свертокъ. Я схватилъ его, патронъ, а онъ сталъ отбиваться и ударилъ меня вотъ сюда— онъ указалъ на свою еще влажную перевязку—и непремѣнно бросился бы за бортъ, если бы штурманъ не услыхалъ тутъ возни и какъ разъ во-время не подоспѣлъ сюда.

— Какъ же онъ объясняетъ это?

— Онъ отказывается говорить.

— Снимите съ него кандалы,—сказалъ по-англійски Перкинсъ.

— Однако...—возразилъ штурманъ.

— Я сказалъ: снимите кандалы,—сухимъ, строгимъ голосомъ повторилъ сеніоръ.

Матросъ и штурманъ сняли кандалы. Арестантъ поднялъ глаза на Перкинса. Это былъ худощавый мужчина лѣтъ тридцати, съ бѣлокурыми волосами и впалыми щеками. Его короткая верхняя губа не закрывала вполнѣ зубовъ, но черты лица были правильны, а большіе голубые глаза выражали смѣлость и кротость.

— Хорошо,—тѣмъ же тономъ сказалъ сеніоръ.—Теперь оставьте меня съ нимъ.

Моряки посмотрѣли другъ на друга, не зная, что дѣлать; но, взглянувъ на Перкинса, тотчасъ же направились къ лѣстницѣ. Не поднялся только перувіанецъ.

— Отправляйтесь!—рѣзко сказалъ сеніоръ.

Матросъ злобно посмотрѣлъ на арестанта и вышелъ ворча.

— Сказалъ ли онъ вамъ,—началъ молодой человѣкъ, печально глядя вслѣдъ за матросомъ:—что я хотѣлъ подкупить его, чтобы онъ меня отпустилъ, но не могъ? Онъ просилъ слишкомъ много. Онъ думалъ, что у меня тутъ краденыя деньги или вещи,—прибавилъ онъ, горько усмѣхаясь и указывая на свертокъ, лежавшій подлѣ него.

— А у васъ нѣтъ денегъ?—просто сказалъ Перкинсъ

— Нѣтъ.

— Я вамъ вѣрю. А теперь, милый другъ мой, такъ какъ помощникъ капитана, матросъ и штурманъ ушли, не скажете ли вы мнѣ, почему вы хотѣли спрятаться?

Молодой человѣкъ поднялъ глаза на сеніора. Онъ жилъ въ продолженіе трехъ недѣль въ тѣсномъ кружкѣ, замѣтнымъ членомъ котораго былъ Перкинсъ, но теперь едва узналъ его.

— А если я откажусь?

Сеніоръ пожалъ плечами.

— Помощникъ капитана и штурманъ сочтутъ своимъ долгомъ свести перувіанца къ капитану и меня позовутъ въ качествѣ переводчика.

— А я при первой же возможности брошусь за бортъ. Я сдѣлалъ бы это десять минутъ тому назадъ, но меня удержали.

Глаза его сверкнули такъ рѣшительно, что нельзя было сомнѣваться въ истинѣ его словъ.

— Я увѣренъ, что вы сдѣлали бы это,—снисходительно сказалъ Перкинсъ,—но не вижу въ томъ ни малѣйшей надобности, въ особенности, если вы будете такъ добры и научите меня, какъ говорить?

Молодой человѣкъ потупилъ глаза.

— Я хотѣлъ спрятаться въ этомъ люкѣ,—вымолвилъ онъ,—и думалъ остаться тутъ, пока «Эксцельсіоръ» стоялъ бы въ Мазатланѣ. Я не зналъ, что корабль перемѣнилъ направленіе.

— А какъ, по-вашему мнѣнію, объяснили бы ваше отсутствіе?—ласково спросилъ Перкинсъ.

— Вѣроятно, подумали бы, что я свалился за бортъ до прибытія нашего въ Мазатланъ.

— Такъ что лицо, которое стало бы васъ искать, не нашло бы васъ тамъ, и васъ сочли бы погибшимъ?

— Да.—Онъ быстро поднялъ глаза на Перкинса.—Я не воръ и не убійца,—почти внѣ себя сказалъ онъ,—но не хочу, чтобы меня узнали люди, которые знали меня прежде.

Перкинсъ посмотрѣлъ на него пристально, точно хотѣлъ проникнуть въ его мысли.

— Другъ мой,—весело сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—васъ спасла сама судьба. Повторяю—васъ спасла судьба. Будь я склоненъ къ пророчествамъ, я сказалъ бы, что вы предназначены для какого-нибудь исключительно счастливаго положенія въ жизни

Молодой человѣкъ невольно съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы просто лунатикъ. Извините меня,—продолжалъ Перкинсъ, подавая ему руку,—вы, конечно, сами этого не знаете—люди, страдающіе этимъ недугомъ, по большей части не знаютъ объ этомъ или, по крайней мѣрѣ, не знаютъ размѣровъ своей болѣзни. У васъ она проявляется глубокой меланхоліей и боязнью общества. Въ припадкѣ лунатизма вы встали ночью, одѣлись и пошли ходить безсознательно по палубѣ; въ это время вы встрѣтили матроса, только что вышедшаго отсюда, который принялъ васъ за привидѣніе и хотѣлъ закричать, но корабль въ эту минуту сильно качнуло, и вы свалились въ открытый люкъ: отъ паденія вы лишились чувствъ и пролежали, пока васъ не нашли.

— Кто же повѣритъ такой исторіи?

— Матросъ, который васъ нашелъ и разсказалъ это мнѣ на своемъ животномъ нарѣчіи, въ свою очередь разскажетъ это капитану и пассажирамъ.

— А двое служащихъ, бывшихъ здѣсь?

— Это хорошіе служаки, усердно исполняющіе приказанія начальства и слишкомъ хорошо понимающіе свои обязанности, чтобы оспаривать слова своего товарища. Бруксъ, помощникъ капитана, очень умный и начитанный господинъ, но плохо знаетъ по-испански; Макъ-Карти знаетъ только нѣсколько испанскихъ фразъ, и не можетъ слѣдить за разсказомъ на этомъ языкѣ.

— А вы-то кто же такой?—болѣе спокойно сказалъ Чарльстонъ;—съ какой стати вы сдѣлаете это для чужого вамъ человѣка?

— Я другъ, какъ вашъ, такъ и капитана, и другихъ пассажировъ,—весело отвѣчалъ Перкинсъ.—Я вѣрю вамъ, сэръ; да если бы и не вѣрилъ, то все-таки не нахожу причины нарушать гармонію, установившуюся въ нашемъ маленькомъ обществѣ во время плаванія. Случись какой-нибудь скандалъ, не говоря уже о моемъ личномъ сожалѣніи, это произвело бы только большое разстройство и никому не принесло бы пользы. Теперь же тайна ваша будетъ сохранена; я даже не спрашиваю, въ чемъ она состоитъ; мы сдѣлались хорошими знакомыми почему бы намъ и не разстаться въ хорошихъ отношеніяхъ?

Чарльстонъ посмотрѣлъ на Перкинса, на его добродушное лицо, съ минуту поколебался, и затѣмъ въ смущеніи протянулъ руку.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—благодарю, по крайней мѣрѣ, за то, что вы не спрашиваете моей тайны. Можетъ-быть, если бы это была только...

— Ваша тайна...т[illegible]ы могли бы открыть ее,—живо перебилъ Перкинсъ.—Вамъ нѣтъ никакой надобности принуждать себя

къ откровенности. А теперь, мой другъ, время не терпитъ. Я распоряжусь, чтобы васъ незамѣтно перевели въ вашу каюту, покуда всѣ пассажиры на верхней палубѣ. Если бы вы позволили прислугѣ перевести васъ, какъ человѣка обезсиленнаго, это было бы еще лучше. Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что три часа, проведенные въ безсознательномъ состояніи, конечно, могли лишить васъ силъ.

Перкинсъ вышелъ и вскорѣ снова появился въ сопровожденіи двухъ человѣкъ прислуги.

— Обопритесь на этихъ людей,—многозначительно сказалъ онъ Чарльстону,—и не надѣйтесь особенно на свои силы. Слава Богу, кости у васъ всѣ цѣлы, и вы только ошеломлены паденіемъ. Отдыхъ, я думаю, вамъ поможетъ настолько, что не придется прибѣгать къ аптекѣ. Вы можете теперь не замѣченнымъ добраться до своей каюты.

Перкинсъ пожалъ Чарльстону руку, остался немного позади и съ обычнымъ добродушіемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ Вдругъ кто-то грубо схватилъ его за руку. Онъ обернулся и глаза его встрѣтились со злобнымъ взоромъ перувіанца.

— А какъ же вы вознаградите меня?—по-испански сказалъ матросъ.

— Васъ?

— Да, меня. Кто мнѣ заплатитъ за это?—онъ указалъ на свою перевязанную голову.

Не измѣняя ласковаго выраженія своего лица, Перкинсъ пристально посмотрѣлъ на перувіанца. Глаза матроса опустились.

— Дорогой мой Іото,—кротко сказалъ Перкинсъ,—я не думаю, чтобы вопросъ о личной непріятности могъ разбираться капитаномъ юридически. Впрочемъ, я объ этомъ подумаю. А пока позволь тебѣ посовѣтовать сдерживать свои порывы. Лишнее усердіе въ подчиненномъ хуже лѣни. Вообще же, сынъ мой, будь насторожѣ... и будь покоенъ. Намѣреніе у тебя было хорошее—это многое искупаетъ. До свиданія...

III.

Въ туманѣ.

Къ полудню слѣдующаго дня съ подвѣтренной стороны отчетливо показался полуостровъ Калифорнія. Пониженная температура и сѣверо-западный вѣтеръ заставили миссисъ Бриммеръ и миссъ Чебъ сойти внизъ и подумать о замѣнѣ легкихъ костюмовъ чѣмъ-нибудь болѣе теплымъ. Этотъ животрепещущій вопросъ на время заслонилъ всѣ другіе и даже миссисъ Маркгемъ и миссъ Кинъ, оставшіяся въ платкахъ и шаляхъ на палубѣ,

вздыхали о жаркомъ лѣтѣ. Мужчины тоже надѣли сюртуки и пальто; только Перкинсъ попрежнему подставлялъ подъ струи свѣжаго вѣтра свою открытую шею въ байроновскихъ воротничкахъ и непокрытую голову.

Надъ горизонтомъ чуть замѣтно поднималось нѣсколько куполообразныхъ холмовъ, желтыхъ и лишенныхъ растительности, въ родѣ песчаныхъ дюнъ. Воздухъ сталъ суше, солнце начало палить. Миссъ Кинъ подняла глаза на Перкинса съ нетерпѣніемъ балованнаго ребенка.

— Не нравится мнѣ вашъ полуостровъ,—сказала она.— Онъ такой плоскій и неинтересный. На другомъ берегу и даже въ морѣ было гораздо лучше.

— Вы нѣсколько поторопились высказать ваше мнѣніе, мой юный другъ,—возразилъ Перкинсъ.—За этими холмами спрятаны настоящіе эдемы по климату и плодородію. Эти поселки можно сравнить съ горячими углями, покрытыми пепломъ, сохраняющимъ жаръ ихъ незамѣтнымъ и неприкосновеннымъ

— Какъ это поэтично!—съ восторгомъ сказала Маркгемъ.— Вамъ слѣдовало бы выразить это стихами.

— Что я и сдѣлалъ,—скромно отвѣчалъ Перкинсъ.—Если вы позволите сегодня вечеромъ прочесть ихъ вамъ, то очень меня обяжете. Кромѣ того, я желалъ бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать вамъ стихи одной очень даровитой, но до сихъ поръ не прославившейся женщины: миссъ Эфеміи Макъ-Коркль, изъ Пеоріи въ Иллинойсѣ.

Маркгемъ слегка кашлянула. Талантливая Макъ-Коркль была ей извѣстна: однажды всѣ пассажиры разбѣжались изъ общей каюты при видѣ принесенной Перкинсомъ объемистой рукописи прелестной иллинойки. Миссъ Кинъ не могла также забыть, что была тронута дрожащимъ голосомъ и влажными отъ слезъ глазами чтеца. Она хотя и не всегда понимала Перкинса, но настолько его любила, что не желала видѣть смѣшнымъ, и потому кокетливо возразила:

— Вы забыли, что сначала обѣщали прочесть рукопись мнѣ съ глазу на глазъ, и что сегодня вечеромъ обязаны дать мнѣ возможность отыграться въ шахматы. Впрочемъ, какъ знаете. Странно,—вдругъ прибавила она,—я стала ужасно первной, и безпрестанно прислушиваюсь къ командѣ, точно боюсь, что опять что-нибудь случится. Прежде со мной ничего подобнаго не бывало, а теперь—и ея веселый голосъ принялъ серьезный оттѣнокъ—посмотрите на штурмана и матросовъ. Тамъ, несомнѣнно, что-то происходитъ или что-то готовится. На что это они смотрятъ?

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY

Одинъ изъ матросовъ влѣзъ на мачту и пристально смотрѣлъ куда-то. Трое другихъ на палубѣ тоже смотрѣли въ ту сторону. Пассажиры стали также смотрѣть и увидали что-то въ родѣ отлогаго берега.

— Что это? тутъ еще берегъ!—вскричала Маркгемъ.

— Это туманъ,—серьезно вымолвилъ Перкинсъ.

Онъ былъ правъ. Въ нѣсколько минутъ блестящая синяя поверхность моря потускнѣла, какъ бы подъ вліяніемъ разъѣдающей кислоты; далекая линія горизонта была видна совершенно ясно, но все морское пространство до горизонта закрылось сѣрымъ туманомъ. Туманная полоса вдругъ утратила сходство съ берегомъ и, какъ завѣса, стала подниматься вокругъ корабля. Вѣтеръ совершенно упалъ, и влажная стѣна точно отдѣлила «Эксцельсіоръ» отъ всего живущаго.

На кораблѣ была полная тишина. Повисшіе паруса не хлопали, и скрипнувшій наверху блокъ заставилъ всѣхъ поднять глаза. Глухія приказанія невидимыхъ лицъ исполнялись привидѣніями, беззвучно двигавшимися по сѣрому морю, точно залившему палубу. Даже пассажиры говорили шопотомъ и задерживали дыханіе, точно боясь нарушить страшное безмолвіе. Нельзя было не замѣтить, что корабль куда-то уносится теченіемъ; онъ пересталъ разрѣзать волны, и характеръ качки измѣнился настолько, что присутствующимъ иногда казалось, будто корабль несется куда-то съ неимовѣрной быстротой.

Капитанъ Бенкеръ стоялъ у мачты, откуда распоряженія его передавались человѣку, стоявшему у безполезнаго колеса. Перкинсъ, стоя рядомъ съ нимъ, улыбался съ невозмутимымъ равнодушіемъ и одобрительно отвѣчалъ на полуувѣренные, полутревожные вопросы капитана.

— По картѣ мы должны быть на востокъ отъ острова Лосъ-Лобосъ, — говорилъ онъ. — Вы не помните направленія теченія у берега?

— Мнѣ помнится, что тутъ было сильное сѣверо-западное теченіе въ заливъ Балленосъ.

— Далеко оно отъ Сенъ-Рока?

— За одну или за двѣ мили. Я бы держалъ больше къ западу,—сказалъ Перкинсъ,—и пошелъ бы...

— Я не прошу васъ потошить мой корабль,—рѣзко перебилъ капитанъ.—Каковъ ходъ, Бруксъ?

Моряки, стоявшіе неподалеку, быстро взглянули на Перкинса, но онъ не показалъ и вида, что замѣтилъ оскорбленіе. Экипажъ въ эту минуту восхищался своимъ капитаномъ. Опасность вернула ему зрѣніе, голосъ и соображеніе, обратила его

опять въ смѣлаго и ловкаго моряка, и заставила команду корабля забыть несчастную слабость, ронявшую капитана въ ея глазахъ.

Даже для неопытныхъ пассажировъ стало замѣтно, что «Эксцельсіоръ» повинуется новому и энергичному управленію. Неровное покачиваніе прекратилось и смѣнилось таинственными, правильными колебаніями, въ которыхъ, повидимому, принималъ участіе окружающій туманъ. Тщетно спущенная лодка старалась опредѣлить направленіе корабля, тщетно капитанъ Бенкеръ, призвавъ на помощь всю свою морскую опытность, боролся противъ невидимаго врага,—закутанный въ густой туманъ «Эксцельсіоръ» двигался, какъ тѣнь, быть-можетъ, прямо къ гибели.

Тревога моряковъ не сообщилась однако пассажирамъ. Миссъ Кинъ туманъ вовсе не безпокоилъ, ей даже нравилось находиться среди облаковъ. Укачиваемая равномѣрнымъ движеніемъ корабля, она предалась пріятнымъ мечтамъ.

— Вы не боитесь, миссъ Кинъ?—вдругъ произнесъ подлѣ нея чей-то голосъ.

Она слегка вздрогнула—это былъ голосъ Чарльстона. Не отвѣчая на вопросъ, она быстро проговорила:

— Такъ вамъ лучше? Мы такъ испугались за васъ.

По его худому лицу промелькнула тѣнь негодованія, но онъ овладѣлъ собою и сказалъ:

— Мнѣ говорили, что вы всѣ были спокойны. Я не думаю, чтобы опасность была особенно велика. И если мы тутъ пристанемъ къ берегу...

— Что же тогда?—спросила она, удивляясь его тревогѣ.

— Тогда мы только разстанемся нѣсколькими днями раньше, вотъ и все...

Испугавшись больше его страннаго голоса, чѣмъ сознанія опасности, она хотѣла подойти къ кучкѣ пассажировъ, но ее остановилъ рѣзкій голосъ.

Молодая дѣвушка осмотрѣлась кругомъ и въ первый разъ увидала, что пассажиры, повинуясь отданному, но непонятому ею приказанію удалились всѣ въ одинъ уголъ, въ то время какъ она и собесѣдникъ ея остались незамѣченнымъ.

Нѣсколько матросовъ, занявшихъ мѣста около шлюпокъ, окончательно отдѣлили ихъ отъ общества..

— Кто позаботится о васъ?— нерѣшительно спросилъ онъ: — Бресъ... Перкинсъ... или...

— Никто не позаботится, — живо отвѣчала она, — да и з чѣмъ?

— Въ случаѣ крайности, мы недалеко отъ шлюпки, и вы позволите мнѣ остаться подлѣ васъ и посадить васъ въ шлюпку.

— А какъ же другія дамы?

— Съ ними успѣется,—мрачно сказалъ онъ, набрасывая ей на плечи платокъ.

— Право... я не понимаю,—пробормотала она, болѣе смущенная, чѣмъ испуганная.

— Мнѣ кажется, опасности большой нѣтъ,—прибавилъ онъ.—Тутъ не открытое море, корабль идетъ очень тихо и буруны не разбиваются о скалы. Слушайте!

Она стала прислушиваться. Сначала она не слышала ничего, кромѣ низкаго голоса, отдающаго приказанія около колеса. Потомъ, черезъ туманъ, къ ней стали доноситься съ правой стороны звуки легкаго журчанія. Она слыхала такое журчаніе въ Нью-Портѣ въ лѣтніе вечера. Звуки эти не пугали ея, а только усиливали смущеніе.

— А вы?—сказала она, ласково поднявъ на него глаза.

— Если вы всѣ уѣдете въ лодкахъ, то я думаю, мнѣ лучше будетъ остаться на кораблѣ,—отвѣчалъ онъ.

Миссъ Кинъ молчала. Корабль тихо двигался впередъ, и безмолвіе нарушалось только лязгомъ цѣпей. Лотовой выкрикивалъ, что вода не глубока, чуть-чуть потемнѣвшій туманъ доказывалъ, что «Эксцельсіоръ» вошелъ въ проходъ, окруженный землею. Вдругъ корабль обдало теплой волной налетѣвшаго воздуха. Наступило гробовое молчаніе и затѣмъ примчалась новая воздушная волна, принесшая съ собой отраженные звуки колоколовъ.

«Эксцельсіоръ» закачался и остановился на якорѣ, брошенномъ въ тихомъ заливѣ.

Миссъ Кинъ такъ внимательно вслушивалась въ звонъ колоколовъ, что совершенно забыла о присутствіи молодаго человѣка, и теперь обернулась къ нему. Но его уже не было.

Съ невидимаго берега доносились стройные звуки звонкихъ дискантовъ и грустно замирали въ туманѣ. Казалось, эти звуки дрожали въ густомъ, влажномъ воздухѣ. Два, три матроса набожно перекрестились, другіе пассажиры не рѣшались нарушить молчаніе и только смотрѣли другъ на друга. Но скоро опять наступила полная тишина.

Вдругъ послышался плескъ воды и удары веселъ возвращавшейся лодки. Туманъ сталъ отдѣляться отъ воды, и лодку ясно было видно уже за нѣсколько саженей отъ корабля: въ ней сидѣло, кромѣ помощника капитана и Перкинса, еще двое незнакомцевъ. Всѣ бросились къ тому мѣсту, гдѣ должна была пристать лодка. Гребцы подняли весла и ждали. Раздалась команда, затѣмъ неожиданный гулъ выстрѣла изъ осьмифунтовой корабельной пушки; капитанъ Бенкеръ и штурманъ по-

дошли къ боковой лѣстницѣ, и пассажиры въ первый разъ услыхали, что «Эксцельсіоръ» принимаетъ важныхъ гостей.

IV.

Тодосъ-Сантосъ.

Одинъ изъ новоприбывшихъ былъ, очевидно, представитель военной власти, другой—духовной. Это видно было по ихъ одеждѣ—давно забытымъ, старомоднымъ костюмамъ, напоминавшимъ маскарадъ и нисколько не соотвѣтствовавшимъ настоящему таинственному посѣщенію. На гостѣ, который вступилъ первымъ на палубу, была надѣта мягкая шляпа съ широкими полями, отдѣланная золотымъ кружевомъ и съ длиннымъ перомъ. Коротенькій плащъ изъ чернаго тонкаго сукна, накинутый на одно плечо, не прикрывалъ полукафтана изъ буйволовой кожи и короткихъ брюкъ, съ нашитыми на лампасахъ крупными серебряными пуговицами, вправленныхъ въ высокіе, доходившіе до бедръ, желтые сапоги. На широкой зеленой шелковой перевязи висѣла длинная шпага съ плетенымъ эфесомъ, изъ котораго кокетливо выглядывалъ кружевной носовой платокъ. Волосы и усы были сѣдоватые, но фигура стройная и прямая. По морщинистому лицу, этому человѣку можно было дать лѣтъ шестьдесятъ. Поднявшись на палубу, онъ вдругъ остановился, выпрямился и звякнулъ громадными шпорами. За нимъ слѣдовалъ священникъ такихъ же лѣтъ, но чисто выбритый и одѣтый въ черную шелковую сутану, съ такимъ же поясомъ, и въ старомодную шляпу съ полями, совершенно загнутыми съ боковъ,—въ классическую шляпу опернаго «Дона Базиліо». За нимъ показалось веселое лицо Перкинса, сіявшее любезностью, какъ и подобало лицу церемоніймейстера.

— Если эта парочка явилась изъ берегового цирка, то я возьму два билета на ея представленія,— прошепталъ Кросби, отличавшійся смѣлостью сужденій.

— Мнѣ вышала несказанная честь,—сказалъ Перкинсъ, обращаясь къ капитану Бенкеру и граціознымъ движеніемъ руки указывая на странныя фигуры,—представить васъ знаменитому дону Мигуэлю Бріонесъ, коменданту президіи Тодосъ-Сантосъ, въ настоящую минуту закрытой туманомъ, и высокопреподобному и благочестивому падре Эстебану, изъ духовной миссіи въ Тодосъ-Сантосѣ. Если я скажу вамъ, — продолжалъ Перкинсъ, слегка возвысивъ голосъ, для того чтобы его могли слышать и пассажиры,—что за весьма немногими исключеніями, туманъ закрываетъ постоянно входъ въ миссію и президію, и что послѣдній разъ корабль могъ войти сюда тридцать пять

лѣтъ тому назадъ, то вы поймете, почему эти высокопоставленные господа согласились пренебречь формальностями, въ силу которыхъ вы бы должны были сдѣлать имъ первый визитъ, и пріѣхали сами. Знаменитый комендантъ былъ настолько любезенъ, что ради васъ отмѣнилъ портовыя правила и позволилъ вамъ запастись топливомъ и водою...

— О какихъ портовыхъ правилахъ онъ говоритъ?—съ раздраженіемъ спросилъ капитанъ.

— Мексиканскіе уставы запрещаютъ иностраннымъ кораблямъ имѣть сношенія съ берегомъ,—любезно отвѣчалъ Перкинсъ.

— Никогда я объ нихъ не слыхалъ. Когда же они были обнародованы?

Перкинсъ повернулся и сказалъ нѣсколько словъ коменданту, стоявшему поодаль.

— Въ 1792 году.

— Въ какомъ?... Да что онъ рехнулся, что ли?—проговорилъ Бенкеръ.—Знаетъ ли онъ, какой теперь годъ?

— Знаменитый комендантъ не нуждается въ указаніяхъ по этому вопросу,—спокойно отвѣчалъ Перкинсъ.—Такъ какъ съ 1792 года сюда заходили только два корабля, и то мексиканскіе—то уставъ этотъ и не былъ примѣненъ. Знаменитый комендантъ говоритъ, что правило, о которомъ онъ упоминалъ, ему было приказано особенно строго соблюдать относительно корабля «Колумбія», принадлежавшаго генералу Вашингтону.

— Генералу Вашингтону! — вскричалъ Бенкеръ, сердито глядя на Перкинса. — Что это за штуки? Не хотите ли вы сказать, что имъ совершенно неизвѣстна исторія послѣ нашей старой революціонной войны? Неужели они ни отъ кого не слыхали о Соединенныхъ Штатахъ? Не слыхали и о Калифорніи, которую мы отобрали отъ нихъ въ послѣднюю войну?

— Когда мы разбили ихъ на-голову,—прошепталъ Кросби, глядя на коменданта.

Перкинсъ примиряющимъ образомъ поднялъ руку.

— Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, президія и миссія Тодосъ-Сантосъ не имѣли сношеній съ внѣшнимъ міромъ,—улыбаясь, сказалъ онъ.—Отдѣленныя вѣчнымъ туманомъ отъ океана и съ другой стороны отъ всего свѣта голой, непроходимой степью, онѣ полюбили свое невольное, но не несчастное отчужденіе отъ остальнаго міра. Войны, поражавшія родъ людской, смуты, нарушившія благоденствіе ихъ собственнаго народа на материкѣ, не коснулись ихъ. Предоставленныя самимъ себѣ, онѣ создали идеальную Аркадію на протяженіе двадцати квадратныхъ миль. Зачѣмъ намъ разстраивать ихъ невинное довольство

ство разоблаченіями, которыя не улучшатъ, а только ухудшатъ ихъ настоящее блаженное состояніе? Зачѣмъ мы станемъ разсказывать имъ о послѣднемъ политическомъ и международномъ эпизодѣ, послужившемъ намъ на пользу, а имъ въ позоръ? Сообщеніе это можетъ не только испортить наше положеніе, какъ гостей, но и помѣшать намъ запастись топливомъ и водой.

Онъ остановился и, не давъ капитану ничего сказать, обернулся къ коменданту и, проговоривъ нѣсколько фразъ по-испански, снова обратился къ капитану Бенкеру:

— Я сказалъ ему, что вы до глубины души тронуты его любезностью, какъ представители великой мексиканской націи. Онъ тѣмъ же отвѣчаетъ на наши братскія чувства, и предлагаетъ президію и всѣхъ ея обитателей къ услугамъ вашимъ и вашихъ друзей—пассажировъ, въ особенности этихъ,—сказалъ Перкинсъ, быстро повернувшись къ дамамъ и приподнимаясь на кончикахъ своихъ изящныхъ сапогъ,—бѣлыя ручки ихъ онъ цѣлуетъ, и къ ногамъ ихъ кладетъ преданность мексиканскаго кабаллеро и офицера.

Комендантъ выступилъ впередъ и провелъ перомъ своей шляпы по полу передъ каждой дамой поочередно. Затѣмъ онъ съ большей чопорностью поклонился мужчинамъ, выдернулъ изъ эфеса шпаги свой носовой платокъ, граціозно отеръ себѣ ротъ, покрутилъ кончикъ длиннаго сѣдаго уса и снова принялъ гордый видъ.

— Его преподобіе, — продолжалъ Перкинсъ, поворачиваясь къ священнику,— очень сожалѣетъ, что правила его ордена не дозволяютъ ему предложить этимъ дамамъ свою миссію. Но онъ надѣется встрѣтить ихъ въ президіи и предлагаетъ имъ свои совѣты и услуги, когда бы они ни понадобились.

Отецъ Эстебанъ сопровождалъ слова оратора любезной улыбкой и, подойдя къ пассажирамъ, сталъ предлагать мужчинамъ старинную табакерку, а, проходя мимо дамъ, благочестиво улыбался и немного приподнималъ руку, сложенную какъ бы для благословенія. Миссисъ Бриммеръ пришла въ восторгъ, получивъ отъ священника отвѣтъ на составленную ею французскую фразу, и тотчасъ же имъ завладѣла; но комендантъ позвалъ его съ собою—вернуться на берегъ.

— Какой милый человѣкъ,—сказала миссисъ Бриммеръ въ ту минуту, какъ пушка снова загрохотала въ честь отъѣзжавшихъ гостей;—милый, какъ и вообще всѣ духовныя лица. Онъ говоритъ, что донъ Мигуэль не знаетъ французскаго языка, но секретарь его говоритъ по-французски, и намъ не будетъ затруднительно объясняться.

ПОЖАЛУЙСТА

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите сойти на берегъ? — спросила миссъ Кинъ.

— Непремѣнно,— важно отвѣчала миссисъ Бриммеръ,— было бы въ высшей степени невѣжливо и даже обидно не принять приглашенія. Вы представить себѣ не можете, до какой степени строго испанцы держатся этикета. Кромѣ того, онъ, можетъ-быть, слышалъ о мистерѣ Бриммерѣ.

— Такъ какъ послѣднія извѣстія имъ были получены въ 1792 году, то съ тѣхъ поръ онъ могъ о немъ и забыть,— серьезно отвѣтилъ Кросби.

— Предки Бриммера прибыли въ Америку задолго до 1792 года, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что эти господа о нихъ слышали,—сказала миссисъ Бриммеръ;— я это говорю на тотъ случай, если вы не шутите, Кросби. Говоря съ вами, никогда нельзя быть увѣренной въ этомъ.

— Миссисъ Бриммеръ совершенно права: намъ всѣмъ надо будетъ отправиться. Это не одна только формальность,— сказалъ Перкинсъ, вернувшійся къ дамамъ,— я съ своей стороны обѣщалъ коменданту привезти васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ миссъ Кинъ,—если только вы позволите мнѣ васъ сопровождать. Донъ Мигуэль особенно просилъ объ этомъ.

Легкая краска польщенной гордости покрыла щеки молодой дѣвушки, но она тотчасъ же обратилась къ миссисъ Бриммеръ:

— Намъ лучше отправиться всѣмъ вмѣстѣ, не правда ли?— сказала она.

— Какъ видите, побѣды ваши начались,— сказалъ Бресъ и конвульсивно, нервно улыбнулся. Теперь вамъ нечего смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ относительно того, что васъ ожидаетъ въ Санъ-Франциско.

Миссъ Кинъ, сама не зная почему, оглянулась быстрымъ взоромъ вокругъ себя, съ слабой надеждой, что Чарльстонъ слышалъ приглашеніе, и, не видя его, огорчилась. Во время присутствія странныхъ гостей, онъ не выходилъ на палубу; не было его и въ лодкѣ, въ которой она ѣхала черезъ полчаса послѣ того на берегъ. Или онъ уѣхалъ въ другой лодкѣ или исполнилъ свое намѣреніе и остался на кораблѣ?

Лодки пошли къ невидимому берегу, управляемыя капитаномъ Бенкеромъ, его помощникомъ и Перкинсомъ. Воздухъ сталъ гораздо теплѣе, и поднимавшійся туманъ пріятно прохлаждалъ лица. Мѣстами туманъ становился до того непроницаемымъ, что они теряли изъ вида передовую лодку и шли, ничего не видя кругомъ. Войдя въ слой густого тумана, они вдругъ врѣзались килемъ въ песокъ и увидали ровную полосу

берега, по которой шагали ноги съ туловищами, закрытыми непроницаемымъ туманомъ. Ихъ высадили изъ лодокъ и они пройдя нѣсколько шаговъ, вышли изъ области тумана и увидали передъ собою живописно одѣтыхъ людей, съ факелами въ рукахъ. Въ гору поднималась узкая улица, какъ сводомъ, прикрытая туманомъ.

Какой-то человѣкъ въ зеленой курткѣ, очевидно—изъ начальствующихъ лицъ, подошелъ къ гостямъ и, перекинувшись съ Перкинсомъ нѣсколькими словами, любезно пошелъ впередъ, указывая дорогу вдоль стѣнъ укрѣпленій. Вскорѣ они дошли до низенькой двери, у которой стояли часовые, тоже въ зеленыхъ куртках, и проводникъ сказалъ ей пароль: «Богъ и свобода». Пароль этотъ повторился внутри темнаго двора, окруженнаго низенькими галлереями, по которымъ стояла, въ видѣ почетной стражи, дюжина туземцевъ мѣстнаго типа въ зеленыхъ куртках, со старинными кремневыми ружьями въ рукахъ.

— Комендантъ,—сказалъ Перкинсъ, — просилъ меня передать капитану Бенкеру свои извиненія, что онъ не встрѣчаетъ его и его спутниковъ пушечными выстрѣлами; но пятидесятилѣтній безмятежный миръ и постоянные туманы привели единственную пушку крѣпости въ такое состояніе, что онъ не рѣшается салютовать ею своимъ почтеннымъ гостямъ. Онъ представляетъ президію въ ваше распоряженіе, чтобы вы осмотрѣли ее, пока еще свѣтло, а самъ будетъ ждать васъ въ замкѣ.

Всюду виднѣлись живописныя развалины, все было запущено, но не лишено нѣкоторой своеобразной прелести и красоты; углы зданій закруглились, трещины заросли зеленью. Со стѣнъ крѣпости висѣли ползучія растенія, а въ самой цитадели восторжествовавшая природа подняла, какъ знамя, роскошную пальму. Бронзовая, давно забытая и оставленная безъ употребленія пушка скатилась внизъ, и одно колесо ея красовалось наверху, а другое уперлось въ камень. Зато надъ крѣпостью и кругомъ ея природа устроила болѣе надежное укрѣпленіе изъ тумана.

— Однако, когда же намъ дадутъ обѣдать? — замѣтилъ Кросби.—Надо надѣяться также, что старый Донъ-Кихотъ выведетъ къ намъ одну изъ своихъ сеніоритъ. Хотѣлось бы увидать кого-нибудь изъ хористокъ, которыя такъ мило пѣли.

— Вы вѣрно хотите сказать: изъ мальчиковъ, замѣтила м-рсъ Брюммеръ;—въ католическихъ церквахъ хоры составляются изъ мальчиковъ... Впрочемъ, вы, можетъ-быть, опять шутите?..—И, обратившись къ Перкинсу, она прибавила:—

если донъ Мигуэль вдовецъ, то, конечно, у него должны быть дочери или своячинцы, которыя могутъ принять насъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это вопросъ серьезный... можемъ ли мы принять его гостепріимство? Спросите вотъ у него,—прибавила она, указывая на сопровождавшаго ихъ человѣка въ зеленой курткѣ.

Перкинсъ немного сконфузился и сказалъ:

— Повторите вашъ вопросъ, и я переведу его.

— Спросите у него, есть ли въ президіи женщины?

Перкинсъ отвелъ солдата въ сторону и затѣмъ повернулся къ миссисъ Бриммеръ.

— Онъ говоритъ, что у нихъ четыре женщины: жена булочника, жена сѣдельнаго мастера, дочь трубача и племянница повара.

— Но вѣдь не можемъ же мы дѣлать имъ визиты!

— Можетъ-быть,—нерѣшительно началъ Перкинсъ,—мнѣ слѣдовало предупредить васъ, что старинныя испанскія понятія объ этикетѣ очень строги. Жены чиновниковъ и особъ высшаго класса не показываются первыя иностранцамъ.

— Дѣло вовсе не въ томъ,—сказалъ Винслоу.—Я узналъ всю исторію. Это просто курьезъ. Банксъ, болтая о насъ всякую всячину, сказалъ, что мужья этихъ дамъ крупные купцы, а такъ какъ здѣшняя аристократія считаетъ торговлю чѣмъ-то унизительнымъ, то и находитъ, что жены ихъ не могутъ быть съ нами знакомы, ни съ кѣмъ изъ насъ, кромѣ миссъ Кинъ. Ее считаютъ особой порядочной. Она будетъ познакомлена съ дамами коменданта и съ сестрами алькада.

— Ничего подобнаго не случится,—съ негодованіемъ вскричала миссъ Кинъ. — Если эти дамы не могутъ быть приняты вмѣстѣ со мною, то мы всѣ вернемся на корабль.

Она проговорила это такъ горячо и съ такой рѣшительностью, что всѣ присутствующіе были удивлены. Перкинсъ посмотрѣлъ на нее задумчиво, Брессъ, Кросби и Винслоу съ восхищеніемъ; дамы же выразили сомнѣніе и безпокойство.

— Тутъ, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе,—кротко сказалъ Перкинсъ,—я справлюсь.

Отсутствіе его длилось лишь нѣсколько минутъ. Онъ вернулся съ сіяющимъ лицомъ.

— Это совсѣмъ курьезное недоразумѣніе. Нашъ практичный другъ, Банксъ, стараясь произвести хорошее впечатлѣніе на секретаря коменданта, немного понимающаго по-англійски, разсказалъ, что Бриммеръ занимается крупными комиссіонными дѣлами, изъ чего тотъ заключилъ, что онъ просто ростов-

щикъ; разсказы о кожевенной торговлѣ Маркгема онъ понялъ такъ, что Маркгемъ—скорнякъ, а Банксъ, гордившійся своей хлѣбной торговлей, не больше какъ булочникъ.

— А что же онъ думаетъ о васъ?—спросилъ Кросби;—намъ было бы всѣмъ любопытно знать это.

— Боюсь, что они не сдѣлали мнѣ чести и не спрашивали обо мнѣ,— съ невозмутимымъ добродушіемъ сказалъ Перкинсъ;— бываютъ люди, которыхъ, какъ открытую книгу, могутъ читать всѣ. Я изъ числа такихъ людей. Назовите меня всемірнымъ гражданиномъ, привязаннымъ къ молодымъ народамъ, путешественникомъ, всюду чувствующимъ себя дома; восторженнымъ наблюдателемъ и сторонникомъ смѣлыхъ мужчинъ; преданнымъ рабомъ прелестныхъ женщинъ, и вы однимъ словомъ опредѣлите вашего покорнаго слугу.

Въ первый разъ миссъ Кинъ замѣтила легкую иронію въ живой рѣчи Перкинса. Приближеніе дона Мигуэля и падре Эстебана съ дамами быстро измѣнило направленіе ея мыслей. Подошедшія дамы показались ей слишкомъ просто и неряшливо одѣтыми, какъ показались и ея спутницамъ. Но, при дальнѣйшемъ наблюденіи, она нашла ихъ болѣе женственными, чѣмъ ея соотечественницы, о чемъ, конечно, никому не сообщила. Ихъ статныя фигуры были одѣты въ широкія, бѣлыя, довольно короткія юбки, а на плечи и на голову накинуты легкія покрывала. Миссисъ Бриммеръ тотчасъ же замѣтила ихъ туалеты и прошептала:

— Могли бы и лучше одѣться.

— Право, онѣ, кажется, даже безъ корсетовъ,—отвѣтила миссисъ Маркгемъ.

Послѣ представленія, начался разговоръ: по-французски между падре и миссисъ Бриммеръ, и на ломаномъ англійскомъ между миссъ Чебъ, миссъ Кинъ и секретаремъ коменданта, съ примѣсью латинскихъ фразъ Кросби и съ помощью, въ крайнихъ случаяхъ, Перкинса. Съ наступленіемъ сумерекъ на веранду былъ поданъ шоколадъ и маленькія печенья съ пряностями, въ ожиданіи офиціальнаго обѣда. Миссъ Кинъ, къ немалому ея смущенію, пользовалась особеннымъ вниманіемъ хозяевъ, какъ дамъ, такъ и мужчинъ. Донна Изабелла, сестра алькада, отвела ее даже въ сторону и съ большимъ простодушіемъ начала предлагать ей вопросы на ломаномъ англійскомъ языкѣ:

— Вѣдь миссъ Кинъ не имя. Донна Кинъ тоже ничего не значитъ?

— Вы можете звать меня Элеонорой, если хотите, улыбаясь, сказала миссъ Кинъ.

— Донна Элеонора... такъ... это хорошо! — какъ ребенокъ, всплеснувъ руками, сказала донна Изабелла. — Но кто вы такія?

— Извините, пожалуйста,—съ удивленіемъ сказала миссъ Кинъ, — я васъ не понимаю.

Видя, что гостья смотритъ на нее съ удивленіемъ, донна продолжала:

— Ахъ, Пресвятая Богородица! Отчего друзья ваши съ вами такъ вѣжливы? Отчего всѣ васъ любятъ?

— Вы находите?—проговорила миссъ Кинъ, покраснѣвъ отъ смущенія. — Я думаю, потому, что они считаютъ меня хорошенькой.

— Хорошенькой? Ахъ, да, вы хорошенькая!—серьезно глядя на нее, сказала донна Изабелла.—Но это еще не все, этого мало.

— Что же я еще?—спросила миссъ Кинъ.

— Вы... вы, очевидно, знатная особа!..

V.

Добрый путь.

Обѣдъ былъ поданъ въ комнатѣ, выходившей на галлерею и освѣщенной висячими фонарями изъ полированнаго рога и дюжиной восковыхъ церковныхъ свѣчей. Комната была велика, но низка, и походила на пещеру. Двѣ печи согрѣвали ее, но топились изъ другихъ комнатъ.

Когда все общество собралось къ столу, то, при таинственномъ полумракѣ странной комнаты, бархатные кафтаны, золотыя кружева, серебряныя пуговицы и красные пояса хозяевъ казались гораздо умѣстнѣе модныхъ, новѣйшихъ туалетовъ гостей, и потеряли свой театральный характеръ. Въ этой обстановкѣ настала очередь быть смѣшными для пассажировъ «Эксцельсіора». Парижскій туалетъ миссисъ Бриммеръ показался миссъ Кинъ провинціальной претензіей, ея собственная хорошенькая зуавка и черная шелковая юбка пугали ее своей эксцентричностью, а костюмы миссисъ Маркгемъ и миссъ Чебъ непріятно выдѣлялись своей вычурностью и пестротой среди атласныхъ мантилій и черныхъ кружевъ сеніоритъ. Простые туалеты мужчинъ очень проигрывали при сравненіи съ живописными костюмами хозяевъ-испанцевъ. Капитанъ Бенкеръ, рядомъ съ домомъ Мигуэлемъ былъ невозможенъ въ своей короткой суконной морской жакеткѣ и высокихъ крахмальныхъ воротничкахъ.

Подъ впечатлѣніемъ хорошаго вина изъ мѣстнаго винограда и шампанскаго, привезеннаго капитаномъ съ корабля, пас-

сажиры стали разговорчивѣе, а комендантъ и его друзья слушали ихъ съ большой симпатіей. Соблазнъ разсказать о прогрессѣ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы пассажиры «Эксцельсіора» могли устоять противъ него. Само собою разумѣется, что въ пылу разговора американцы близко касались послѣдней войны и завоеваній Соединенныхъ Штатовъ у Мексики, и Кросби позволилъ себѣ нѣсколько непозволительныхъ шутокъ, но такъ какъ переводъ на испанскій языкъ лежалъ на обязанности миролюбиваго Перкинса, а на французскій—миссисъ Бриммеръ и миссъ Кинъ, то всякая опасность недружелюбной вспышки была устранена. Донъ Рамонъ Рамиресъ, алькадъ, человѣкъ еще молодой и очень благовоспитанный, сидѣлъ рядомъ съ миссъ Кинъ и говорилъ съ нею съ серьезнымъ и ребяческимъ любопытствомъ, трогательнымъ по своему чистосердечію. Онъ предлагалъ иногда вопросы до такой степени наивные и непонятные при его очевидномъ умѣ, что, отвѣчая, она старалась понизить голосъ изъ боязни, что соотечественники ея разсмѣются. Ей невольно представлялось, что все населеніе Тодосъ-Сантоса не что иное, какъ кучка затерявшихся, забытыхъ родителями дѣтей, выросшихъ въ полномъ незнаніи свѣта.

Не вставая съ мѣста, комендантъ полуофиціально выпилъ за здоровье капитана Бенкера.

Въ отвѣтъ на этотъ тостъ, капитанъ, къ немалому ужасу миссъ Кинъ, поднялся съ мѣста. Онъ, по обыкновенію, уже выпилъ лишнее, и теперь хотѣлъ непремѣнно вознаградить себя за долгое молчаніе на кораблѣ. Онъ говорилъ неясно, безтолково и безтактно, и на долю Перкинса досталось перевести рѣчь такъ, чтобы никто не былъ задѣтъ. Онъ исполнилъ свою задачу съ такимъ совершенствомъ, что вызвалъ рукоплесканія не только иностранцевъ, не понимавшихъ по-англійски, но и своихъ соотечественниковъ, не понимавшихъ по-испански.

— Я чувствую,—прибавилъ Перкинсъ,—что неумѣло передалъ краснорѣчіе храбраго мореплавателя. Мой несчастный переводъ не могъ передать выраженіе его голоса, порой дрожавшаго отъ волненія, а порой замиравшаго отъ смущенія передъ лицомъ такихъ знаменитыхъ хозяевъ; не могъ передать его жестовъ и покачиванія всего тѣла, когда онъ, высказывая свои чувства, невольно переносился мысленно на волны океана, съ которымъ ему приходилось такъ много бороться въ продолженіе своей жизни.

Когда подали кофе и десертъ, Перкинсъ обратился къ своимъ соотечественникамъ съ длинной и цвѣтистой рѣчью,

въ которой отдалъ дань восторга и поклоненія какъ дамамъ, такъ и мужчинамъ, и, какъ ораторъ, превзошелъ самого себя.

За этой рѣчью послѣдовали рукоплесканія и тосты, во время которыхъ Перкинсъ незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты. Простоявъ нѣсколько минутъ съ другими гостями, курившими на галлереѣ, онъ прошелъ въ укрѣпленіе. Дойдя до того мѣста, гдѣ обвалившаяся стѣна образовала спускъ въ ровъ, онъ повернулъ за уголъ и вышелъ на морской берегъ. Съ моря донесся шумъ веселъ. Услыхавъ свистъ Перкинса, лодка тотчасъ же подошла къ нему; онъ, не говоря ни слова, сѣлъ въ нее, и лодка отчалила. Туманъ былъ не очень густъ; вскорѣ сталъ виденъ зеленый огонь отъ корабельнаго фонаря. Черезъ десять минутъ Перкинсъ уже стоялъ на палубѣ, гдѣ его ждалъ помощникъ капитана, окруженный встревоженнымъ экипажемъ.

— Все выгружено?—спросилъ Перкинсъ.

— Остается только еще одна лодка,—отвѣчалъ штурманъ. Матросы хмурятся,—шопотомъ прибавилъ онъ.—Повидимому, имъ не хочется выпустить изъ рукъ добычу.

Перкинсъ загадочно улыбнулся.

— Очень жаль, что имъ придется разочароваться. А кто тамъ въ лодкѣ?—вдругъ спросилъ онъ.

Помощникъ капитана взглянулъ по указанію Перкинса.

— Это Іото. Онъ хочетъ ѣхать на берегъ, и говоритъ, что вамъ его не удержать.

Перкинсъ подошелъ къ борту.

— Иди сюда!—сказалъ онъ матросу.

Перувіанецъ привсталъ, но не поднялся совсѣмъ.

— Такъ ты говоришь, что поѣдешь на берегъ?—ласково сказалъ Перкинсъ.

— Да, патронъ.

— Зачѣмъ?

— За нимъ... за этимъ воромъ... за убійцей, который ударилъ меня сюда,—сказалъ онъ, указывая на голову.— Онъ ускользнулъ опять... съ своимъ сокровищемъ.

— Ты глупъ, милѣйшій Іото. Онъ не воръ, и у него нѣтъ никакого сокровища. Въ тюрьму здѣсь посадятъ тебя, а не его.

— Это вы такъ говорите,—сердито сказалъ матросъ.— Можетъ-быть, тутъ меня выслушаютъ... ради чего-нибудь другого,—многозначительно прибавилъ онъ.

— И ради этого ты готовъ бросить наше дѣло?

Матросъ пожалъ плечами.

— А почему бы и не такъ?—Онъ посмотрѣлъ на двухъ своихъ товарищей, тоже подошедшихъ къ лѣстницѣ.—Мо-

жетъ-быть, и другіе поѣдутъ со мною, тѣ кто не хочетъ, чтобы добычу отправляли на берегъ.

— Выходи сюда,—сказалъ Перкинсъ, наклоняясь черезъ перила и пристально глядя на перувіанца.

Матросъ не тронулся съ мѣста. Но рука Перкинса вдругъ ухватила его за шиворотъ, приподняла и въ тотъ же мигъ около его горла что-то блеснуло.

Страшный ножъ до рукоятки вошелъ въ горло.

Матросъ, даже не вскрикнувъ, пошатнулся, развелъ руками и упалъ между лодкой и кораблемъ.

— Ребята!—сказалъ Перкинсъ съ милой улыбкой, обращаясь къ людямъ, стоявшимъ вокругъ него и, при свѣтѣ фонаря, казавшимся мертвецами,—когда я садился на этотъ корабль, доставившій помощь нашимъ угнетателямъ въ Кальяо, я рѣшилъ захватить его мирнымъ путемъ, не нарушая тишины, не отнимая имущества у ни въ чемъ неповинныхъ пассажировъ, ввѣрившихъ себя кораблю, и не подвергая опасности вашу жизнь и свободу. Но я не имѣлъ въ виду измѣнниковъ! Кровь, пролитая сейчасъ, пролилась помимо моего желанія и по необходимости. Никто, кромѣ самого убитаго, въ этомъ не виноватъ.

Онъ замолчалъ и отошелъ отъ трапа, какъ бы давая дорогу желающимъ.

— Я не прошу,—спокойно продолжалъ онъ,—смотрѣть на то, что я сдѣлалъ, какъ на угрозу и на предостереженіе. Вы можете поступать такъ же, какъ хотѣлъ поступить онъ,—прибавилъ Перкинсъ, указывая рукою на трапъ и на пустую лодку.—Вы можете нарушить наше условіе и сойти съ корабля, и я даю слово, что не пошевельнусь, чтобы остановить васъ. Но если вы останетесь со мною,—сказалъ онъ, вдругъ, повернувъ къ нимъ лицо, такое же блѣдное, какъ и ихъ лица,—то клянусь вамъ всемогущимъ Богомъ, что всякій, кто вздумаетъ не исполнить отданнаго мной приказанія, умретъ такой же смертью, какъ сейчасъ умеръ этотъ песъ! Рѣшайтесь... но только скорѣе!

Помощникъ капитана подошелъ первый. Не говоря ни слова, онъ сталъ рядомъ съ Перкинсомъ. Матросы въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не знали, на что рѣшиться; наконецъ одинъ изъ нихъ, что-то крикнувъ на непонятномъ языкѣ, бросился передъ Перкинсомъ на колѣни и прошепталъ: «простите!» За нимъ послѣдовали другіе, многіе ловили руку, только что пролившую кровь, и покрывали ее поцѣлуями.

— Простите, патронъ! мы принадлежимъ вамъ.

ПОЖАЛУЙСТА

— Не мнѣ, а государству!— холодно отвѣчалъ Перкинсъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ прежней веселости на мертвенномъ лицѣ.— Довольно! Идите по мѣстамъ.— Онъ проводилъ матросовъ глазами и обратился къ помощнику капитана:— Нагружайте послѣднюю лодку вещами пассажировъ и доложите мнѣ, когда будетъ готово.

Съ этой минуты корабль преобразился. Матросовъ охватила лихорадочная энергія. Лодка была скоро нагружена и тотчасъ же отошла къ берегу. Въ туманномъ мракѣ иногда слышался звонъ цѣпей, поскрипываніе блоковъ и равномѣрные взмахи веселъ. Потомъ звуки стали менѣе явственны и, наконецъ, совсѣмъ затихли.

А на берегу, во дворѣ президіи, виднѣлся свѣтъ, слышался смѣхъ, потомъ звуки гитары и хлопанье въ тактъ ладонями; въ заключеніе пира танцовали характерный фанданго. Капитанъ Бенкеръ не могъ уже стоять на ногахъ, такъ что его пришлось уложить въ постель, въ комнатѣ коменданта, которому онъ клялся въ вѣчной дружбѣ. Другіе гости далеко за полночь разошлись по разнымъ угламъ президіи. Дамы приняли предложеніе алькада и помѣстились у него. Стѣны его вычурной гаціенды выходили одной стороной на площадь, а другой— въ садъ миссіи.

Изъ глубокой амбразуры окна гаціенды миссъ Кинъ смотрѣла въ окутанный мракомъ садъ. Ей были видны вершины персиковыхъ и оливковыхъ деревьевъ. Слабый свѣтъ подернутой туманомъ луны придавалъ всему какой-то покойный, кроткій характеръ. Вдругъ она вздрогнула, замѣтивъ тѣнь у стѣны... то была тѣнь мужчины. Онъ тихо пробирался къ церкви, точно искалъ въ ней убѣжища, и, посмотрѣвъ во всѣ стороны, поднялъ глаза на ея окно. Она невольно откинулась назадъ, забывъ, что свѣча ея потушена, и что ее нельзя было видѣть. Но зато она увидѣла его и въ ту же минуту узнала Чарльстона.

Стало-быть, и онъ сошелъ на берегъ, и сошелъ потихоньку; всѣ другіе пассажиры думали, что онъ на кораблѣ. Но что онъ тутъ дѣлалъ?.. и зачѣмъ не явился съ другими къ ужину? Ей вдругъ пришла мысль, что онъ отправился бродить въ припадкѣ своей несчастной болѣзни, и она хотѣла уже разбудить всѣхъ и бѣжать къ нему на помощь. Но его движенія не были похожи на сонныя движенія лунатика. Еще другая мысль удержала ее—онъ взглянулъ на ея окно. Развѣ онъ зналъ, что она тутъ? Чувство смутнаго стыда заставило ея покраснѣть. Онъ дошелъ въ это время до угла зданія и скрылся изъ вида. Она отошла отъ окна. Что-то въ родѣ материнскаго чувства жалости вызвало слезы на ея глаза, когда она, наконецъ, легла на постель и забылась крѣпкимъ сномъ...

VI.

Тюрьма въ саду.

Миссъ Кинъ разбудили торопливые толчки въ плечо. Открывъ глаза, она была ослѣплена яркимъ дневнымъ свѣтомъ и увидала около своей постели блѣдную миссисъ Бриммеръ, въ испанскомъ дезабилье.

— Вставайте и одѣвайтесь скорѣе, милая,—торопливо проговорила она, въ то же самое время внимательно осматривая лежавшую на стулѣ одежду миссъ Кинъ,—и благодарите Бога, что вамъ есть во что одѣться: у васъ простое платье, а не то, что мое бальное. Случилось что-то ужасное, и одинъ Богъ вѣдаетъ, увидимъ ли мы когда-нибудь хоть одну тряпку изъ своихъ туалетовъ.

— Что же такое случилось?—съ нетерпѣніемъ вскричала Кинъ, садясь на постель и пугаясь больше непривычнаго туалета миссисъ Бриммеръ, чѣмъ ея непонятныхъ рѣчей.

— Да! Вотъ именно—что случилось? Никто не знаетъ этого въ точности, но случилось что-то ужасное... рѣзня, или кораблекрушеніе, или разбой. Слышите, другъ вашъ комендантъ собираетъ войско. Алькадъ созываетъ совѣтъ; Банксъ бѣснуется и бѣгаетъ, отыскивая какой-нибудь пароходъ —точно здѣшніе обитатели слыхали когда-нибудь о пароходахъ!.. а капитанъ Бенкеръ, обезумѣвъ отъ ярости и вина, заболѣлъ бѣлой горячкой и сидитъ запертой въ своей комнатѣ! «Эксцельсіоръ» ушелъ одинъ Богъ знаетъ куда.

— Ушелъ!—повторила миссъ Кинъ, поспѣшно одѣваясь.— Не можетъ быть! Что сказалъ вамъ отецъ Эстебанъ? Что говоритъ донна Изабелла?

— Въ томъ-то и весь ужасъ нашего положенія! Эти дураки воображаютъ, будто все это произошло вслѣдствіе какой-то революціи между нами, какъ бываетъ у нихъ. Этотъ младенецъ Изабелла воображаетъ, что тутъ замѣшаны король Георгъ и Вашингтонъ; и они желаютъ знать, чью сторону вы примете. Ради Бога, успокойте ихъ, скажите, что мы всѣ заодно... я хочу сказать, чтобы они не воображали, что вы и миссисъ Маркгемъ пойдете противъ миссъ Чебъ и меня.

Не зная, смѣяться ей или плакать надъ несвязными рѣчами миссисъ Бриммеръ, миссъ Кинъ поспѣшно кончала свой туалетъ, какъ вдругъ дверь распахнулась и въ комнату вбѣжали донна Изабелла и сестра ея Хуанита. Обѣ мексиканки бросились на шею миссъ Кинъ и потомъ вдругъ отступили, съ видомъ смущенія и глубокой почтительности.

— Пожалуйста, спросите у нихъ, потому что я не смѣю,— прошептала миссисъ Бриммеръ, стараясь запахнуть свою мантилью.— Господи, какое это старье; неужели они не одолжатъ мнѣ дня на два чего-нибудь поприличнѣе?

— Развѣ сеніора не слыхала, что всѣ вещи ея и другихъ сеніоръ и сеніоровъ найдены на берегу въ цѣлости и сохранности?

— Нѣтъ,—живо отвѣтила Брюммеръ.

— Да, да,—подтвердила Изабелла.—Вѣдь вы не изъ революціонной партіи?

Миссисъ Бриммеръ бросила умоляющій взоръ на миссъ Кинъ, и поспѣшно вышла изъ комнаты. Миссъ Кинъ хотѣла тоже послѣдовать за нею, но донны Рамиресъ трагически бросились къ ней на грудь и, сдѣлавъ таинственный жестъ, прошептали:

— Не бойтесь ничего, ваше высочество! Мы ваши... мы готовы умереть за васъ... что бы ни рѣшили донъ Рамонъ, или комендантъ, или ахунтаміенто! Довѣрьтесь намъ, ваше высочество.

— Что случилось?—вскричала миссъ Кинъ, начиная серьезно тревожиться. Вырвавшись изъ объятій дѣвушекъ, она хотѣла итти.—Ради Бога, пустите меня! Мнѣ надо кого-нибудь видѣть! Гдѣ же... гдѣ Маркгемъ?

— Маркгемъ? Это такая суровая?.. вотъ такая?—проговорила донна Изабелла, дѣлая ужасное лицо.

— Ну, да,—невольно улыбаясь, сказала Кинъ.

— Она арестована.

— Арестована!—вспыхнувъ отъ негодованія, вскричала Кинъ.—За что? Кто же смѣлъ арестовать ее?

— Комендантъ. Она везетъ посланіе... депешу отъ инсургентовъ,

Чувствуя, что она не можетъ долѣе выносить неизвѣстности, миссъ Кинъ вырвалась изъ рукъ доннъ и, несмотря на ихъ крики и мольбы, побѣжала въ другія комнаты. Миссисъ Бриммеръ уже ушла. Съ пылающими щеками и сверкающими глазами дѣвушка пробѣжала по двору и вышла на площадь. Ею руководила одна только мысль—увидѣть коменданта и просить его освободить ея друга. Она не размышляла, какъ она это сдѣлаетъ и какіе приведетъ аргументы. Она даже не подумала обратиться за содѣйствіемъ къ Бресу, Кросби или къ кому-нибудь изъ пассажировъ. Она почему-то вполнѣ была увѣрена, что теперь происходитъ кризисъ, побороть который можетъ только она одна.

На площади кишѣла странная толпа солдатъ и туземцевъ; все это были люди темно-бронзоваго цвѣта, вооруженные

старинным оружіемъ и одѣтые въ давно забытые костюмы. Никого изъ пассажировъ «Эксцельсіора» не было между ними, но это нисколько не удивляло ее: она понимала, что произошла какая-то катастрофа, гораздо болѣе важная, чѣмъ представляла ее себѣ миссисъ Бриммеръ. Высоко поднявъ голову и сверкая глазами, рѣшительно пошла она по площади. Толпа разступалась, пропуская хорошенькую дѣвушку. Кое-кто пошелъ за нею, а когда она подошла къ караулу, стоявшему у воротъ, солдаты не только не остановили ея, но даже отдали ей честь; она прошла, сопровождаемая толпой народа, и остановилась передъ изумленнымъ комендантомъ.

— Я желаю видѣть миссисъ Маркгемъ и узнать, по какому праву она арестована,—смѣло сказала миссъ Кинъ.

— Сеніоръ комендантъ не можетъ говорить съ вами до тѣхъ поръ, пока вы не распустите вашихъ сторонниковъ,— перевелъ ей секретарь слова коменданта.

Она хотѣла уже сказать, что толпы этой она не знаетъ и не собирала ея, но инстинктивно остановилась.

— Почемъ я знаю, можетъ-быть, и меня арестуютъ, какъ арестовали моего друга,—быстро проговорила она.—Она такъ же невинна, какъ и я.

— Комендантъ даетъ слово гидальго, что вы не будете арестованы.

Она была уже готова подойти къ двери и просить толпу разойтись, но ее удержалъ дипломатическій тактъ.

— Можете сами просить ихъ удалиться, я не могу отвѣчать за нихъ,—сказала она.

Секретарь вышелъ въ галлерею и перекинулся нѣсколькими словами съ людьми, стоявшими впереди. Миссъ Кинъ, стоя за секретаремъ, очаровательно улыбнулась имъ и дружески махнула рукой. Толпа выразила свой восторгъ, испугавъ ее криками: «да здравствуетъ королева американская!», послѣ чего комендантъ увелъ ее въ комнату.

— Вы желаете знать, въ чемъ обвиняется сеніора Маркгемъ?—любезно спросилъ комендантъ.—Она получила письмо отъ пирата... Перкинса.

— Пирата Перкинса!?—съ негодованіемъ повторила миссъ Кинъ.

— Отъ морскаго разбойника, написавшаго это письмо. Прочтите его, Мануэль.

Секретарь отвелъ свои глаза отъ пылавшаго личика молодой дѣвушки, слегка откашлялся и прочелъ слѣдующее:

«Съ корабля флота независимаго штата Квинквинамбо «Эксцельсіоръ», августа 8-го 1854 г. капитану Бенкеру.— Милостивый государь»...

— Но вѣдь это письмо адресовано не къ вамъ?—съ негодованіемъ остановила его миссъ Кинъ.

— Капитанъ Бенкеръ сошелъ съ ума,—серьезно сказалъ комендантъ.— Читайте!

Краска сбѣгала съ лица дѣвушки, по мѣрѣ того какъ секретарь монотоннымъ голосомъ читалъ:

«Имѣю честь увѣдомить васъ, что 8-го іюля 1854 г., въ первый годъ независимости Квинквинамбо, корабль «Эксцельсіоръ» былъ присужденъ федеральнымъ совѣтомъ Квинквинамбо къ секвестру за то, что онъ помогалъ врагамъ, доставляя имъ снаряды и продовольствіе, и дѣйствовалъ противъ народныхъ законовъ. Въ силу этого секвестра, вышеупомянутый корабль былъ захваченъ мною вчера. Товары и вещи, принадлежащіе вамъ и пассажирамъ, по моему распоряженію, благополучно сложены на берегу пристани Тодосъ-Сантосъ. По законамъ федеральнаго совѣта, имущество частныхъ лицъ не можетъ быть конфисковано.

«Беру на себя смѣлость просить васъ передать прилагаемый при семъ документъ въ казначейство конфедеративнаго штата Квинквинамбо, дону Мигуэлю Бріонесу, въ уплату за продовольствіе, кое-какіе припасы и за орудіе, которое служило для торжественныхъ салютовъ въ Тодосъ-Сантосѣ. *Вигилансія!*

«Вашъ покорный слуга
«Леонидъ Боливаръ Перкинсъ
«Главнокомандующій сухопутными и морскими силами независимаго штата Квинквинамбо».

— Но какое же отношеніе можетъ имѣть ко всему этому миссисъ Маркгемъ?

— Она отказывается выдать намъ свою переписку съ пиратомъ Перкинсомъ,—возразилъ секретарь.

Миссъ Кинъ смутилась. Неужели Маркгемъ и прежде знала, кто такой въ дѣйствительности Перкинсъ?

— Отчего же, въ такомъ случаѣ, вы не арестовали мужчинъ?—гнѣвно вскричала она;— тутъ есть и Банксъ, и Кросби, и Винслоу, и Бресъ.

— Они уже арестованы и препровождены въ Санъ-Антоніо, за милю отсюда,—отвѣчалъ секретарь.— Для ихъ обвиненія достаточно факта сознанія, что ихъ правительство захватило мексиканскую провинцію Калифорнію, и что они ѣхали туда, чтобы вступить во владѣніе ею.

Сердце миссъ Кинъ упало.

— Но все это вы знали уже вчера,—проговорила она,—а война наша съ Мексикой кончилась много лѣтъ тому назадъ.

— Мы узнали это только вчера вечеромъ на пиршествѣ, и совсѣмъ не узнали бы, если бы въ вашей партіи не произошло раскола.

Миссъ Кинъ теперь поняла слова Изабеллы. Какъ это ни было безсмысленно, но испанцы, очевидно, думали, что въ Соединенныхъ Штатахъ произошла революція, что пассажиры «Эксцельсіора» принадлежали къ двумъ различнымъ партіямъ, и что во главѣ одной изъ нихъ стоялъ неукротимый Перкинсъ. Благоразумно ли было разувѣрять ихъ въ этомъ? Она вспомнила о просьбѣ миссисъ Бриммеръ быть съ нею заодно и тотчасъ же сообразила, что изъ этого можно извлечь пользу для своихъ соотечественниковъ.

— Комендантъ готовъ исполнить требованіе донны Элеоноры,— сказалъ секретарь,— если она отвѣтитъ на одинъ вопросъ.

— Что такое?— со страхомъ вымолвила она.

— Можетъ-быть, сеніоръ Перкинсъ возлюбленный сеніоры Маркгемъ?

Несмотря на опасность, миссъ Кинъ съ трудомъ удержалась отъ покушенія расхохотаться. Однако подергиванія лица ея не укрылись отъ вниманія коменданта и его секретаря.

— Можетъ-быть,—тихо отвѣчала она.

Этого было совершенно достаточно. Темные глаза коменданта прищурились, придавъ лукавое выраженіе лицу; секретарь сладко осклабился.

— Что прикажете дѣлать?.. таковъ ужъ свѣтъ,—сказалъ комендантъ.—Мы это понимаемъ... Идемте!

Онъ повелъ ее по галлереѣ, и вдругъ открылъ маленькую окованную дверь. Миссъ Кинъ сразу успокоилась. Маркгемъ была заперта въ прелестнѣйшемъ саду, спускавшемся прямо къ морю. Посреди сада стояла бесѣдка, и плѣнница, сидя подъ растеніями, висѣвшими съ бастіона, спокойно писала, положивъ свой дорожный бюваръ на колѣни и поставивъ у ногъ дорожный мѣшокъ. Посреди роскошныхъ тропическихъ растеній стоялъ внушительныхъ размѣровъ сундукъ. Единственнымъ доказательствомъ лишенія свободы могъ служить краснокожій солдатъ, но и тотъ, положивъ ружье около миссисъ Маркгемъ, расчищалъ мотыкой дорожки сада.

Съ крикомъ радости Кинъ бросилась въ объятія подруги. Комендантъ и секретарь деликатно отошли въ сторону.

— Я нашла все, моя милая, въ томъ видѣ, въ какомъ оста вила, даже туфли,—сказала Маркгемъ.—Они ничего не забыли

— Но вы арестованы!—вскричала дѣвушка.—Что эт значитъ?

— Ничего не значитъ, душа моя. Я высказала имъ свои образъ мыслей,—сказала миссисъ Маркгемъ,—написала шест страницъ губернатору Мазатлана и полный отчетъ Маркгем обо всемъ, что случилось.

— И они получатъ это черезъ тридцать лѣтъ!—съ жаром вскричала миссъ Кинъ.—Гдѣ письмо отъ Перкинса? И, ради Бога, скажите мнѣ: подозрѣвали ли вы о томъ, что съ нами произошло?

— Нисколько. Это сумасшедшій, душа моя. И я увѣрена что до сумасшествія довела его эта женщина изъ Иллинойса своими стихотвореніями. Можетъ ли быть что-нибудь смѣш нѣе... и позорнѣе, чѣмъ это воззваніе къ Ульрикардо? Я не удивилась, что онъ такъ покраснѣлъ.

Кинъ нахмурила брови отъ досады. Или всѣ съ ума сошли или послѣдняя катастрофа помутила разсудокъ ея соотечественницъ. Передъ нею стояла умная Маркгемъ и въ такую страшную минуту думала, какъ и Бриммеръ, о пустякахъ повидимому, не понимая факта, что они брошены на берегъ къ враждебнымъ имъ людямъ и отрѣзаны полувѣкомъ отъ всего міра.

— А что касается письма,—спокойно сказала миссисъ Маркгемъ, — такъ вотъ оно. Это письмо самаго дружескаго характера.

Миссъ Кинъ взяла письмо. Оно было написано мелкимъ, почти женскимъ почеркомъ.

«Полночь, на «Эксцельсіорѣ».

«Другъ мой. Когда вы получите это письмо, я, вѣроятно, опять буду посреди величественной стихіи, такъ много восхищавшей насъ. Я отправляюсь освобождать одинъ изъ тѣхъ народовъ, исторію котораго такъ часто разсказывалъ вамъ, и къ судьбѣ котораго вы не разъ выражали сочувствіе. Чтобы мотивы, въ силу которыхъ мнѣ пришлось такъ неожиданно васъ покинуть, не были перетолкованы въ дурную сторону, я принужденъ объясниться. Позвольте мнѣ вкратцѣ заявить вамъ, что мысль выгрузить васъ и ваши вещи и покинуть ваше милое общество — явилась у меня вслѣдствіе нашего неожиданнаго или, лучше сказать, Богомъ опредѣленнаго прибытія въ президію. Необходимость дѣйствовать, не теряя времени, лишила меня возможности довѣриться вамъ или просить вашего содѣйствія. «Умъ—

хорошо, а два—еще лучше», говоритъ пословица, и почемъ знать? можетъ-быть, вдвоемъ мы сумѣли бы сдѣлать все гораздо лучше. Сначала я хотѣлъ высадить васъ въ Мазатланѣ, далеко уступающемъ по климату и мѣстности Тодосъ-Сантосу, хотя болѣе доступномъ для всего, но присутствіе тамъ американскаго парохода придало бы дѣйствіямъ моимъ непріятную всѣмъ намъ гласность. Пользуясь своимъ знаніемъ береговыхъ условій полуострова и полнымъ извинительнымъ незнаніемъ капитана Бенкера, я успѣлъ черезъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ направить корабль въ незнакомый портъ, на мало посѣщаемый, вслѣдствіе постоянныхъ тумановъ, берегъ. Тутъ помогъ случай, о которомъ мы такъ часто съ вами говорили, дорогой другъ. Мы попали въ неизвѣстное теченіе и были приведены въ заливъ Тодосъ-Сантосъ. На этомъ берегу, интересномъ въ историческомъ отношеніи, съ превосходнымъ климатомъ, съ гостепріимными жителями, замкнутомъ отъ внѣшнихъ тлетворныхъ вліяній, вы можете быть счастливы съ вашими юными соотечественницами. Изъ разсыпающихся развалинъ прошлаго вы можете создать новую колонію, цѣлую Аркадію, съ зачатками новѣйшей цивилизаціи. Деньги ваши, которыя, несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ моихъ матросовъ, мнѣ удалось спасти, помогутъ вамъ прожить безъ нужды въ продолженіе многихъ лѣтъ. Если бы я не посвятилъ себя всего на освобожденіе Квинквинамбо, я охотно раздѣлилъ бы съ вами жизнь въ этомъ раю. Но, говоря блестящимъ стихомъ миссъ Макъ-Коркль, я скажу:

Нѣтъ, не держи меня! душою возрожденной
Я унесусь туда, въ тотъ край освобожденный!

«Осмѣливаюсь поручить вашему вниманію двѣ напечатанныя рукописи этой даровитой женщины. Опасность, сопряженная съ моей настоящей миссіей, превратности морскихъ и сухопутныхъ битвъ, запрещаютъ мнѣ рисковать и лишать потомство такихъ геніальныхъ произведеній.

«Прощайте, другъ мой. Смотрю кругомъ себя въ знакомой каютѣ и чувствую, что въ ней недостаетъ вашего милаго образа. Я, какъ Язонъ, чувствую себя одинокимъ на Аргосѣ, когда товарищи его остались на берегу. Я увѣренъ только, что никакія Цирцеи ихъ не погубятъ. Осматривая каюты, для того чтобы увѣриться, что приказанія мои исполнены и что всѣ вещи перевезены, я нашелъ въ вашей каютѣ шпильку изъ каменнаго угля, одну изъ тѣхъ, которыми вы всегда зашпиливали ваши волосы. Позвольте мнѣ оставить ее у себя, въ знакъ памяти о той, чью милую головку она украшала! Прощайте, мой другъ.

«Преданный вамъ Леонидъ Болливаръ Перкинсъ».

FIRST PUBLIC LIBRARY
PUBLIC LIBRARY
БИБЛІОТЕКА

— Ну, что?—съ нетерпѣніемъ спросила миссисъ Маркгемъ, видя, что миссъ Кинъ, какъ статуя, стоитъ съ письмомъ въ рукахъ.

— Это какой-то кошмаръ!.. Я тутъ ничего не понимаю. Человѣкъ, написавшій это письмо, должно-быть, помѣшанный... но онъ не пиратъ, не воръ... хотя...

— Онъ-то пиратъ!—съ негодованіемъ вскричала Маркгемъ:—тутъ ничего подобнаго нѣтъ! Это не его вина!

— Не его вина?—повторила Кинъ:—неужели и вы помѣшались?

— Нѣтъ... не помѣшалась. Развѣ вы не понимаете, что корабль скомпрометированъ по милости Банкса и Бриммера и по милости пьянаго капитана, допустившаго овладѣть своимъ судномъ. Перкинсъ—освободитель, патріотъ—рисковалъ и собою и своимъ дѣломъ, желая поступить съ нами великодушно. Развѣ вы этого не видите? Пусть Банксъ и Бриммеръ называютъ его пиратомъ! Мнѣ очень хочется высказать коменданту мое мнѣніе о нихъ!

— Полноте!—проговорила Кинъ, вдругъ вспомнивъ подозрѣнія коменданта,—ради Бога оставьте; вы сами не знаете, что говорите! Смотрите! они разговариваютъ съ человѣкомъ, который только что пришелъ.

Комендантъ и его секретарь подошли къ нимъ.

Оба они стали еще серьезнѣе прежняго; но на дамъ не смотрѣли уже прежнимъ подозрительнымъ взглядомъ.

— Сеніоръ комендантъ говоритъ, что вы свободны, сеніоры, и проситъ васъ только рѣшить: желаете ли вы быть его гостями, или поселиться у алькада. Кромѣ того, въ настоящее время онъ не можетъ позволить вамъ имѣть какія-либо сношенія съ арестованными въ Санъ-Антоніо.

— Есть какія-нибудь новости?—тихо спросила миссъ Кинъ, предчувствуя что-то дурное.

— Есть! Къ берегу прибито мертвое тѣло, сброшенное съ «Эксцельсіора».

Обѣ женщины поблѣднѣли.

— Въ карманѣ убитаго человѣка найдено обвиненіе противъ какого-то сеніора Чарльстона, который спрятался на кораблѣ и не сошелъ на берегъ вмѣстѣ съ другими пассажирами, а бѣжалъ потихоньку и прячется теперь гдѣ-то на Тодосъ-Сантосѣ.

— И вы его подозрѣваете въ этомъ гадкомъ преступленіи?—вскричала миссъ Кинъ, забывъ отъ негодованія всякое благоразуміе. — Вы ошибаетесь. Онъ такъ же невиненъ какъ и я.

Комендантъ и секретарь улыбнулись.

— Сеніоръ комендантъ вѣритъ вамъ, сеніора Элеонора; сеніоръ Чарльстонъ неповиненъ въ пиратствѣ. Но онъ, несомнѣнно, стоитъ во главѣ оппозиціи!..

VII.

Въ святомъ мѣстѣ.

Джемсъ Чарльстонъ, войдя въ кусты, въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ. Спокойствіе и безмолвіе заглохшаго сада благодѣтельно подѣйствовали на него и успокоили его тревогу. Онъ пошелъ дальше вдоль стѣны, нащупалъ рукою дверь и вошелъ. Коридоръ круто поворачивалъ въ сторону. Онъ повернулъ и вступилъ въ церковь миссіи. Неугасимая лампада, висѣвшая передъ образомъ Божіей Матери, слабо освѣщала единственное окно за высокимъ алтаремъ; другая лампада висѣла въ аркѣ и освѣщала проходъ въ домъ священника. При свѣтѣ этихъ лампадокъ Чарльстонъ могъ разсмотрѣть грубую отдѣлку и полинялую позолоту украшеній. Стѣны были расписаны не то въ мавританскомъ, не то въ индѣйскомъ вкусѣ. Живопись носила отпечатокъ далекой старины. Въ церкви пахло ладаномъ, и Чарльстонъ ощутилъ такое блаженное чувство покоя, что невольно сѣлъ на грубую скамью и облокотился на перила. Долго ли онъ сидѣлъ тутъ, онъ сказать не могъ. Его разбудило тихое щебетанье птицъ. Онъ поднялъ глаза и увидалъ, что птички летали надъ нимъ въ куполѣ, освѣщаемомъ розоватымъ свѣтомъ утренней зари.

Въ коридорѣ послышался шорохъ и тихіе, но тяжелые шаги. Въ церковь вошелъ священникъ, тотъ самый, котораго онъ видѣлъ на «Эксцельсіорѣ». Падре былъ одинъ. При видѣ незнакомца, оборваннаго и растрепаннаго, онъ невольно остановился и поспѣшно взглянулъ на тяжелыя серебряныя украшенія алтаря. Чарльстонъ замѣтилъ это и горько улыбнулся.

— Не безпокойтесь. Я искалъ тутъ только пріюта. — Онъ говорилъ по-французски, такъ какъ слышалъ, что падре говорилъ на этомъ языкѣ съ миссисъ Бриммеръ. Священникъ быстро понялъ свою ошибку. Онъ торжественно протянулъ руку къ алтарю.

— Вы правы. Гдѣ же вамъ его искать, какъ не здѣсь?

Отвѣтъ былъ неожиданный.

Чарльстонъ нерѣшительно посмотрѣлъ на него, и затѣмъ сказалъ съ безнадежнымъ отчаяніемъ человѣка, рѣшившагося на все:

ПОЖАЛУЙСТА
не сгибайте книг при чтении.

— Я пассажиръ съ корабля, на которомъ вы вчера были. Я сошелъ на берегъ съ намѣреніемъ спрятаться тутъ гдѣ-нибудь до выхода судна въ море. Если я скажу вамъ, что не скрываюсь отъ правосудія, что я не виновенъ ни въ чемъ передъ пассажирами и не намѣренъ сдѣлать что-нибудь дурное, а желаю только спрятаться отъ нихъ на двадцать четыре часа,—то вы изъ этого поймете, что ничѣмъ не рискуете, давъ мнѣ пріютъ. Больше ничего я сказать не могу.

— Но я не видѣлъ васъ съ другими пассажирами ни на кораблѣ ни на берегу. Какимъ же образомъ вы попали сюда?

— Я приплылъ до ихъ пріѣзда. Я не зналъ, что они намѣрены выйти на берегъ и думалъ, что мнѣ незачѣмъ будетъ прятаться. Но мнѣ не везетъ, — прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Священникъ взглянулъ на его одежду, очевидно, побывавшую въ водѣ, и промолчалъ.

— Вы думаете, я лгу?

Старикъ поднялъ голову и руку.

— Богу, не мнѣ.

Молодой человѣкъ тоже поднялъ голову и бросилъ на него гнѣвный взоръ. Но тишина и покой подѣйствовали на него благотворно, и онъ серьезно сказалъ:

— И Богу не лгу.

— Такъ зачѣмъ же таить что бы то ни было отъ него здѣсь?— ласково молвилъ священникъ.

— Я вѣдь не католикъ, и не вѣрю въ исповѣдь,—мрачно сказалъ Чарльстонъ.

Падре Эстебанъ положилъ свою большую смуглую руку ему на плечо.

— Вѣдь вы ищете пріюта въ этомъ святилищѣ, а оно прежде всего требуетъ открытой души. Куда бы вы ни пошли: въ домъ ли алькада или въ хижину туземца, вы должны были бы разсказать какую-нибудь исторію. Передъ врачомъ, котораго вы просили бы исцѣлить васъ, вы не стали бы скрывать ни своей раны, ни симптомовъ, ни причины болѣзни,—ласково прибавилъ онъ, видя, что Чарльстонъ хочетъ возражать.—Ваше желаніе будетъ исполнено. Вы останетесь здѣсь. Я буду вашимъ врачомъ, и залѣчу ваши раны; можетъ-быть, я не сумѣю найти средства противъ неизвѣстнаго мнѣ яда, но въ такомъ случаѣ вы простите меня, сынъ мой, и поможете мнѣ отыскать его. Я дамъ вамъ отдѣльную келью, въ которой вы можете пробыть до отхода корабля. А потомъ...

Онъ поспѣшно опустился на скамейку рядомъ съ молодымъ человѣкомъ и, взявъ его за руку, заглянулъ ему въ лицо, точно читая въ его глазахъ.

— А потомъ... Ну, да... что же потомъ?

Чарльстонъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ. Онъ припомнилъ тихій садъ, навѣявшій покой на его душу, вспомнилъ, какъ далекъ отъ всего свѣта этотъ чудный уголокъ; вспомнилъ о своемъ горькомъ прошедшемъ и подумалъ о томъ, что произойдетъ, если его забудутъ и онъ все забудетъ и начнетъ новую жизнь среди незнакомыхъ ему людей, тоже забытыхъ всѣми. Поднявъ опять глаза на падре Эстебана, онъ, вставая, спросилъ:

— Мы одни?

— Одни. До обѣдни еще полчаса,—отвѣчалъ священникъ.

— Исторія моя не длинна,—поспѣшно началъ молодой человѣкъ, точно боясь измѣнить свое рѣшеніе:—Такъ вотъ, выслушайте меня... я не совершилъ никакого преступленія и никому не сдѣлалъ зла; больше того: это касается только меня и...

— Одной женщины,—кротко добавилъ священникъ.— Садитесь, сынъ мой!

Онъ успокоительно поднялъ руку, какъ врачъ, удачно отгадавшій болѣзнь. Чарльстонъ помолчалъ немного, потомъ продолжалъ:

— И одной женщины, отравившей мнѣ всю жизнь, разбившей мое будущее, испортившей мою молодость; женщины, добившейся моей любви только для того, чтобы втоптать ее въ грязь; женщины, которая должна бы быть мнѣ самымъ близкимъ человѣкомъ въ мірѣ и которая между тѣмъ далека отъ меня, какъ преисподняя ада; женщина, отъ которой я бѣжалъ, готовый перенести позоръ и даже смерть, только бы не встрѣчаться съ нею болѣе,—моей жены!

Онъ остановился, задыхаясь, глаза его горѣли, зубы сжимались. Падре Эстебанъ вынулъ изъ кармана табакерку и большой носовой платокъ. Понюхавъ табаку, онъ спряталъ табакерку.

— Пять лѣтъ тому назадъ я въ первый разъ встрѣтилъ ее женою другого. Не осуждайте меня, это не была преступная страсть; мнѣ это чувство казалось простой дружбой къ женщинѣ красивой и умной. Я былъ тогда еще студентомъ и жилъ съ нею въ одномъ домѣ. Прежде чѣмъ я заговорилъ съ нею о любви, она повѣрила мнѣ тайну своей брачной жизни, разсказала о грубости, даже жестокости своего мужа. Человѣкъ и менѣе меня влюбленный могъ убѣдиться въ справедливости ея словъ, могъ видѣть контрастъ между грубымъ, чувственнымъ, неделикатнымъ человѣкомъ и изящной и умной женщиной. Я повѣрилъ. Уже гораздо позже узналъ я, что бракъ

ея не былъ результатомъ ошибки молодости, а заключенъ по обоюдному согласію, чтобы спасти ея репутацію. Но я безумно любилъ ее; и когда она получила, наконецъ, разводъ съ нелюбимымъ мужемъ, я думалъ, что она устроила это изъ любви ко мнѣ. Въ то время я не зналъ, что они устроили разводъ, точно такъ же какъ и бракъ, съ обоюднаго согласія.

...Я былъ единственнымъ сыномъ матери-вдовы, которая инстинктивно, съ первой же минуты, возстала противъ моей любви къ этой женщинѣ. Все, что она тогда предсказывала, дѣйствительно случилось. Къ несчастью, какъ она, такъ и знакомые мои были настолько безтактны, что прямо высказывали, будто разводъ устроенъ исключительно съ цѣлью поддѣть меня, какъ богатаго жениха. Этотъ аргументъ заставилъ меня защитить любимую женщину. Однимъ словомъ, я женился, не только вопреки противодѣйствію моихъ родныхъ, но даже вслѣдствіе его.

...Мать моя, вѣроятно, примирилась бы съ этимъ бракомъ, но жена никогда не могла простить ей того, что она не соглашалась на мою женитьбу и, боясь, чтобы мать не одержала верхъ, навѣки поссорила насъ. Владѣя небольшимъ капиталомъ, оставленнымъ мнѣ отцомъ, я увезъ жену въ одинъ изъ западныхъ городовъ. Капиталъ нашъ скоро истощился отъ долговъ ея прежняго мужа которые она приняла на себя, чтобы получить разводъ. Я же, получивъ хорошее воспитаніе, началъ давать уроки музыки, языковъ и писать въ журналахъ. Жена моя сначала помогала мнѣ, но скоро я убѣдился, что она добивалась только извѣстности, не обладая ни малѣйшимъ дарованіемъ. Она довольно легко писала сентиментальные стихи и помѣщала ихъ въ журналахъ; но вовсе не пользовалась успѣхомъ. Это, однако, не мѣшало ей продолжать, и она не обращала на малѣйшаго вниманія, даже когда надъ ней смѣялись прямо въ глаза. Наконецъ я дошелъ до того, что не могъ заплатить одного долга ея мужа и получилъ анонимное письмо съ угрозой. Я далъ это письмо ей, и оно вызвало сцену, показавшую мою глупость. Жена обвинила меня въ своемъ разводѣ и говорила, что я обманулъ ее, выдавая себя за богатаго человѣка. Въ пылу гнѣва, выказавшаго мнѣ ея настоящій характеръ, она предложила мнѣ развестись съ нею, какъ она развелась съ первымъ мужемъ. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что она любила другого, и думала, что громкій бракоразводный процессъ обратитъ на нее вниманіе общества и заставитъ о ней говорить...

...Она въ то же время и лгала... Она клялась, что я ударилъ ее! Можетъ-быть... Богъ знаетъ! Но ей не удалось передъ

судомъ обвинить меня въ жестокомъ обращеніи. Судья вынесъ убѣжденіе, что я помѣшанъ, но никакъ не грубъ, и ей было отказано въ просьбѣ о разводѣ.

...Нечего разсказывать вамъ, что друзья мои, такъ сильно возставшіе противъ моего брака, умоляли меня теперь позволить ей разорвать его. Но я отказалъ. Клянусь вамъ, что я отказалъ не изъ любви къ ней, такъ какъ присутствіе ея доводило меня до бѣшенства, не изъ чувства мести или ревности, потому что я благословилъ бы того человѣка, который избавилъ бы меня отъ нея. Но я не могъ вынести мысли занять роль ея перваго мужа въ этой отвратительной комедіи. Я не хотѣлъ купить свою свободу такой цѣной. Мнѣ говорили, что я могъ получить разводъ и снова сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ. Но вѣдь въ своихъ собственныхъ глазахъ я не сдѣлался бы свободнымъ. Я чувствовалъ, что кандалы, которыя я добровольно надѣлъ на себя, могутъ быть разбиты только смертью; я зналъ, что жена всегда будетъ камнемъ висѣть у меня на шеѣ.

...Узнавъ о моемъ рѣшеніи, она стала таскать изъ мести имя мое по грязи, въ которую сама окунулась. Подъ тѣмъ предлогомъ, что ей недостаетъ тѣхъ денегъ, которыя я могъ удѣлять ей, она, пользуясь своей красивой внѣшностью и довольно сомнительнымъ талантомъ, начала играть на любительскихъ спектакляхъ и, наконецъ, поступила на сцену. Она открыто появлялась всюду въ сопровожденіи своего любовника, который хотѣлъ заставить меня дать ей разводъ. Вдругъ она исчезла, и я уже думалъ, что она меня забыла. Въ это время я досталъ себѣ мѣсто въ Нью-Іоркѣ. Однажды вечеромъ я отправился въ театръ, гдѣ давалась комическая опера и гдѣ появилась какая-то новая актриса, прозванная западной Таліей, о красотѣ и эксцентричныхъ костюмахъ которой говорилъ весь городъ. Въ этой звѣздѣ безстыдной наготы я узналъ свою жену, и, мало того, она узнала меня. На слѣдующій же день, кромѣ обыкновеннаго объявленія о спектаклѣ, была сообщена «настоящая» фамилія актрисы, а въ газетахъ появилась сочувственная статья и разсказъ о ея несчастномъ бракѣ. Я отказался отъ своего мѣста и, воспользовавшись предложеніемъ одного стараго друга, потихоньку уѣхалъ къ нему въ Калифорнію. Мать моя умерла съ горя, я былъ одинъ на свѣтѣ. Но жена моя какъ-то узнала о моемъ намѣреніи, и въ Кальяо я услыхалъ, что она поѣхала за мною черезъ Панамскій перешеекъ, чтобы встрѣтить меня въ Мазатланѣ, гдѣ мы должны были остановиться. Мысль о самоубійствѣ преслѣдовала меня въ продолженіе всего этого несчастнаго пути; и

меня остановило только соображеніе, что самоубійство мое она выставитъ, какъ доказательство моей виновности.

Падре Эстебанъ снова положилъ свою руку ему на плечо.

— Самъ Богъ спасъ васъ отъ гибели души и тѣла,—кротко сказалъ онъ.

— Когда мы подошли къ Мазатлану, я задумалъ спрятаться гдѣ-нибудь на «Эксцельсіорѣ», до выхода корабля изъ порта, въ надеждѣ, что исчезновеніе мое объяснятъ случайнымъ паденіемъ въ море. Мнѣ дѣйствительно удалось спрятаться, но меня нашли въ ту самую минуту, когда корабль измѣнилъ свой курсъ, и скрываться мнѣ было не для чего. Никто ничего не заподозрилъ, и все объяснили тѣмъ, что я лунатикъ. Я избавился отъ встрѣчи съ этой женщиной въ Мазатланѣ, но зналъ, что она станетъ преслѣдовать меня и въ Санъ-Франциско. Судьба, случайно закинувшая насъ въ никому неизвѣстный портъ, снова затеплила во мнѣ надежду. Въ то время, какъ вы съ комендантомъ поднимались на «Эксцельсіоръ», я вылѣзъ изъ окна каюты въ воду и, умѣя хорошо плавать, благополучно доплылъ до берега. Я сидѣлъ, спрятавшись, у берега, пока не увидалъ подошедшихъ лодокъ съ пассажирами, и послѣ этого пробрался въ миссію. Въ садъ къ вамъ я перелѣзъ черезъ изгородь и лежалъ подъ деревьями до тѣхъ поръ, пока не стихли всѣ голоса. Ночью я прошелъ по трошинкѣ до какой-то стѣны, а въ этой стѣнѣ оказалась дверь, которая отворилась, какъ только я ее толкнулъ. Я вошелъ и очутился здѣсь. Остальное вамъ извѣстно.

Онъ говорилъ съ жаромъ и торопливостью человѣка, который старается не столько произвести впечатлѣніе, сколько, высказавшись, облегчить свое сердце. Разсказъ на чужомъ языкѣ не могъ отличаться краснорѣчіемъ, но тѣмъ не менѣе онъ тронулъ священника. Падре Эстебанъ всталъ и, протягивая обѣ руки, сказалъ:

— Сынъ мой! Церковь, къ которой вы обратились за пріютомъ, не допускаетъ развода. Женщина, сдѣлавшая жизнь вашу несчастною, не могла быть вашей женой. До тѣхъ поръ, пока живъ ея первый мужъ, она его жена, связанная съ нимъ узами, нерасторжимыми людскимъ закономъ.

VIII.

Разоблаченіе тайны.

Миссисъ Бриммеръ въ красивомъ утреннемъ туалетѣ полулежала въ индійскомъ гамакѣ, въ галлереѣ, гдѣ сидѣла и миссъ Чебъ. При появленіи патера она вздрогнула. Вздрогнул

и алькадъ, сидѣвшій возлѣ нея. Падре Эстебанъ самъ смутился, но миссисъ Бриммеръ быстро пришла въ себя и съ обычной наивностью заговорила:

— Я знала, что вы придете, а если бы не пришли, я бы собралась съ духомъ и сама пошла бы съ миссъ Чебъ къ вамъ въ миссію.— Донъ Рамонъ былъ ко мнѣ въ высшей степени добръ и внимателенъ, но, знаете, трудно обойтись безъ духовнаго утѣшенія, хотя между нами несомнѣнно должно существовать разногласіе въ мнѣніяхъ. Надѣюсь, что съ вами я могу говорить совершенно свободно, какъ говорила бы съ своимъ другомъ. Скажите мнѣ прямо, что такое случилось? Разскажите все. Боюсь, что донъ Рамонъ по своей добротѣ сообщилъ не все. Я, съ своей стороны, откровенно разсказала всю правду. Разсказала, кто такой мистеръ Бриммеръ, но думаю, что здѣсь о немъ никто не слыхивалъ, хотя въ вашей библіотекѣ должны быть справочныя книги и въ нихъ вы навѣрное прочтете о немъ. О другихъ пассажирахъ ничего сказать не могу, развѣ только, что Бриммеръ не позволилъ бы мнѣ ѣхать съ непорядочными людьми. Конечно... я должна сознаться... во мнѣ являлось сомнѣніе насчетъ способности капитана Бенкера дѣлать выборъ пассажировъ. Онъ, можетъ-быть, очень хорошій морякъ, но мало знаетъ свѣтъ... Я никакъ не могу допустить, чтобы Кросби вступилъ въ какую-нибудь сдѣлку съ своей совѣстью. А относительно миссъ Кинъ скажу, что никакъ не ожидала отъ нея, чтобы она до такой степени могла забыться, чтобы произносить рѣчи къ уличной толпѣ, хотя другъ ея, миссисъ Маркгемъ, о чемъ я уже говорила дону Рамону, открытая сторонница женскихъ правъ и привыкла обращаться къ публикѣ съ подмостковъ, на которыхъ читаются лекціи.

— Можетъ ли это быть?—съ ужасомъ вскричалъ донъ Рамонъ, не скрывая своего отвращенія къ миссисъ Маркгемъ и восхищенія къ очаровательной миссисъ Бриммеръ.— Развѣ женщина можетъ быть ораторомъ?

— Разумѣется, только не въ свѣтскомъ обществѣ,—вздохнувъ, отвѣчала Бриммеръ. — Я не припомню, чтобы когда-нибудь встрѣчала эту даму. Она не бываетъ въ нашемъ обществѣ... въ высшемъ кругу.

— Позвольте,—вѣжливо замѣтилъ падре,—вы говорите о вашихъ спутникахъ по кораблю. Не знали ли вы нѣкоего Чарльстона?

— Чарльстона?.. очень можетъ быть; но о немъ я право ничего не знаю, небрежно отвѣтила миссисъ Бриммеръ;—даже во время невольной совмѣстной жизни на морѣ, намъ прихо-

дилось быть разборчивыми, и мы съ нимъ не знались. Онъ былъ знакомъ только съ одной Кинъ.

— А она теперь здѣсь?—живо спросилъ падре.

— Нѣтъ, она въ президіи вмѣстѣ со своей подругой Маркгемъ. Комендантъ отдалъ въ ихъ распоряженіе свой домъ,—сказалъ донъ Рамонъ, быстро взглянувъ на миссисъ Бриммеръ.—Неизвѣстно, кѣмъ онъ плѣненъ болѣе: очаровательной ли ораторшей, или восхитительной предводительницей толпы?

— Маркгемъ — замужняя женщина,— строго замѣтила Бриммеръ:—и, конечно, свободна поступать, какъ ей угодно; но про миссъ Кинъ нельзя этого сказать. Я не нашла бы приличнымъ позволить миссъ Чебъ принять гостепріимство холостого человѣка, и не могу понять, какъ она отказалась отъ общества и покровительства вашихъ очаровательныхъ сестеръ.

Падре откланялся дамамъ и отправился въ президію. Никакого караула нигдѣ не стояло, и на гауптвахтѣ не было никого, но, выйдя на галлерею, священникъ вдругъ остановился. Издали доносились звуки гитары и монотонный речитативъ.

Падре поспѣшно открылъ дверь въ садикъ. Тутъ удивленнымъ глазамъ его представилась поразительная группа. Миссисъ Маркгемъ сидѣла подъ тѣнью пальмы, на своемъ сундукѣ, какъ на тронѣ, и ласково смотрѣла на серьезное лицо коменданта, который помѣстился у ея ногъ съ гитарой и очевидно разучивалъ какой-то романсъ. Его адъютантъ сидѣлъ подлѣ него и раздѣлялъ восторгъ своего начальника передъ прелестной гостьей. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ миссъ Кинъ и секретарь вели оживленный разговоръ съ низенькимъ, коренастымъ человѣкомъ, въ которомъ падре узналъ мѣстнаго доктора.

При появленіи священника, комендантъ вздрогнулъ, офицеръ всталъ и даже секретарь и докторъ смутились.

«Я положительно всюду являюсь сегодня лишнимъ», подумалъ духовный отецъ, но миссъ Кинъ прервала его размышленія, добродушно протянувъ ему руку.

— Какъ я рада, что вы пришли,—сказала она съ очаровательной улыбкой,—вы поможете мнѣ убѣдить этихъ господъ, что капитанъ Бенкеръ боленъ отъ волненія, и что кровопусканіе не только не поможетъ ему, но даже повредитъ.

— Въ жилы больного проникъ горячечный жаръ,—пылко заговорилъ маленькій докторъ, — и кровопусканіемъ надо выпустить эту кровь изъ его жилъ.

— Онъ просто бѣснуется отъ досады, что по собственной винѣ потерялъ корабль,—возразила миссъ Кинъ.

— Онъ помѣшанный и лишитъ себя жизни, если горячка продолжится,—настаивалъ докторъ.

— Вы только убьете его, — смѣло возражала молодая дѣвушка.— Ему, какъ несчастному, но честному человѣку, легче убить самого себя, чѣмъ потерять послѣднія силы отъ вашего кровопусканія. Будь я на его мѣстѣ, я сорвала бы повязку.

Она энергично махнула своей маленькой красивой рукой; глаза ея сверкали, щеки раскраснѣлись, ноздри раздулись, ротъ былъ полуоткрытъ. Мужчины смотрѣли на нее съ неподдѣльнымъ восторгомъ. По ихъ простому разумѣнію, это была олицетворенная прелестная и торжествующая анархія.

— Ахъ, это правда,—сказалъ по-испански секретарь падре Эстебану;—она не знаетъ страха! Она оставалась съ сумасшедшимъ одна въ комнатѣ, когда никто не рѣшался войти къ нему! Она отняла у него ножъ... чтобы больной не нанесъ себѣ раны

— И онъ узналъ ее! А власть ея извѣстна—прибавилъ комендантъ, подходя къ разговаривающимъ.

— Отецъ Эстебанъ!—сказала дѣвушка, кроткими умоляющими глазами глядя на старика,—вы поможете мнѣ спасти капитана! Его убиваетъ и доводитъ до безумія отчаяніе. Подумайте, онъ опозоренъ и къ довершенію всего запертъ на замокъ, слѣдовательно, лишенъ всякой возможности возстановить свое доброе имя, лишенъ средствъ преслѣдовать человѣка, который отнялъ у него все.

— Да онъ вѣдь и не можетъ ничего сдѣлать! Корабль ушелъ,—возразилъ комендантъ.

— Корабль ушелъ, но океанъ остался.

— Но вѣдь у него нѣтъ даже лодки.

— Онъ можетъ найти или сдѣлать лодку.

— А туманъ скрываетъ пароходъ.

— Онъ можетъ пройти тамъ, гдѣ прошелъ «Эксцельсіоръ», или погибнуть. Вы не знаете моихъ соотечественниковъ, сеніоръ комендантъ,—съ гордостью добавила она.

— Нѣтъ... извините! Они теперь съ Санъ-Антоніо... булочникъ, шутникъ и оба молодыхъ человѣка. Они уже принялись тамъ копать землю. Я знаю это отъ офицера, который только что вернулся оттуда.

Миссъ Кинъ прикусила свои хорошенькія губки.

— Они думаютъ, что тутъ произошло какое-нибудь недоразумѣніе. Могутъ ли они повѣрить, что ихъ умышленно

оскорбляютъ,—спокойно сказала она.—Можетъ-быть, и къ лучшему, что они не вѣрятъ.

— Они просили меня засвидѣтельствовать вамъ ихъ почтеніе, сеніора,—любезно проговорилъ падре,—они значительно успокоились, когда я увѣрилъ ихъ, что вы не будете терпѣть ни въ чемъ недостатка, находясь у этихъ господъ.

Миссъ Кинъ подняла глаза на священника.

— Такъ, значитъ, вы видѣли ихъ?

— Я видѣлъ не всѣхъ ихъ. Между ними нѣтъ одного—Чарльстона. Не правда ли?

При правдивомъ характерѣ миссъ Кинъ нельзя было не покраснѣть, отвѣчая. Она никому не говорила еще о томъ, что видѣла молодого человѣка въ саду миссіи.

— Мнѣ говорили, что только вы однѣ пользовались довѣріемъ этого человѣка.

— Кто смѣетъ это говорить?—вскричала миссъ Кинъ по-англійски, совершенно забываясь отъ негодованія.

— Такую вещь могла сказать только Бриммеръ. Я готова побиться объ закладъ,—замѣтила Маркгемъ.

— Я васъ прошу только,—продолжалъ священникъ, не обращая вниманія на перерывъ,—сказать мнѣ, что вы знаете о планахъ этого Чарльстона... о его сообществѣ съ сеніоромъ Перкинсомъ, или,—онъ многозначительно прибавилъ,—или о его оппозиціи. Этого необходимо для справедливаго отношенія ко всѣмъ.

Миссъ Кинъ хотѣла уже сказать, что она ничего не знаетъ о сношеніяхъ Чарльстона съ Перкинсомъ, но остановилась, сконфузившись.

— Я не стану торопить васъ отвѣтомъ, — ласково проговорилъ священникъ.—Но я увѣренъ, что вы не утаите ничего, что могло бы бросить свѣтъ на эту печальную исторію и возстановить доброе имя вашего друга Чарльстона.

— Если вы спрашиваете, думаю ли я, что Чарльстонъ принималъ участіе въ заговорѣ, я, не задумавшись, скажу, что нѣтъ. Больше того, я думаю, что онъ скорѣе спрыгнулъ бы съ корабля въ море, чѣмъ согласился бы на такое позорное дѣло,—громко сказала она.

— Такъ вы думаете, что у него не было другихъ причинъ покинуть корабль? — тихо спросилъ священникъ.

— Положительно, нѣтъ.—Она остановилась, но, встрѣтивъ пристальный взглядъ священника, почувствовала досаду. — Какіе же могутъ быть у него причины? — холодно прибавила она.

Лицо отца Эстебана просіяло.

— Я спрашиваю только, предполагая, что вамъ причины эти должны быть извѣстны. Благодарю васъ и за то, что вы мнѣ сказали, а взамѣнъ обѣщаю вамъ поговорить съ комендантомъ относительно капитана Бенкера. Прощайте, дочь моя! — сказалъ онъ, беря подъ руку дона Мигуэля и направляясь съ нимъ въ караульную. Секретарь на минуту остановился.

— Не бойтесь, — прошепталъ онъ миссъ Кинъ по-англійски. — Я, Рей Санчецъ, вышлю вашего капитана.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Падре Эстебанъ, выйдя изъ президіи, поспѣшилъ къ себѣ въ миссію съ смутнымъ опасеніемъ, что его странный гость могъ исчезнуть. Пройдя по тихому коридору и отворивъ дверь въ келью, онъ успокоился, увидавъ, что молодой человѣкъ спитъ крѣпкимъ сномъ.

Падре съ чувствомъ сожалѣнія посмотрѣлъ на голыя стѣны кельи и на красивое лицо спящаго; но вслѣдъ за тѣмъ разбудилъ молодого человѣка, и быстро, даже рѣзко началъ разсказывать ему о томъ, что случилось въ это утро

Молодой человѣкъ горько засмѣялся.

— Какъ видите, — сказалъ онъ, — Самъ Богъ противъ меня, хотя нѣсколько часовъ тому назадъ я осмѣлился надѣяться, что онъ привелъ меня въ лоно забвенія и покоя.

— Да сказали ли вы правду Ему и мнѣ? — сурово спросилъ священникъ, — или вы, какъ политическій изгнанникъ, воспользовались слабостью старика и сочинили ему цѣлую исторію о какой-то сентиментальной страсти?

— Что вы хотите сказать? — съ негодованіемъ спросилъ Чарльстонъ.

Священникъ вынулъ изъ кармана сложенную бумагу и развернулъ ее передъ глазами разгнѣваннаго гостя.

— Припомните, что вы говорили мнѣ сегодня ночью, въ церкви, и выслушайте, кто вы такой въ дѣйствительности, — выслушайте изъ устъ правителей Тадосъ-Сантоса.

Разгладивъ бумагу, онъ прочелъ слѣдующее:

«Совѣту, экстраординарно созванному въ президіи Тодосъ-Сантосъ, было доложено, что иностранное судно «Эксцельсіоръ», взбунтовавшись, высадило своего капитана и пассажировъ и ушло изъ бухты. Произведеннымъ дознаніемъ установлено, что вышеупомянутое судно, принадлежавшее иностранной державѣ, участвовало не разъ въ войнѣ съ Мексикой и было послано для занятія одной изъ ея сѣверныхъ провинцій. Но Богъ свободы и справедливости заговорилъ въ

сердцахъ нѣкоторыхъ патріотовъ—а именно, героя сеніора Діего Чарльстона и несравненной донны Элеоноры—и придалъ имъ силу и смѣлость возстать противъ тиранiи и несправедливости своихъ притѣснителей, и лучше умереть или покинуть судно, чѣмъ сдѣлаться сообщниками злодѣевъ вмѣстѣ съ нейтральными и безразличными лицами, какъ ремесленники: Бресъ, Банксъ, Винслоу и Кросби, и аристократки, по фамиліи: сеніора Бриммеръ и сеніора Чебъ. Въ силу этихъ соображеній, совѣтъ Тодосъ-Сантоса постановилъ, что патріоты: сеніоръ Діего Чарльстонъ, донна Элеонора и дуэнья Сюзанна Марктемъ, особенно привязанная къ особѣ донны Элеоноры,— должны пользоваться въ Тодосъ-Сантосѣ пріютомъ, помѣщеніемъ, гостепріимствомъ, покровительствомъ, дружбой и союзомъ. Противъ сеніора Перкинса и его, неизвѣстныхъ намъ, соумышленниковъ объявляются война, преслѣдованіе и смерть. Сторонники же нейтралитета, Бресъ, Банксъ, Кросби и Винслоу — помѣщаются на испытаніе въ лазаретъ Санъ-Антоніо, съ воспрещеніемъ выходить изъ предѣловъ его, пока совѣтъ не присмотрится къ нимъ. Далѣе совѣтъ постановилъ, что капитанъ Бенкеръ, командовавшій прежде «Эксцельсіоромъ», а нынѣ сошедшій съ ума, какъ человѣкъ невмѣняемый и обиженный Богомъ, долженъ быть оставленъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не вернется разсудокъ,— и подвергнутъ обыкновенному лѣченію и гуманному уходу.

«По распоряженію совѣта, слѣдуютъ подписи:

«Донъ Мигуэль Бріонесъ, комендантъ.

«Падре Эстебанъ, изъ францисканскаго ордена.

«Донъ Рамонъ Рамиресъ, алькадъ поселенія Тодосъ-Сантосъ».

IX.

Побѣгъ капитана.

Кончивъ читать, Эстебанъ отложилъ бумагу въ сторону и устремилъ пристальный взглядъ на молодого человѣка. Чарльстонъ съ презрительной досадой встрѣтилъ этотъ взглядъ.

— Что вы скажете на это? — спросилъ священникъ.

— Скажу, что это замѣчательная нелѣпость; по крайней мѣрѣ, все, касающееся меня. Если бы я былъ тѣмъ, чѣмъ меня тутъ представляютъ, то зачѣмъ бы я обратился къ вамъ съ моимъ лживымъ разсказомъ о «сентиментальной страсти»? Я могъ бы вмѣстѣ съ своей сестрой-патріоткой открыто просить вашего покровительства, — прибавилъ онъ съ горькимъ смѣхомъ.

— А затѣмъ, что тогда вы еще не знали рѣшенія совѣта,— сказалъ священникъ.

— Но теперь я знаю и отказываюсь отъ вашего гостепріимства.

— Отказываетесь?—повторилъ падре.

— Да, отказываюсь. — Онъ направился къ двери. — Прежде, однако, чѣмъ уйти, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за нѣсколько часовъ отдыха и пріюта, данныхъ вами человѣку, который, можетъ-быть, несетъ на себѣ проклятіе, но никогда не былъ обманщикомъ. Я нисколько не порицаю васъ за то, что вы усомнились въ человѣкѣ, говорящемъ, какъ сумасшедшій. Прощайте!

— Куда же вы идете?

— Не все ли равно? Существуютъ покровительства и пріюты болѣе надежные, чѣмъ тѣ, которые предлагаетъ совѣтъ Тодосъ-Сантоса.

Онъ отвернулся, но Эстебанъ успѣлъ замѣтить въ его глазахъ то же выраженіе безнадежности, которое поразило его ночью въ церкви. Падре сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и положилъ свою мягкую руку на плечо Чарльстона.

— Посмотрите на меня. Не отворачивайтесь: я вѣрю вашему разсказу.

Не поднимая глазъ, молодой человѣкъ снялъ руку священника съ своего плеча, слегка пожалъ ее и опустилъ.

— Благодарю,—сказалъ онъ.— Но теперь ужъ мнѣ все равно. Прощайте.

Онъ взялся за ручку двери; священникъ снова удержалъ его.

— Если я говорю вамъ, что вѣрю вашему разсказу, то говорю для того, чтобы сказать вамъ больше. Я думаю, что Самъ Богъ направилъ сюда ваши стопы. Я предлагаю вамъ Его именемъ пріютъ не на одинъ день или одну ночь, но навсегда; предлагаю вамъ мѣсто, гдѣ бы вы могли укрыться не отъ мужчины или женщины, а отъ самого себя, отъ вашего слабаго я, болѣе для васъ опаснаго, чѣмъ все другое. Вы будете раздѣлять жизнь со мною, будете однимъ изъ моихъ помощниковъ; будете помогать мнѣ успокаивать души близкихъ, какъ я успокаиваю теперь вашу душу. Если вы желаете быть забытымъ, вы можете спрятаться отъ всѣхъ, живя со мною. Вы будете моимъ сыномъ, товарищемъ, другомъ; пока я живъ, я всѣмъ буду дѣлиться съ вами, а послѣ меня вы можете занять мое мѣсто и продолжать мою работу.

— Вы ошибаетесь,—холодно сказалъ молодой человѣкъ.— Я обратился къ вамъ за земной помощью и благодарю васъ

за то, что вы для меня сдѣлали; но я не настолько смѣлъ, чтобы просить бо̀льшаго. Забудьте и простите меня, отецъ Эстебанъ.

— Стойте! Если вы не хотите выслушать меня во имя Всемогущаго и Вездѣсущаго Отца, то во имя вашего покойнаго отца я приказываю вамъ остаться. Я заступаю мѣсто человѣка, котораго никогда не зналъ, чтобы остановить сына его отъ безумія и преступленія. Взгляните на меня, какъ на того, кого вы любили, и позвольте старику, у котораго могъ бы быть сынъ вашихъ лѣтъ, воспользоваться правомъ поддержать васъ отеческой рукой.

Наступила минута молчанія.

— Чего вы отъ меня хотите?—сказалъ Чарльстонъ, вдругъ поднявъ на старика глаза, влажные отъ слезъ.

— Дайте мнѣ честное слово, что въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ вы не примете никакого рѣшенія, не посовѣтовавшись со мною.

— Даю,— сказалъ Чарльстонъ.

Онъ повернулся и протянулъ Эстебану обѣ руки, но старикъ не взялъ ихъ, а раскрылъ свои объятія, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ голова молодого человѣка лежала на груди падре. Священникъ ласково поднялъ его голову.

— Подите, прогуляйтесь по саду, пока я буду служить вечерню; — воздухъ теперь такъ хорошъ. Подумайте о томъ, что я говорилъ вамъ. Я приду за вами къ вечерней трапезѣ.

Чарльстонъ, поникнувъ головой, пошелъ нетвердыми шагами въ верхнюю часть сада. Тутъ за стѣною шелъ спускъ къ морю. Заглянувъ въ узенькую улицу и убѣдившись, что тамъ никого нѣтъ, онъ быстро двинулся по берегу, между стѣнами укрѣпленій и моремъ.

Какъ спокойно было море, полузакрытое туманомъ! Какъ хорошо было бы броситься въ его объятія и успокоиться навѣки!

Что это такое?.. чьи-то шаги по камнямъ! Онъ быстро оглянулся. Какая-то фигура, крадучись, пробиралась къ морю. Чарльстонъ въ одинъ мигъ узналъ капитана Бенкера.

При появленіи капитана Чарльстонъ забылъ, на какой мысли остановился и бросился къ нему, но въ эту минуту капитанъ дошелъ уже до самаго моря, спустился въ какой-то ровъ и пропалъ изъ виду. Неподалеку, въ крошечномъ зализѣ, качалась рыбацкая лодка, и одинокій рыбакъ чинилъ на грязномъ берегу сѣти.

Чарльстонъ ужъ хотѣлъ повернуться и пойти обратно, какъ увидалъ капитана, пробиравшагося на четверенькахъ

къ беззаботному рыбаку. Не успѣлъ Чарльстонъ крикомъ предупредить несчастнаго, какъ Бенкеръ бросился на рыбака, опрокинулъ его на землю, быстро завернулъ въ сѣти и совершенно запуталъ. Оттолкнувъ онѣмѣвшую отъ страха жертву въ сторону, онъ побѣжалъ къ лодкѣ, но Чарльстонъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ него и схватилъ его за плечи.

— Капитанъ Бенкеръ, что вы дѣлаете?—Бенкеръ тихо и безъ особеннаго испуга повернулся къ нему. Чарльстонъ отступилъ при видѣ стеклянныхъ безсмысленныхъ глазъ капитана.

— Да, меня зовутъ капитаномъ Бенкеромъ,—шопотомъ проговорилъ сумасшедшій.—Лемьюэлемъ Бенкеромъ изъ Нантукетта. Тише! не будите его!—прибавилъ онъ, указывая на рыбака:—я усыпилъ его! Я—капитанъ Бенкеръ, старый пьяница Бенкеръ... укравшій судно у своихъ хозяевъ... я хочу украсть теперь лодку... ха! ха! ха!.. Пустите меня!

— Капитанъ Бенкеръ,—сказалъ Чарльстонъ.—Посмотрите на меня. Развѣ вы меня не знаете?

— Знаю, знаю! Вы одна изъ собакъ старика Бенкера, выброшенныхъ на берегъ Перкинсомъ; я же одна изъ взбѣсившихся собакъ Перкинса,—потому онъ меня и заперъ. Но мнѣ удалось ускользнуть! Знаете? Вѣдь это она меня выпустила. Она думала, что я отправлюсь навѣстить молодыхъ людей въ Санъ-Антоніо, а я иду искать въ туманѣ корабль. Я выброшу за бортъ Перкинса, помощника и штурмана. Пустите же меня!

Онъ отбивался что было мочи. Чарльстонъ, боясь выпустить капитана, могъ только предоставить рыбака его собственнымъ силамъ. Но, парализованный отъ страха, несчастный не смѣлъ шевельнуться, и только смотрѣлъ на борющихся. Наконецъ Чарльстону удалось поставить капитана на колѣни.

— Слушайте, капитанъ! Мы отправимся вмѣстѣ, понимаете. Я помогу вамъ... но намъ надо достать лодку покрупнѣе этой!..

— Они не дадутъ,—таинственнымъ шопотомъ проговорилъ капитанъ.—Развѣ вы не слыхали, что говорили въ совѣтѣ... судохозяева?.. Они говорили, что я потерялъ корабль, и навѣки обезчещенъ изъ-за рома!.. всему виною ромъ! а вѣдь ромъ необходимъ, и тамъ у насъ на «Эксцельсіорѣ» его нѣтъ.

— Да, да,—успокоительно говорилъ Чарльстонъ,—но въ большой лодкѣ и ромъ есть. Пойдемте со мной. Распутаемъ этого человѣка, и онъ проводитъ насъ къ своей большой лодкѣ.

Предложеніе было крайне неудачное: капитанъ вдругъ вспомнилъ о рыбакѣ, вскрикнулъ и впалъ въ прежнее безумное состояніе.

— Измѣна! Всѣ на палубу!—крикнулъ онъ и, оттолкнувъ Чарльстона, бросился въ воду.

— Помогите!—закричалъ молодой человѣкъ, бросаясь за нимъ.—Онъ сумасшедшій! Онъ убьетъ себя!

Вода была не глубока, оба въ одно время достигли лодки; но капитанъ успѣлъ уже занять мѣсто на кормѣ и отвязать веревку, когда Чарльстонъ опять схватилъ его.

— Послушайте, капитанъ. Я поѣду съ вами. Я знаю дорогу. Понимаете? я проведу васъ.

Чарльстонъ приходилъ теперь въ отчаяніе не за себя а за другого; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ спасти сумасшедшаго отъ несчастія.

Бенкеръ, повидимому, началъ сдаваться.

— Идите впередъ,—тихо сказалъ онъ.

Чарльстонъ выпустилъ его и, держась за лодку, выплывшую на болѣе глубокое мѣсто, пошелъ къ носу. Онъ только что хотѣлъ взобраться на лодку, какъ отчаянный крикъ съ берега заставилъ его обернуться, но не такъ скоро, чтобы уберечь себя. Сумасшедшій со всего размаха хватилъ его весломъ, но попалъ не въ голову, а въ плечо, и опрокинулъ его.

Падая, онъ слышалъ хохотъ сумасшедшаго, и затѣмъ, какъ ключъ, пошелъ ко дну, но тотчасъ же вынырнулъ. Капитанъ былъ уже такъ далеко, что догнать его было трудно. Тѣмъ не менѣе, Чарльстонъ хотѣлъ броситься за нимъ, но застоналъ отъ боли въ безсильно повиснувшей рукѣ. Теряя чувства, онъ сознавалъ, что тонетъ.

Тогда онъ началъ бороться за спасеніе своей жизни, и тотъ самый человѣкъ, который такъ искалъ смерти, теперь болѣе всего желалъ добраться до берега. Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія и раза два коснулся ногою дна, но потомъ его снова относило волной. Наконецъ, онъ всталъ на ноги и помогая себѣ руками, пошелъ къ берегу. Упавъ на брошенныя сѣти, онъ слышалъ бой барабана, звуки голосовъ, и затѣмъ лишился чувствъ.

Пришелъ онъ въ себя уже въ президи на гауптвахтѣ. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ его, онъ узналъ чопорнаго коменданта, симпатичнаго Эстебана и пострадавшаго рыбака. Когда онъ открылъ глаза и хотѣлъ приподняться на локтяхъ, рыбакъ съ крикомъ благодарности бросился передъ нимъ на колѣни и, поцѣловавъ его безпомощно свѣсившуюся руку, вскричалъ:

— Онъ живъ! Слава всѣмъ святымъ! живъ нашъ герой! нашъ славный американецъ... благородный рыцарь, который спасъ меня отъ сумасшедшаго!

— Кто вы такой и откуда явились? — строго спросилъ комендантъ у Чарльстона.

Чарльстонъ не отвѣчалъ, священникъ наклонился впередъ и смотрѣлъ на него со страхомъ и съ тревогой. Въ эту минуту, въ дверяхъ послышался шумъ, и разступившаяся толпа пропустила миссъ Кинъ, въ сопровожденіи Маркгемъ. Глаза дѣвушки встрѣтились съ глазами молодого человѣка, и она, бросившись къ нему, невольно вскрикнула:

— Чарльстонъ!

— Чарльстонъ!—повторила толпа, выдвигаясь впередъ.

Комендантъ величественно поднялъ руку, какъ бы прося всѣхъ умолкнуть, и затѣмъ тихо снялъ свою шляпу. Всѣ присутствующіе тотчасъ же обнажили головы.

— Да здравствуетъ нашъ храбрый и благородный союзникъ, донъ Діего! Да здравствуетъ прелестная донна Элеонора!

Лицо священника приняло печальное выраженіе. Онъ посмотрѣлъ на Чарльстона, потомъ на миссъ Кинъ.

— Такъ вы согласны? — прошепталъ онъ.

Чарльстонъ бросилъ быстрый взглядъ на Элеонору Кинъ.

— Я согласенъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Плакальщики въ Санъ-Франциско.

Телеграфъ Золотыхъ Воротъ въ Санъ-Франциско давно уже извѣстилъ, что найти «Эксцельсіоръ» нѣтъ никакой надежды. Къ концу 1854 года, «Эксцельсіоръ» сталъ преданіемъ, а къ концу января 1855 года о немъ всѣ забыли. Если отдѣльныя личности и хранили воспоминаніе о пропавшемъ кораблѣ, то свѣтъ пересталъ имъ интересоваться.

Какими-то странными судьбами названіе погибшаго судна произносилось иногда въ уборной одной изъ звѣздъ Санъ-Францисскаго театра. Въ одно изъ представленій въ первомъ ряду театра, гдѣ подвизалась эта звѣзда, сидѣлъ молодой еще человѣкъ, тщательно одѣтый, гладко выбритый и потому не похожій на бородатыхъ калифорнцевъ. Рядомъ

съ нимъ сѣлъ господинъ немного постарше, и сосѣди очень удивились, увидавъ другъ друга. Только что пришедшій былъ на видъ немного старше перваго, и выбриты у него были только усы. Одѣтъ онъ былъ тоже очень хорошо, но съ меньшей щепетильностью.

— Сегодня я поздно кончилъ занятія въ конторѣ,—сказалъ молодой человѣкъ, сконфуженно улыбаясь,—и по дорогѣ зашелъ сюда. Погода отвратительная, не правда ли?

— Да, и дождь и вѣтеръ; мнѣ только не хотѣлось итти за извозчикомъ на площадь, поэтому я рѣшилъ дождаться здѣсь какого-нибудь экипажа, который довезетъ меня до отеля.

— Погодите немного, я поѣду съ вами, небрежно проговорилъ молодой человѣкъ.—Знаете, Бриммеръ, съ оживленіемъ прибавилъ онъ,—лучше этой Бэлы Монгомери я не встрѣчалъ женщины. Чортъ возьми, какъ очаровательна! не правда ли?

— Дѣйствительно, прелестная женщина!—серьезно отвѣчалъ Бриммеръ, взявъ бинокль у сосѣда.—Неужели, Маркгемъ, вы на всякій случай возите съ собою въ контору бинокль?

— Я забылъ его вынуть изъ кармана пальто,— сконфуженно улыбаясь, отвѣчалъ Маркгемъ.

— Забыли послѣ послѣдняго спектакля,— сказалъ Бриммеръ, поднимаясь съ мѣста.— Я ухожу и надѣюсь, что достану теперь извозчика.

— Погодите минуту. Она сейчасъ выйдетъ... вотъ и она!

Онъ замолчалъ, устремивъ глаза на сцену. Бриммеръ тоже обернулся въ эту минуту и съ неменьшимъ интересомъ смотрѣлъ на актрису. Говоръ пронесся по всей залѣ, когда царица Олимпа подошла къ рампѣ и обворожила зрителей очаровательной улыбкой.

— Знаете, Бриммеръ, это удивительная женщина,—заговорилъ Маркгемъ, когда богиня ушла со сцены.—Эти господа,— прибавилъ онъ, указывая на зрителей,—вовсе не знаютъ ея... они принимаютъ ее—чортъ знаетъ за кого... и приходятъ только смотрѣть на нее. Она высокообразованная женщина... даже писательница. Она пишетъ чертовски хорошіе стихи, но поступила на сцену по семейнымъ обстоятельствамъ... изъ-за пьяницы мужа, который билъ ее... это возмутительная исторія! Болваны калифорнцы, конечно, не знаютъ этого. Да, это замѣчательная женщина! Знаете, Бриммеръ, я просто...

Онъ замолчалъ и затѣмъ, точно рѣшившись на что-то, прибавилъ:

— Куда вы отправляетесь сегодня вечеромъ?

Бриммеръ, задумавшійся о чемъ-то, вздрогнулъ и сказалъ:

— Я?... У меня назначено свиданіе съ Киномъ. Послѣ завтра онъ уѣзжаетъ на пароходѣ.

— Что? Неужели онъ не бросилъ еще этихъ дурацкихъ поисковъ? «Эксцельсіоръ» съ ума свелъ этого человѣка.

Онъ замолчалъ, взглянувъ на холодное лицо Бриммера, и вдругъ покраснѣлъ:

— Я хочу сказать, что планы его и предположенія—мыльный пузырь...

— Я, конечно, не могу согласиться съ нимъ,—серьезно началъ Бриммеръ,—но...

— У него была мысль,—продолжалъ Маркгемъ,—обыскать кругомъ весь Калифорнскій заливъ, только на основаніи того, что какой-то портовый пароходъ видѣлъ въ прошломъ августѣ около Мазатлана судно, похожее на «Эксцельсіоръ». Точно корабль могъ не зайти въ Мазатланъ, если бы былъ около него! Дѣло, Бриммеръ, ясно, какъ день, хотя для насъ съ вами очень печально... Мы сдѣлали все, что могли, не говоря уже о потраченныхъ нами деньгахъ и о непріятныхъ разговорахъ съ молодымъ Киномъ, который вѣчно колетъ намъ глаза своей погибшей сестрой, точно у насъ души нѣтъ въ самомъ дѣлѣ!

Собесѣдники посмотрѣли другъ на друга и сочли нужнымъ опустить глаза и вздохнуть... не изъ притворства, а отъ горя.

— Я считаю долгомъ замѣтить,—дѣловымъ тономъ сказалъ Бриммеръ,—что такъ какъ страховыя деньги за «Эксцельсіоръ» уже уплачены, то потеря его стала несомнѣннымъ фактомъ, и съ этой точки зрѣнія планъ Кина гроша мѣднаго не стоитъ. Что же касается до нашихъ чувствъ, то мы не можемъ ему не симпатизировать, хотя онъ и не допускаетъ насъ раздѣлять съ нимъ затраты на поиски.

— Да, да,—поспѣшно прибавилъ Маркгемъ,—я просилъ его, при послѣднемъ разговорѣ, принять отъ меня тысячу долларовъ; но онъ и слышать не хочетъ. Я нахожу такую щепетильность излишней. Онъ, вѣроятно, пришелъ бы въ неописанный ужасъ, если бы увидалъ насъ съ вами здѣсь, хотя мы зашли совершенно случайно...

— Не думаю,—сухо сказалъ Бриммеръ,—онъ самъ знакомъ съ миссъ Монгомери. Они ѣдутъ на одномъ пароходѣ.

Маркгемъ быстро поднялъ глаза.

— Не можетъ быть! Она ѣдетъ въ другую сторону, въ Панаму; я... — онъ замялся, — мнѣ говорилъ это кто-то.

— Прощайте. Ждать тутъ извозчика—напрасный трудъ. Я иду.

PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

— Постойте!—крикнулъ Маркгемъ, очевидно чѣмъ-то недовольный.—Я вотъ что хотѣлъ сказать, Бриммеръ, — продолжалъ онъ, стараясь пріятно улыбнуться: — вѣдь вашъ разговоръ съ Киномъ не задержитъ васъ слишкомъ долго? Что вы скажете насчетъ небольшого ужина съ миссъ Монгомери... А? самаго скромнаго и благопристойнаго... у насъ въ отелѣ, съ нѣсколькими пріятелями?

Глаза и губы Бриммера слегка искривились.

— Я, кажется, уже приглашенъ,—спокойно сказалъ онъ.— Меня звалъ Кинъ именно на такой ужинъ. Странно, что онъ не упомянулъ о васъ.

— Мы условились потомъ,—съ притворной небрежностью прибавилъ Маркгемъ.—Развѣ вы съ нею знакомы?

— Немного.

— Вы мнѣ этого не говорили.

— Вы меня не спрашивали,—отвѣчалъ Бриммеръ.—Она пріѣзжала совѣтоваться со мною насчетъ южно-американскихъ дѣлъ. Кажется, этотъ флибустьерскій генералъ Леонидъ, бывшій Перкинсъ, продѣлки котораго мы немного пріостановили нашимъ перувіанскимъ контрактомъ, высадился теперь въ Квинквинамбо и учредилъ тамъ правительство. Монгомери его знаетъ и очень уважаетъ «освободителя», какъ она его зоветъ. Кажется, они даже переписываются.

— Что за удивительная женщина! не правда ли, Бриммеръ?

— Идете со мною? — спросилъ Бриммеръ, важно застегивая пальто.

— Я увижусь съ вами въ гостинницѣ. Тутъ въ партерѣ есть личность, съ которой мнѣ надо переговорить. Не ждите меня.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Бриммеръ вышелъ изъ своей комнаты въ «Восточной гостинницѣ» и пошелъ по коридору. Остановившись на минуту передъ однимъ изъ номеровъ, онъ быстро посмотрѣлъ направо и налѣво, и затѣмъ постучалъ въ дверь. Дверь сейчасъ же отворилась.

Въ гостиной полулежала на кушеткѣ та самая женщина, которую Бриммеръ только что видѣлъ на сценѣ. Томно поднявъ глаза отъ книги, она сдѣлала гостю знакъ подойти. Это была женщина еще молодая и очень красивая, хотя безпорядочный образъ жизни, очевидно, повліялъ на нее и заставилъ уже прибѣгнуть къ косметическимъ средствамъ.

— Я до такой степени нервна,—сказала она, протягивая замѣчательной красоты руку, — что послѣ каждаго спектакля совершенно никуда не гожусь. Я уношусь, какъ видите, къ своей первой молодости, къ поэзіи... Не стану скрывать отъ васъ, что зачастую у меня недостаетъ силъ играть, и я прочи-

тываю что-нибудь изъ своихъ любимыхъ авторовъ, чтобы возбудить въ себѣ энергію.

Бриммера вовсе не поразила пропасть, отдѣляющая поэзію Байрона отъ грубыхъ фарсовъ, въ которыхъ появлялась миссъ Монгомери, но зато его сильно смутила красота протянутой руки. Ему не пришло въ голову, что энергію она подогрѣвала въ себѣ шампанскимъ съ коньякомъ, и, тронутый томнымъ выраженіемъ ея лица, онъ сказалъ, что не замѣтилъ въ ея сегодняшней игрѣ никакого утомленія.

— Такъ вы были на спектаклѣ?—вскричала она, съ печальной благодарностью глядя на него.—Вы бросили ваши дѣла и общественныя обязанности, чтобы взглянуть на игру бѣдной комедіантки?

— Да, я былъ съ однимъ изъ вашихъ знакомыхъ,—отвѣчалъ Бриммеръ; — онъ звалъ меня на ужинъ, хотя Кинъ уже пригласилъ меня.

— Ахъ, я совсѣмъ забыла, небрежно выговорила Монгомери. — Вѣдь вы ничего не имѣете противъ нихъ?.. Знаете, я, по своему положенію, должна быть хороша со всѣми, и не всегда могу дѣлать то, что хочу,—съ грустью прибавила она.— Бѣдный Маркгемъ! свѣтъ не цѣнитъ его доброй, впечатлительной души. Я глубоко сочувствую ему; мы оба съ нимъ испытали большія потери. Господи!—вскричала она, точно испугавшись, — что я надѣлала! Простите мнѣ мою безтактность, дорогой другъ. Я совсѣмъ забыла, несчастная, что и *вы* тоже...

Она схватила обѣими руками его руку и поникла надъ нею головой, какъ будто была не въ силахъ произнести слова отъ волненія. Бриммеръ окончательно растаялъ.

— Какъ же я глупа,—продолжала миссъ Монгомери.— Можно ли было говорить о дѣтскихъ печаляхъ Маркгема и забыть о горѣ человѣка, только по наружности спокойнаго и холоднаго? Да,—продолжала она, нѣжно глядя на Бриммера, — мнѣ слѣдовало бы знать, что и подо льдомъ можетъ скрываться вулканъ. Вы дали мнѣ урокъ.

Отнявъ поспѣшно руку и прижавъ ее къ сердцу, она снова откинулась на спинку кушетки.

— Такъ вы до сихъ поръ не сочувствуете экспедиціи Кина?—томно спросила она.

— Я думаю: все, что надо было, уже сдѣлано,—нѣсколько рѣзко сказалъ Бриммеръ. — Всевозможныя справки наведены. Но Кину я завидую, потому что онъ будетъ имѣть возможность ѣхать съ вами, — любезно прибавилъ онъ.

— Кинъ отыскиваетъ сестру,—сказала актриса,—и увѣренность въ ея гибели можетъ только огорчить его, но не дастъ

ему ненужной свободы, такъ какъ онъ и безъ того свободенъ. Вѣдь онъ ищетъ сестру, а не жену.

Бриммеръ немного нахмурился. Онъ откинулся на спинку кресла и устремилъ на актрису пристальный взглядъ. Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ этого, и задумчиво глядѣла на коверъ.

— Вы умѣете хранить тайну?—съ внезапной рѣшимостью спросила она.

— Умѣю.

— Вы знаете, я замужемъ. Вы слыхали уже о моемъ несчастіи?

— Слыхалъ,— сухо отвѣчалъ Бриммеръ.

— Мой мужъ, такъ жестоко обращавшійся со мною и потомъ бросившій меня, насколько мнѣ извѣстно, былъ въ числѣ пассажировъ «Эксцельсіора».

— Макъ-Коркль... нѣтъ! Въ спискѣ не было такой фамиліи.

— Макъ-Коркль!—рѣзкимъ голосомъ и сверкнувъ глазами повторила Монгомери.—Да что вы? Никакого Макъ-Коркля и не было никогда; это псевдонимъ, подъ которымъ я писала. Фамилія моего мужа—Чарльстонъ.

— Въ спискѣ пассажировъ не было и Чарльстона. Я зналъ всѣхъ, ѣхавшихъ на «Эксцельсіорѣ».

— Вы знали всѣхъ, ѣхавшихъ изъ Штатовъ, а онъ сѣлъ въ Кальяо. Я знаю, что онъ сѣлъ на «Эксцельсіоръ».

Выраженіе лица Бриммера измѣнилось.

— И вы желаете его найти?

— Нѣтъ,—съ театральнымъ жестомъ отвѣтила она.—Но я хочу знать истину, хочу знать: связана ли я еще съ этимъ человѣкомъ, или свободно могу слѣдовать влеченію сердца... могу ли я снова начать жизнь и сдѣлаться — я не стыжусь этого — честной женой честнаго человѣка.

— Разводъ точно такъ же могъ бы освободить васъ, холодно сказалъ Бриммеръ.— Разводъ получить нетрудно.

— Разводъ! Да знаете ли, что это значитъ для женщины въ моемъ положеніи? Это позоръ... это клеймо, которое даетъ поводъ каждому негодяю преслѣдовать меня своими ухаживаніями.

Голосъ ея дрожалъ отъ волненія, глаза наполнились слезами.

— Вы знаете теперь мою тайну, — продолжала она, — знаете, чего я хочу, почему сочувствую,—она остановилась и презрительно махнула рукой, — этому Маркгему и Кину? Они этого не знаютъ. — Она замолчала и взглянула на часы.—

Черезъ пять минутъ они будутъ здѣсь; хотите, чтобы они застали васъ у меня?

— Какъ вамъ будетъ угодно,—прошепталъ Бриммеръ, теряясь отъ волненія.

— У меня нѣтъ своей воли,—сказала она, восхитительно улыбаясь. — Если вы остаетесь, то можете занять ихъ, пока Розина одѣнетъ меня. Мы будемъ ужинать въ большой залѣ по ту сторону коридора.

Послѣ ея ухода Бриммеръ съ лихорадочной поспѣшностью направился къ двери. Ему вовсе не хотѣлось афишировать свое знакомство съ женщиной, пользовавшейся—справедливо или несправедливо—дурной славой. И вдругъ теперь его, Бриммера, могутъ застать въ ея гостиной; онъ принимаетъ ея гостей! И добро бы онъ былъ въ нее безумно влюбленъ! Даже Маркгемъ не рѣшился бы такъ компрометировать себя. Въ эту минуту въ дверь постучали, и самодовольное лицо Маркгема вытянулось отъ изумленія при видѣ Бриммера, который тотчасъ же принялъ холодный и насмѣшливый видъ.

— А я... я и не зналъ, что вы здѣсь,—пробормоталъ Маркгемъ. — Я оставилъ Кина у васъ въ комнатѣ.

— Зачѣмъ же вы не привели его съ собой? Отправляйтесь за нимъ.

— Онъ сказалъ мнѣ, что вы уговорились встрѣтиться съ нимъ у себя,—продолжалъ Маркгемъ, окидывая глазами пустую комнату.

— Мои часы спѣшатъ на двадцать минутъ, и я потерялъ надежду на его приходъ,—смѣло сказалъ Бриммеръ.—Миссъ Монгомери одѣвается. Вы успѣете до ея прихода сходить за нимъ.

Маркгемъ съ недовольнымъ видомъ побѣжалъ по коридору и очень скоро вернулся съ красивымъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати пяти, лицо котораго дышало юношеской энергіей.

— Говорили ли вы Бриммеру?—съ жаромъ вскричалъ онъ.

— Еще не успѣлъ,—отвѣчалъ Маркгемъ.—Знаете, Бриммеръ, я, можетъ-быть, отправлюсь въ экспедицію съ Киномъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Дѣло въ томъ, что мы получили хорошія извѣстія. Разскажи ему, Дикъ.

— Вчера пришелъ изъ Вальпарайзо корабль «Грозовая Туча», и я, конечно, по обыкновенію, отправился посмотрѣть на него, сказалъ Кинъ. — Капитанъ разсказываетъ о какомъ-то сумасшедшемъ, найденномъ въ маленькой рыбацкой лодкѣ

и привезенномъ въ прошломъ августѣ въ Санъ-Хуанскій госпиталь. Теперь онъ уже настолько поправился, что могъ разсказать свою исторію. Онъ говоритъ, что онъ капитанъ «Эксцельсіора», экипажъ котораго взбунтовался и высадилъ его на берегъ во время тумана. Объ этомъ дѣлѣ дано знать консулу.

— Какая странная исторія,—замѣтилъ Бриммеръ, глядя то на одного, то на другаго собесѣдника.—Если это правда,— тихо прибавилъ онъ, — то и я поѣду съ вами.

Ричардъ Кинъ порывисто протянулъ руку Бриммеру и Маркгему.

— Знаете что,—вскричалъ онъ,—я такъ и думалъ, что вы поѣдете. Конечно, я нашелъ бы свою Нелли безъ вашей помощи, но мнѣ было какъ-то неловко хлопотать о сестрѣ больше, чѣмъ хлопотали мужья о своихъ женахъ! А теперь, когда дѣло рѣшено...

— Мы отправимся ужинать, — драматично прибавила появившаяся въ дверяхъ миссъ Монгомери.

II.

Плакальщики въ Тодосъ-Сантосѣ.

Утренній воздухъ Тодосъ-Сантоса дышалъ весною, ароматной и чудной; онъ проникъ даже за туманную завѣсу залива и пахнулъ на палубу проходившаго парохода. Это былъ пароходъ «Ометепъ», шедшій изъ Санъ-Франциско, съ четырьмя пассажирами, отыскивавшими «Эксцельсіоръ».

Въ заливѣ и надъ поселкомъ царило вѣчное лѣто; поля, засѣянныя хлѣбомъ, волновались, какъ зеленое море.

Природа не измѣнилась за эти нѣсколько мѣсяцевъ, но въ городѣ замѣчалось странное оживленіе. На берегу, около президіи, виднѣлся остовъ грубо сколоченнаго судна; на площади возвышалось высокое, новое деревянное зданіе; около пристани стояла недодѣланная печь, очевидно предназначавшаяся для фабрики. Костюмы жителей поселка тоже значительно измѣнились; на улицахъ виднѣлись зонтики; небольшія фуражки смѣнили широкополыя шляпы, а бѣлыя панталоны и полотняныя жакетки побѣдоносно боролись съ бархатными куртками и широкими національными штанами.

Въ Санъ-Антоніо перемѣна была еще замѣтнѣе. Подлѣ открытой пасти заброшенныхъ серебряныхъ рудниковъ возвышалось странное зданіе съ грубыми орудіями внутри и съ ярко выкрашенной вывѣской слѣдующаго содержанія: «Экс-

цельсіорская серебряно-промысловая компанія. Управляющій Кросби». Посреди же разрытой земли стоялъ крошечный домикъ, въ родѣ караулки, съ надписью: «Контора Элеонориньской ртутной плавильни».

Въ это жаркое лѣтнее утро Бресъ сидѣлъ на землѣ, прислонившись спиною къ стѣнѣ конторы, и крутилъ папироску. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Кросби лежалъ, растянувшись на землѣ, и пускалъ вверхъ дымъ колечками.

Оба молодые джентльмена были одѣты въ необыкновенные мексиканскіе костюмы. Серебряныя пуговицы громадныхъ размѣровъ украшали панталоны Кросби, разрѣзанныя отъ колѣнъ донизу, гдѣ виднѣлось чистое бѣлье; а у Бреса, кромѣ краснаго галстука, повязаннаго на шеѣ, другимъ краснымъ платкомъ была обвязана голова подъ шляпой.

— Непріятный табакъ,—сказалъ Бресъ. — Надо будетъ взять другого.

— Ну, а каковъ урожай у Белекса? Вѣдь онъ хотѣлъ произвести въ этомъ дѣлѣ переворотъ и посѣять что-то необыкновенное на нашемъ холмѣ.

— Его преслѣдуетъ неудача. Онъ не могъ достать порядочныхъ рабочихъ, а индѣйцы не умѣютъ работать какъ люди. Надо будетъ попробовать взять кого-нибудь изъ комендантовыхъ солдатъ; только старикъ лишилъ меня своего расположенія, съ тѣхъ поръ какъ мы съ Винслоу разбили о скалы рыбацкую лодку. Онъ воображаетъ, что мы, подобно капитану Бенкеру, хотѣли бѣжать. Я думаю, что онъ, вслѣдствіе именно этого, остановилъ постройку нашего судна.

— Все равно намъ слѣдовало достроить его. Мы могли работать по ночамъ, безъ его вѣдома, и спустить судно въ какое-нибудь туманное утро...

— И никто изъ нашихъ дамъ не поѣхалъ бы съ нами! Мы остались безъ судна, а дамы наши успокоились и пустили здѣсь корни. Во всемъ виновато вліяніе этой гадины Чарльстона! Онъ настроилъ противъ васъ коменданта. Какъ вамъ извѣстно, онъ, священникъ, комендантъ и Нелли Кинъ составляютъ, въ сущности, совѣтъ Тодосъ-Сантоса. Они совершенно оттерли бѣднаго алькада, вертятъ здѣсь всѣмъ и приписываютъ себѣ заслугу, что позволили намъ тратить свои деньги, разрабатывая эти рудники. Кто бы подумалъ, что этотъ Чарльстонъ такъ ловко поведетъ игру? Мнѣ просто противно слушать, какъ его зовутъ «домомъ Діего».

— Однако вамъ очень пріятно, когда черноглазая сестра алькада зоветъ васъ «домомъ Карлосомъ», зѣвая, возразилъ Кросби.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

— Донна Изабелла—особа съ положеніемъ и, называя меня такъ, выказываетъ этимъ только свою вѣжливость.

— Она боготворитъ миссъ Кинъ, и я увѣренъ, что теперь ей уже извѣстно, какъ вы когда-то за нею ухаживали,—лукаво пошутилъ Кросби.

— Мое вниманіе къ миссъ Кинъ ничѣмъ не отличалось отъ вниманія простаго знакомаго и далеко не походило на ваше вниманіе къ миссисъ Бриммеръ.

— Которая отвернулась отъ меня, такъ же какъ отъ васъ отвернулась миссъ Кинъ,—отвѣчалъ Кросби.

Краска бросилась въ лицо Бреса, и онъ собирался уже сказать какую-то рѣзкость, какъ вдругъ услыхалъ бряцаніе шпоръ. Оба собесѣдника живо обернулись и увидали подходившаго Банкса. Онъ былъ одѣтъ довольно странно: при громадныхъ шпорахъ и шляпѣ съ необъятными полями, онъ не бросилъ привычки носить накрахмаленные воротнички и туго затянутый галстукъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ, подойдя къ нимъ.

— А что?—переспросили Бресъ и Кросби.

Поздоровавшись, наши три американца стали молча смотрѣть другъ на друга.

— Окончили посѣвъ?—спросилъ Кросби, снова скручивая папироску.

— Сегодня у здѣшнихъ какой-то праздникъ,—сказалъ Банксъ.—Четвертый въ двѣ недѣли. Собственно у нихъ два рабочихъ дня въ недѣлю, и такъ всегда. А живутъ. Знаете, сэръ, по моему, католическая религія не годится для современной цивилизаціи, основанной на промышленности; или надо передѣлать весь календарь и вычеркнуть добрую порцію праздниковъ, да кромѣ того они празднуютъ еще какія-то идеи. Чистое разоренье! Остается одно,—продолжалъ Банксъ серьезно,—проложить путь черезъ пустыню и завести сношенія съ другими племенами. Я хочу сдѣлать предложеніе совѣту, что берусь пятьсотъ человѣкъ индѣйцевъ черезъ годъ обратить въ католичество. Нужно только заручиться согласіемъ Чарльстона и падре, его друга; тогда я добьюсь билля. Но я все откладываю это дѣло. Заразился лѣнью отъ здѣшнихъ. Ну, а вы что подѣлываете?

— Ждемъ вашего корабля,—саркастически отвѣтилъ Кросби.

— Да, вамъ хорошо смѣяться, милостивые государи! А мнѣ-то каково? Но вамъ не придется долго ждать. По моимъ расчетамъ, мексиканскій корабль долженъ скоро прибыть. Не потому, чтобы мексиканское правительство отправило его въ интересахъ управленія страною, или съ коммерческою цѣлью.

Нѣтъ, онъ долженъ прибыть въ интересахъ католической церкви.

Бресъ и Кросби лѣниво посмотрѣли на него. Банксъ съ серьезной миной продолжалъ:

— Я навелъ надлежащія справки, по коимъ оказалось, что запасъ четокъ, ладана, восковыхъ свѣчей и другихъ церковныхъ принадлежностей приходитъ къ концу. Я узналъ, что какъ разъ теперь ожидается присылка свѣжаго товара отъ епископа Гвадалахары вмѣстѣ съ инструкціею. Поэтому, милостивые государи, я категорически утверждаю, что лишь церкви одной извѣстенъ тайный путь по туманному заливу, и эту тайну она свято хранитъ. Я смотрю на это дѣло съ чисто-коммерческой точки зрѣнія; это вопросъ предложенія и спроса. Да, милостивые государи, единственная настоящая торговая фирма въ Тодосъ-Сантосѣ—это падре Эстебанъ.

— А вы, кажется, забываете о Бриммерѣ, Маркгемѣ и Кинѣ,—сказалъ Бресъ.—Неужели вы думаете, что они ничего не предприняли.

— Я этого не говорю. Но между предпріятіемъ и достиженіемъ цѣли—громадная разница. У нихъ нѣтъ чутья и никогда имъ не найти этого поселенія. Они могутъ руководствоваться только слѣпымъ расчетомъ. Вникните въ дѣло поглубже. Стоило только этому флибустьеру, похитившему «Эксцельсіоръ», перемѣнить названіе корабля, выкинуть другой флагъ и распустить о кораблѣ ложный слухъ—и вотъ вамъ корабль исчезъ навѣки. Никто о немъ ничего не будетъ знать, пока онъ не прибудетъ въ Квиквинамбо. Затѣмъ, положимъ даже, что его найдутъ, и вся исторія разгласится, хотя это предположеніе крайне неправдоподобно,—ну, такъ что же? Объ этомъ, конечно, узнаютъ въ Санъ-Франциско и начнутся поиски. Единственный человѣкъ, который могъ бы указать, гдѣ мы находимся и какъ къ намъ подобраться—это капитанъ Бенкеръ, и если только онъ не погибъ, если его принялъ какой-нибудь случайно проходившій корабль, вотъ тогда нѣтъ сомнѣнія, что наши друзья въ Санъ-Франциско разыщутъ насъ, но опять при условіи, что капитанъ Бенкеръ снова пришелъ въ нормальное состояніе. Я былъ бы очень радъ этому, если бы не мои плантаціи и нашъ рудникъ. Но, повторяю, ближайшимъ образомъ мы должны разсчитывать только на церковь.

Онъ умолкъ. Кросби уснулъ. Бресъ лѣниво поднялся съ мѣста и заперъ на замокъ дверь конторы.

— Въ городъ собираетесь?—спросилъ Банксъ, зѣвая.

— Я вотъ соображаю,—отвѣтилъ въ раздумьи Бресъ.—мнѣ бы нужно въ городъ, да лошадь моя больна.

— Возьмите мою, а мы съ Кросби пѣшечкомъ добредемъ. Вы найдете ее подъ этимъ громаднымъ «мадронно», если только она не поранила себя, гуляя вокругъ. Эти мексиканскія лошади не могутъ стоять на мѣстѣ даже когда пасутся, онѣ все ходятъ кругомъ. Она немножко горяча, будьте осторожны съ нею.

— Прекрасно! Я отправлюсь въ городъ послѣ сіесты.

— Охъ, ужъ эти «сіесты»!—вздохнулъ Банксъ, ложась на мѣсто, освобожденное Бресомъ.—Это тоже вотъ недурной обычай: проводить каждый день два часа (а вѣдь это значитъ цѣлый день въ недѣлю) въ гамакѣ, и притомъ какъ разъ въ рабочую пору. Просто безсовѣстно!

Онъ повернулся и закрылъ глаза, словно не желая видѣть того, что, по его мнѣнію, такъ безсовѣстно.

Бресъ безъ особыхъ затрудненій нашелъ лошадь Банкса, но взобраться на нее ему стоило нѣкоторыхъ усилій. Но, усвоивъ очень скоро, подобно всѣмъ своимъ сотоварищамъ, нравы и обычаи страны, онъ сталъ въ послѣднее время очень искуснымъ наѣздникомъ, такъ что упрямица, послѣ нѣсколькихъ брыканій и скачковъ, вполнѣ подчинилась ему. Молодой человѣкъ поскакалъ крупной рысью по направленію къ президіи; но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней, онъ замедлялъ ходъ. По привѣтливымъ улыбкамъ и ласковымъ поклонамъ проѣзжихъ, попадавшихся ему навстрѣчу, можно было прямо сказать, что красивый чужеземецъ въ національно-мексиканскомъ костюмѣ былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ и всѣмъ очень нравился. Доскакавъ до угла холмистой улицы, онъ, чтобы еще болѣе поддѣлаться подъ мѣстные обычаи, пустилъ лошадь во всю прыть и потомъ сразу осадилъ у входа въ одинъ изъ домовъ, утопавшихъ въ зелени, какъ дѣлаютъ настоящіе мексиканскіе «вакеросы». Шумное появленіе всадника разбудило человѣка, исполнявшаго роль привратника, который вѣжливо поклонился ему и провелъ въ одинъ изъ внутреннихъ покоевъ, выходившій окнами въ поросшій густою травою дворъ. За простымъ столомъ посреди комнаты съ трубкою въ зубахъ сидѣли Винслоу и два мѣстныхъ торговца—Рюицъ и Мартинецъ. Они, очевидно, принадлежали къ числу тѣхъ обывателей президіи, которые усвоили американскія моды. Сеніоръ Рюицъ былъ одѣтъ въ полотняный жакетъ вмѣсто бархатной куртки съ позументами, а сеніоръ Мартинецъ носилъ американскую бороду безъ усовъ въ подражаніе мистеру Банксу. Воздухъ комнаты былъ пропитанъ табачнымъ дымомъ, сквозь который большіе глаза Винслоу смотрѣли очень пасмурно.

— Вотъ это,—сказалъ онъ обращаясь къ своему соотечественнику и указывая на подражателя Банксу,—человѣкъ,

выдающійся по своимъ воззрѣніямъ, и сила въ Тодосъ-Сантосѣ. Онъ знакомъ съ американскимъ политическимъ строемъ и хочетъ ввести здѣсь выборное право.

Винслоу совершенно бѣгло и даже изящно говорилъ по-испански.

Сеніоръ Мартинецъ поспѣшилъ сообщить мистеру Бресу, что онъ уже давно, хотя и втайнѣ, благоговѣетъ предъ той великой націей, благородными представителями которой являются Бресъ и Винслоу; уваженіе это является въ немъ до нѣкоторой степени наслѣдственнымъ, такъ какъ еще дѣдъ его былъ другомъ американца, капитана Коффина.

— Относительно Мартинеца совершенно нечего сомнѣваться,—конфиденціально замѣтилъ Винслоу по-англійски.— Это дѣлецъ и его девизомъ служитъ слово: «впередъ». Не думайте, что это мексиканское изданіе нашего Банкса, ничего подобнаго. А вотъ это Рюицъ, онъ торгуетъ лошадьми и скотомъ; онъ могъ бы отлично сойтись съ Банксомъ, если бы въ послѣднемъ было чуточку поменьше этого дьявольскаго самомнѣнія. Но вѣдь и Рюицъ тоже свое дѣло хорошо знаетъ. Онъ немножко маракуетъ по-англійски. Добрый изъ него выйдетъ американецъ, по-моему.

Сеніоръ Рюицъ улыбнулся въ знакъ того, что онъ понимаетъ, и затѣмъ съ разстановкой произнесъ:

— Я познакомился съ американцемъ двадцать четыре года тому назадъ. Американецъ покупалъ у меня шкуры и рогъ для корабля, здѣсь...

— Здѣсь?—спросилъ Бресъ.—А я думалъ, что сюда не заглядывалъ ни одинъ американскій и никакой другой корабль въ теченіе пятидесяти лѣтъ.

Рюицъ пожалъ плечами, взглянулъ на Мартинеца, понизилъ голосъ и въ то же время поднялъ брови, скрестилъ свои смуглыя руки и произнесъ:

— Корабль и теперь... въ двухъ миляхъ отъ берега.

Винслоу вскочилъ на ноги и уставился на Бреса

— Вы слышали объ этомъ? — спросилъ онъ его. — Вотъ видите теперь, что комендантъ, алькадъ и священникъ врали намъ чепуху, утверждая, что этого мѣста не посѣщалъ ни одинъ корабль въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Рюицъ говоритъ правду— за это я головой ручаюсь. У всѣхъ гвоздемъ засѣло въ головѣ, что Тодосъ-Сантосъ спящее царство и что здѣсь ничего не знаютъ о политическихъ событіяхъ послѣдняго полустолѣтія. А комендантъ поддерживаетъ это убѣжденіе,— старая лисица! Вотъ вамъ —фактъ на лицо. Спросите Рюица, спросите Мартинеца, они оба скажутъ вамъ, что Мексика стала неза-

Не пропускайте книг при чтении.

висимой въ 1826 году, а совѣтъ скрываетъ это отъ населенія. Имъ даже извѣстно—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—что полномочіе коменданта, подписанное вице-королемъ Мексики, не стоитъ даже той бумаги, на которой оно написано.

— А какъ же церковь?—спросилъ Бресъ, припоминая слышанное отъ Банкса.

— Нѣтъ, сеніоръ, я, знаете ли, не люблю духовенства! Я прочелъ книгу американца Тумпано.

— Это еще кто такой?—спросилъ Бресъ.

— Онъ хочетъ сказать Томъ Пенъ; онъ читалъ его сочиненіе «Вѣкъ разума»,—пояснилъ Винслоу, съ благосклонной и покровительственной улыбкой глядя на радикала изъ Тодосъ-Сантоса.—О, онъ не глупъ, этотъ Мартинецъ, да и Рюицъ также! Да, въ то время какъ вы любезничали съ донной Изабеллой, какъ Банксъ пытался провести падре Эстебана, а Кросби качался въ гамакѣ цѣлыми днями,—я нашелъ этихъ людей; и еще найдутся такіе, если поискать. Не правда ли, Рюицъ?

Рюицъ таинственно посмотрѣлъ на Бреса и, словно боясь говорить въ его присутствіи, раскрылъ свои десять пальцевъ и три раза провелъ руками по воздуху.

— Неужто столько? Богъ и свобода!

— Богъ и свобода!—повторили присутствующіе маленькимъ хоромъ, къ которому присоединилось нѣсколько зѣвакъ, незамѣтно вошедшихъ.

Бресу это не понравилось. Въ немъ не было недостатка юношеской отваги, но его пугало только то, что это дѣло отнюдь не вязалось съ тѣми намѣреніями, которыя онъ имѣлъ относительно донны Изабеллы. Онъ отвелъ Винслоу въ сторону.

— Послушайте, вѣдь это по-нашему называется составить заговоръ,—сказалъ онъ ему шопотомъ,—но вы забываете, что мы связаны честнымъ словомъ.

— Мы дали слово нынѣшнему управленію президіи. А если его больше не существуетъ, то какимъ же словомъ мы будемъ связаны?

— Да, если... если только эти ребята согласятся выждать...

— Мы можемъ получить помощь извнѣ, понимаете? Первый же американскій корабль, который пристанетъ сюда...

Бресъ почувствовалъ облегченіе. Что касается черноокой сестры алькада, то его отношенія къ ней не могутъ измѣниться и скомпрометировать его; наоборотъ, онъ до нѣкоторой степени можетъ оказаться ея покровителемъ.

Время сіесты еще не прошло; улицы были совершенно пусты; потому-то политиканы Тадосъ-Сантоса и выбрали этотъ часъ для своихъ таинственныхъ совѣщаній. На углу площади

Бресъ спѣшился, привязалъ лошадь къ столбу, изъѣденному и исцарапанному цѣлыми поколѣніями червей, и свернулъ въ узкій переулокъ, по которому тянулась стѣна алькадова сада. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился передъ небольшою брешью и осмотрѣлся по сторонамъ. Во всей тѣнистой длинной перспективѣ переулка не видно было ни одной души. Легкимъ прыжкомъ онъ вскочилъ на стѣну и тотчасъ же исчезъ по ту сторону.

III.

Международныя любезности.

Садъ, повидимому, былъ такъ же пустъ, какъ переулокъ и площадь кругомъ. Но пустота и безмолвіе его вдругъ были нарушены самымъ страннымъ образомъ. Вѣерообразная пальма около ограды начала качаться изъ стороны въ сторону, махая, точно руками, своими листьями, и почти въ ту же самую минуту закачалась бѣлая занавѣска на балконѣ алькада. Послѣ этого опять наступила тишина, и садъ точно замеръ. Безмолвіе было нарушено появленіемъ Бреса подъ балкономъ, а на балконѣ — смуглой головки, украшенной цвѣткомъ и черной вуалью: это была донна Изабелла.

— Безумный мальчикъ!

— Сеніорина!

— Тише! Я спущусь внизъ.

— Вы! А донна Урсула?

— Донны Урсулы больше нѣтъ

— А гдѣ же ваша дуэнья?

— У насъ нѣтъ больше дуэньи.

— Что?

— Молчите, глупый мальчикъ!

Черная головка съ розой исчезла. Бресъ подошелъ къ стѣнѣ и сталъ ждать. Время тянулось безконечно. Вглядываясь съ нетерпѣніемъ въ кусты, онъ, наконецъ, увидалъ дѣвушку, тихо пробиравшуюся между розъ, которыя она срывала. Въ одинъ мигъ онъ былъ уже около нея...

— Не помочь ли мнѣ вамъ? — Гдѣ же ваша дуэнья? И почему на мою долю выпало счастье видѣть васъ съ глазу на глазъ?

Донна Изабелла подняла на Бреса свои черные глаза.

— Неужели вы не понимаете? Развѣ у американцевъ такъ не дѣлается? Развѣ неправда, что у васъ дома нѣтъ дуэній?

— Конечно, нѣтъ. Но кто же измѣнилъ обычай здѣсь?

— Развѣ неправда, что у васъ дома каждая замужняя женщина можетъ служить дуэньей молодой дѣвушкѣ? — не отвѣчая, продолжала Изабелла, — что молодой человѣкъ и дѣвушка могутъ видѣться на галлереѣ, а не только подъ балкономъ? Что они могутъ говорить языкомъ, а не только вѣеромъ?

— Правда, — отвѣчалъ Бресъ.

— Ну, вотъ братъ мой устроилъ все такъ же и здѣсь. Онъ не пропускалъ мимо ушей того, что говорила донна Барбара Бриммеръ объ обычаяхъ своей родины. Онъ желаетъ, чтобы вы открыто являлись на галлерею, а не въ садъ, и чтобы мы видѣлись при доннѣ Барбарѣ. Это, кажется, васъ не радуетъ?

Дѣйствительно, это его не радовало. Мысль ухаживать за дѣвушкой на опытныхъ глазахъ миссисъ Бриммеръ, а не на скромныхъ глазахъ дуэньи Урсулы, вовсе не улыбалась Бресу. Онъ, однако, отвѣтилъ:

— Я радъ, конечно. Пойдемте же на галлерею, по обычаю моей родины... но

— Но? — вопросительно повторила Изабелла.

— Но только послѣ того, какъ погуляемъ по саду, по обычаямъ вашей родины. Согласны?

— Еще бы! Это выйдетъ то, что комендантъ называетъ «международной» любезностью, серьезно прибавила она.

Молодой человѣкъ обнялъ за талію прелестную дипломатку, и они пошли гулять подъ померанцевыми деревьями.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Бресъ, — миссисъ Бриммеръ намѣрена измѣнить всѣ ваши обычаи?

— Что же дѣлать! Вѣдь братъ влюбленъ въ нее.

— Какъ?—вскричалъ Бресъ, останавливаясь,—развѣ онъ не знаетъ, что она замужняя женщина и что мужъ ея живъ?

Изабелла съ дѣтскимъ удивленіемъ подняла глаза.

— Вы все свое, глупый американскій мальчикъ. Господи, помилуй! Братъ мой — человѣкъ скромный. Онъ вѣдь не такой сумасшедшій, какъ вы. Да за такой простушкой, какъ я, онъ и не сталъ бы ухаживать.

Отвѣтъ, который далъ на это Бресъ, заставилъ Изабеллу ударить его.

— Скажите мнѣ,—вдругъ вскричала она,—развѣ у васъ въ Америкѣ нѣтъ такого обычая?

— Какого? за который вы меня ударили?

— Глупый! обычая — ухаживать за замужней женщиной?

— Открыто? Нѣтъ.

— Это очень дурно, — задумчиво проговорила донна, шар-

кая маленькой ножкой по песку, — значитъ, дѣвушки видятся открыто, а замужнія дамы подъ балконами?

— Да.

— Прощайте!

Она быстро побѣжала къ маленькой калиткѣ въ стѣнѣ, повернулась и,ославъ Бресу вѣеромъ воздушный поцѣлуй, исчезла. Онъ съ минуту постоялъ въ нерѣшимости, потомъ быстро подошелъ къ стѣнѣ, перепрыгнувъ въ переулокъ и направился къ подъѣзду, изъ котораго прошелъ въ галлерею. Время послѣобѣденной сіесты уже миновало, но миссъ Чебъ, алькадъ и Бриммеръ все еще лежали на диванахъ и въ гамакахъ. Человѣку незнакомому было бы трудно съ перваго взгляда узнать, къ какой національности принадлежали дамы. Миссисъ Бриммеръ и другъ ея миссъ Чебъ дошли до крайнихъ предѣловъ дезабилье испанскаго костюма. Конечно, костюмъ этотъ, сначала ужасавшій американокъ, былъ къ лицу и той и другой.

— Какъ пріятно видѣть васъ, Бресъ,—томно проговорила Бриммеръ, сквозь вѣеръ глядя на молодого человѣка, — я говорила дону Рамону, что донна Урсула, пожалуй, совсѣмъ спугнула васъ. Я ему высказывала, что вы, по своимъ американскимъ воззрѣніямъ, могли невѣрно истолковать строгость дуэньи, продолжала она, — а я съ удовольствіемъ принимаю подъ свое покровительство молодыхъ дѣвушекъ. Ну, какъ поживаютъ милѣйшій Банксъ и Кросби? Я ихъ нынче такъ рѣдко вижу. Надо думать, что въ дѣлахъ есть какая-нибудь особенная привлекательность.

Донъ Рамонъ не допускалъ такого святотатства. Развѣ въ ея присутствіи можно было думать о дѣлахъ?

— Вы не можете допустить этого, донъ Рамонъ, — грустно улыбаясь,— сказала миссисъ Бриммеръ,— но я думаю, что относительно американцевъ—это горькая истина. Они слишкомъ увлекаются дѣлами.

— Врядъ ли можно примѣнить это къ вашему мужу. Онъ былъ не только счастливый спекулянтъ, но ему посчастливилось и въ отношеніяхъ къ прекрасному полу, или, по крайней мѣрѣ, къ одной изъ лучшихъ представительницъ этого пола, — возразилъ Бресъ, лукаво посматривая на дона Рамона.

Миссисъ Бриммеръ точно не замѣтила намека.

— Къ счастью, я могу сказать, что Бриммеръ не дѣлецъ. Онъ вступилъ въ нѣкоторыя спекуляціи съ цѣлью болѣе или менѣе политическою и сумѣлъ внести въ нихъ свой спекулятивный геній. Кромѣ того, я считаю долгомъ просить васъ

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY

не говорить о немъ въ прошедшемъ времени. Это преждевременно и неделикатно.

Она завернулась въ кружевную мантилью съ такимъ презрительнымъ движеніемъ, которое смутило Бреса и совсѣмъ вскружило голову дону Рамону. Но, не въ примѣръ другимъ женщинамъ, побѣда не отуманила ея. Она посмотрѣла сначала на Бреса, а потомъ томно обратилась къ Изабеллѣ:

— Бресу, несомнѣнно, хочется выпить чего-нибудь послѣ верховой ѣзды. Почему бы вамъ не провести его подъ тѣнь вашего сада, гдѣ онъ могъ бы набрать самъ травъ для ужасной настойки, которую такъ любятъ американцы. Миссъ Чебъ и ваша сестра останутся со мною, чтобы принять секретаря коменданта и доктора, когда они придутъ.

— Да она совсѣмъ на моей сторонѣ, — прошепталъ Бресъ Изабеллѣ, когда они вышли изъ галлереи. — Я сдаюсь. Я не понимаю и боюсь ея.

— Надо думать, что вы лучше бы поняли донну Леонору... зашу милую миссъ Кинъ. Ахъ, молчите, глупый. Ваша донна Барбара такой же попугай, какъ и ваша милость. Ей хочется устроить, чтобы секретарь коменданта, Мануэль, женился на миссъ Чебъ, а нашъ докторъ на моей сестрѣ. Но она не знаетъ, что этотъ Мануэль, — слушайте хорошенько и ломайте себѣ руки, — что этотъ Мануэль влюбленъ въ прелестную Леонору, а Леонора любитъ не его, а дона Діего, и что моя сестра терпѣть не можетъ карапузика доктора. Ну, идемте!

Прибытіе секретаря коменданта и доктора подало поводъ миссисъ Бриммеръ отправить въ садъ еще двѣ пары. Вслѣдствіе такого распредѣленія она оставалась съ домомъ на галлереѣ, такъ какъ, по своей аристократической лѣни, не считала удобнымъ пройти тоже въ садъ. Наступило опасное молчаніе; голоса молодежи все удалялись. Въ тѣни вѣера глаза Бриммеръ горѣли фосфорическимъ блескомъ. Печальное лицо дона Рамона приблизилось къ ея лицу.

— Вы несчастны, донна Барбара. Приходъ вашего юнаго соотечественника пробудилъ въ васъ тоску по дому. Вы продолжаете думать о вашемъ мужѣ? Не такъ ли?

— Я думаю вотъ о чемъ, — сухимъ дѣловымъ тономъ бостонки сказала Бриммеръ: — я думаю, что если мистеръ Бриммеръ скоро не пріѣдетъ, то мы съ миссъ Чебъ должны будемъ оставить вашъ домъ, донъ Рамонъ. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ сегодня Бресомъ, мнѣ ясно, какъ на этотъ вопросъ смотрятъ мои соотечественники. Какъ ни пріятно ваше гостепріимство — а я должна признаться, что мнѣ оно было особенно пріятно — но я чувствую, что не могу принять

его въ настоящемъ неловкомъ положеніи. Я надѣюсь, что говорю съ джентльменомъ, который сумѣлъ понять, почему я пришла къ такому заключенію, и не воспользуется моимъ признаніемъ.

Если вспомнить, въ какомъ обольстительномъ костюмѣ она была и какъ горѣли ея глаза, то легко себѣ представить, какъ долженъ былъ смутиться сидѣвшій передъ нею молодой человѣкъ.

— Вы хотите уѣхать отсюда... изъ этого дома? — выговорилъ онъ.

— Это необходимо.

— Но сначала вы меня выслушаете, донна Барбара!.. У меня есть тайна... я хочу вамъ ее открыть...

— Вамъ незачѣмъ говорить мнѣ, — возразила миссисъ Бриммеръ, спуская съ гамака ноги, — то-есть, незачѣмъ говорить ничего такого, чего мнѣ не слѣдуетъ слышать...

Алькадъ съ мольбой взглянулъ на нее.

— Вы все-таки выслушаете меня, — помолчавъ, сказалъ онъ. — Сюда идетъ корабль. Черезъ двѣ недѣли, онъ будетъ здѣсь. Никто, кромѣ меня, коменданта и падре, не знаетъ объ этомъ. Это государственная тайна. Онъ придетъ ночью, а утромъ уйдетъ. На немъ въ Тодосъ-Сантосъ не пріѣзжаетъ никто, и отсюда тоже никто не уѣзжаетъ. Таковъ законъ. Но я клянусь вамъ, что на этотъ корабль возьмутъ васъ, вашихъ дѣтей и вашу спутницу, и свезутъ въ Акапулько, гдѣ вы будете свободны. Вы поѣдете къ вашему мужу, и будете счастливы. Я же останусь здѣсь и умру.

Другая женщина, конечно, отнеслась бы съ участіемъ къ печальной простотѣ этого взрослаго ребенка. Миссисъ Бриммеръ соскочила съ гамака и вытянулась во весь ростъ.

— Конечно,—начала она,—предложеніе ваше въ высшей степени великодушно; можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало бы принимать его безъ позволенія Бриммера; но я переговорю объ этомъ съ миссъ Чебъ. Несмотря ни на что, я не соглашусь испортить будущность этой дѣвушки, которую люблю, какъ сестру. Если что-нибудь съ нею случится, я никогда себѣ не прощу; если изъ-за меня она порветъ связь, которую могла бы заключить на всю жизнь, мнѣ стыдно будетъ взглянуть ей въ лицо. Я надѣюсь, что упоминаемая вами жертва не настолько повредитъ вамъ послѣ нашего отъѣзда, какъ вамъ кажется.

Она сложила свой вѣеръ, мяла обѣими руками мантилью, потомъ завернулась въ нее, какъ въ броню, унаслѣдованную

отъ предковъ, и, слегка наклонивъ голову, тихо вышла изъ галлереи.

За восемь мѣсяцевъ ихъ невольной совмѣстной жизни, донъ Рамонъ полюбилъ эту женщину, которую считалъ такимъ же простымъ и наивнымъ существомъ, какимъ былъ онъ самъ. Онъ привыкъ думать объ отсутствующемъ мужѣ, какъ о лицѣ вовсе не существующемъ. Онъ никогда не слыхалъ, чтобы она отзывалась о своемъ мужѣ съ любовью, симпатіей, съ дружбой или сожалѣніемъ. Она вовсе о немъ не говорила и также мало думала, какъ и объ его дѣтяхъ. Съ какимъ вниманіемъ разспрашивала она о его жизни, прямо говоря, что не симпатизируетъ своему мужу; съ какой готовностью приняла обычаи его родины, не скрывая нерасположенія къ обычаямъ своей страны. И между тѣмъ одинъ только намекъ на его страсть и жертву заставилъ встрепенуться эту женщину. Не оскорбилъ ли онъ ея какъ-нибудь помимо своей воли? Можетъ-быть, она задѣта тѣмъ, что онъ не говорилъ ей о своей любви? Можетъ-быть, она даже сомнѣвается въ ней? Ему не слѣдовало отпускать ее; надо было броситься передъ нею на колѣни, просить, умолять ее. Неужели теперь слишкомъ поздно?

Онъ поспѣшно прошелъ въ маленькую гостиную, полутемную, вслѣдствіе опущенныхъ маркизъ. Тамъ ея не было. Онъ прошелъ мимо отворенной двери ея комнаты, но и тамъ не нашелъ ея. Въ концѣ коридора одна изъ дверей была открыта настежь. Онъ вышелъ черезъ эту дверь въ садъ. Голоса за старымъ фонтаномъ показали ему, что все общество находилось тутъ, но онъ сразу увидалъ, что ея не было. Тѣмъ лучше! онъ, значитъ, застанетъ ее одну. Незамѣтно пробрался алькадъ на главную аллею, но и тамъ ея не было. Неужели она вышла изъ сада черезъ брешь, проломанную въ стѣнѣ? Съ этой мыслью онъ подошелъ къ стѣнѣ и увидалъ подъ персиковымъ деревомъ мужчину и женщину. Жгучая ревность заставила его остановиться, но онъ тотчасъ услыхалъ голосъ коменданта, разговаривающаго съ миссисъ Маркгемъ. Серьезный и солидный комендантъ Тодосъ-Сантоса дѣлалъ Маркгемъ то же самое предложеніе, какое алькадъ только что сдѣлалъ Бриммеръ.

— Никто, — внушительно говорилъ комендантъ, — кромѣ меня, не будетъ этого знать. Вы высадитесь въ Акапулько, найдете вашего мужа и забудете старика, влачащаго свои грустные дни въ Тодосъ-Сантосѣ!

Не помня себя, донъ Рамонъ наклонился впередъ, чтобы услыхать отвѣтъ Маркгемъ. Неужели она отвѣтитъ коменданту такъ, какъ донна Барбара отвѣтила ему!? Въ вечерней тиши голосъ ея слышался ясно:

— Вы настоящій джентльменъ, донъ Мигуэль, и уваженіе свое къ вамъ я всего лучше могу доказать, не дѣлая вида, будто не понимаю, какую крупную жертву вы приносите. Эту жертву я никогда не забуду, и всегда буду помнить, что ни одинъ мужчина—за исключеніемъ, конечно, мужа—не въ состояніи былъ бы сдѣлать для меня того же. Такъ какъ мужа моего здѣсь нѣтъ, то позвольте мнѣ за него поблагодарить васъ. Вотъ моя рука, донъ Мигуэль, пожмите ее или поцѣлуйте, если вамъ угодно. А теперь пойдемте къ миссъ Кинъ.

IV.

Лучъ свѣта.

Между тѣмъ, какъ различныя страсти волновали сердца ея соотечественниковъ, Элеонора Кинъ жила, вовсе даже не замѣчая ихъ. Ее не тянуло къ товарищамъ по изгнанію; она находила гораздо больше удовольствія въ обществѣ своихъ иностранныхъ хозяевъ. Наивность донны Изабеллы была ей гораздо симпатичнѣе притворной простоты замужней ingénue Бриммеръ. Сама она довольно холодно принимала горячія ласки молодой дѣвушки, но тѣмъ не менѣе была недовольна суровостью, съ какой Маркгемъ относилась къ вниманію коменданта, зная очень хорошо, какъ безнадежны его дѣтскія чувства. Она очень рѣдко встрѣчалась съ другими пассажирами «Эксцельсіора» и удивлялась, что когда-нибудь могла быть съ ними близка.

Послѣ бѣгства капитана Бенкера прошло нѣсколько недѣль, и она начала чувствовать упадокъ энергіи, стала скучать о братѣ, котораго почти не знала, и о домѣ, котораго вовсе не видала. Уединеніе такъ погубно на нее дѣйствовало, что Маркгемъ говорила ей:

— Милое дитя мое, вамъ непремѣнно надо чѣмъ-нибудь развлечься, хоть бы даже невиннымъ кокетствомъ съ секретаремъ.

По счастью, къ кокетству не пришлось прибѣгать. Въ вѣдѣніи коменданта находилась школа, въ которой воспитывались дѣти гарнизонныхъ солдатъ. Миссъ Кинъ предложила учить въ этой школѣ англійскому языку. Предложеніе сообщено Эстебану, и тотъ далъ ей позволеніе учить черноглазыхъ дѣтей. Къ урокамъ англійскаго языка прибавились уроки пѣнія, и скоро ученики донны Элеоноры не отставали отъ маленькихъ хористовъ миссіи. Отношенія ея къ Джемсу Чарльстону попрежнему отличались странной и непонятной сдер-

жанностью. Она избѣгала его общества, что было не трудно, ибо и самъ онъ не навязывался со своими бесѣдами. Его нелюдимость дѣвушка объяснила нежеланіемъ, чтобы ихъ отношенія носили характеръ заговора.

Ихъ встрѣчи были мимолетны и рѣдки, тѣмъ не менѣе онѣ возбуждали въ миссъ Кинъ чувство симпатіи и интереса къ этому странному человѣку. Теперь, когда они рѣже видѣли другъ друга, она стала больше думать о немъ. Она постепенно пережила три фазиса своихъ чувствъ къ нему, и всѣ фазисы грозили лишить ее душевнаго спокойствія. Она начала тѣмъ, что глубоко заинтересовалась его таинственной замкнутостью.

Этотъ фазисъ смѣнился убѣжденіемъ, что причиною его горя—женщина. Съ инстинктивнымъ недовѣріемъ къ своему полу она рѣшила, что эта неизвѣстная ей женщина негодное существо, и, наконецъ, убѣдилась, что Чарльстонъ чувствуетъ къ ней, Кинъ, отвращеніе. Она почему-то была очень довольна, что онъ съ перваго взгляда возненавидѣлъ ее. Его отчужденность на кораблѣ, въ сравненіи съ любезнымъ вниманіемъ другихъ пассажировъ, и его настоящее недовольство она объяснила тѣмъ, что ему противно было быть съ нею вмѣстѣ. Она боролась между сильнымъ желаніемъ сказать ему, что ей извѣстно его чувство, и между такимъ же сильнымъ желаніемъ избѣгать его. Въ силу послѣдняго соображенія она не стала приглашать его вмѣстѣ съ падре Эстебаномъ послушать своихъ учениковъ подъ тѣмъ предлогомъ, «что врядъ ли ему могутъ быть интересны ея труды». Падре Эстебанъ понюхалъ табаку и пристально посмотрѣлъ на нее. На слѣдующій день онъ поручилъ Чарльстону отнести миссъ Кинъ ноты. Чарльстонъ понесъ ноты и почему-то постарался быть любезнымъ. На его просьбу прійти послушать хоръ, съ которымъ онъ занимался, она покраснѣла и отвѣчала, что врядъ ли у ней достанетъ на это времени. Но она все-таки пришла вмѣстѣ съ миссисъ Маркгемъ.

Наконецъ почти безъ ея вѣдома наступилъ день, такой беззавѣтно-счастливый, такой отрадный, что ради его одного стоило жить тутъ. Въ дневникѣ, который Маркгемъ писала для своего мужа, день этотъ описывался такъ:—«Ходила съ Кинъ въ индѣйскую деревню; встрѣтили падре и Чарльстона; онъ выползъ изъ своей раковины и долго разговаривалъ съ миссъ Кинъ».

День былъ необыкновенно тихій и хорошій. Кинъ и Маркгемъ вышли изъ президіи въ часъ отлива и шли по берегу вдоль стѣнъ миссіи. Черезъ двѣ, три мили они дошли до индѣйской деревни или, лучше сказать, до предмѣстья Тодосъ-

Сантоса съ низенькими хижинами и весьма плохо обработанными полями. Падре Эстебанъ и Чарльстонъ ждали ихъ на верандѣ, покрытой пальмовыми листьями и служившей классной комнатой школы.

— Эта веранда выстроена самимъ Діего,—сказалъ падре, съ гордостью глядя на Чарльстона,—выстроена съ помощью еретиковъ; но, знаете, теперь онъ и этимъ недоволенъ, и желаетъ, чтобы стадо его ходило въ школу миссіи и смѣшалось бы съ болѣе чистой расой. Это—революціонное намѣреніе со стороны нашего реформатора,—продолжалъ святой отецъ, грозя Чарльстону желтыми пальцами.—Пожалуй, онъ взбунтуетъ нашъ Тодосъ-Сантосъ, если дамы не примутъ мѣръ противъ этого. Возьмите его, донна Элеонора, и побраните, а я пока поговорю съ миссисъ Маркгемъ о той работѣ, которую она по добротѣ своей начала для меня.

Кинъ подняла глаза на молодого человѣка, который немного покраснѣлъ. Она думала не о словахъ падре, а о той работѣ, какую этотъ мрачный субъектъ принялъ на себя, въ то время какъ его соотечественники ничего не дѣлали и забавлялись, а сама она скучала отъ бездѣйствія.

— Я надѣюсь, что Бриммеръ и Чебъ также интересуются дѣломъ... вашимъ... или падре Эстебана?

Въ первый разъ, на губахъ Чарльстона она увидала улыбку.

— Надо думать, что мои варвары-мальчики, которыхъ я учу въ школѣ, слишкомъ низки для миссіонерскаго рвенія миссисъ Бриммеръ. И она и миссъ Чебъ покровительствуютъ мексиканской школѣ; дарятъ дѣтямъ старыя платья, старыя шляпки, фланелевыя юбки, старые романы и стихотворенія, которые Эстебанъ сжигаетъ, и въ праздничные дни счастливятъ ихъ своимъ присутствіемъ. Онѣ почему-то убѣждены, что южныя расы подвержены проказѣ и другимъ накожнымъ болѣзнямъ, и потому любезно оставили меня одного съ туземцами.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы убѣдили падре позволить мнѣ помогать вамъ,—опустивъ глаза, сказала миссъ Кинъ.

— У васъ довольно дѣла и съ цыплятами коменданта. Неужели вы бросите это гнѣздышко?

— Вы смѣетесь надо мною,—сказала миссъ Кинъ, очень довольная веселостью Чарльстона. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣти президіи слишкомъ живописны, и я ихъ такъ люблю, что не могу приносить имъ большой пользы. Я точно забавляюсь ими.

Чарльстонъ засмѣялся, но, взглянувъ на нее, былъ пораженъ ея молодостью. Прежде она, по своей серьезности, всегда

ПОЖАЛУЙСТА

казалась ему не такой уже молоденькой. Онъ вдругъ ее спросилъ: есть ли у нея маленькіе братья и сестры? Въ отвѣтъ она разсказала ему свою жизнь говорила о своемъ раннемъ дѣтствѣ, о братѣ, котораго едва помнила, о своихъ первыхъ шагахъ въ свѣтѣ, такъ странно прерванныхъ прибытіемъ въ Тодосъ-Сантосъ. Чарльстонъ былъ тронутъ разсказомъ объ ея почти дѣтской жизни. Сама не зная почему, она откровенно разсказала ему о тысячѣ разныхъ мелочей, неизвѣстныхъ даже Маркгемъ.

— Я увѣрена, что была бы гораздо счастливѣе, если бы можно было съ кѣмъ-нибудь дѣлиться мыслями,—прибавила она, съ наивнымъ упрекомъ, глядя ему прямо въ глаза. — Мужчины — совсѣмъ другое дѣло. Они могутъ развлечься чѣмъ угодно. Хотя, — нерѣшительно продолжала она, — мнѣ иногда казалось, что и вы были бы гораздо счастливѣе, если бы могли кому-нибудь разсказать о своемъ горѣ. Не говорю о падре; несмотря на всю свою доброту, онъ все-таки для насъ чужой, и на вещи смотритъ не такъ, какъ мы... Но неужели вамъ никто не сочувствуетъ?

Она остановилась, замѣтивъ, что лицо его измѣнилось. Щеки его вдругъ покрылись румянцемъ; онъ подозрительно посмотрѣлъ ей въ глаза. Но мысль повѣрить этой невинной дѣвушкѣ тайну своего несчастнаго брака и отчаянія показалась ему такой привлекательной, что онъ улыбнулся. Дѣвушка отвѣтила ему улыбкой. Эта улыбка побѣдила его. Ему показалось, что миссъ Кинъ своимъ сочувствіемъ согнала мракъ съ его души. Опасный моментъ прошелъ незамѣтно. На откровенность миссъ Кинъ Чарльстонъ не отвѣчалъ откровенностью, не потому, что хотѣлъ обмануть ее, а просто потому, что не считалъ этого нужнымъ.

Блуждая по берегу, они наткнулись на большой каменный крестъ, глубоко ушедшій въ песокъ. Чарльстонъ высказалъ предположеніе, что христіанство давно уже было извѣстно въ этихъ мѣстахъ. Крестъ былъ обвѣшанъ раковинами и убранъ перьями, что, по мнѣнію Чарльстона, служило доказательствомъ смѣси прежняго идолопоклонства съ новой религіей.

— Я не хочу огорчать стараго падре,—улыбаясь, продолжалъ Чарльстонъ, — но мнѣ кажется, что этотъ крестъ они предпочитаютъ церкви. Я почти увѣренъ, что тутъ, передъ самымъ носомъ старика, они исполняютъ, какіе-нибудь языческіе обряды и поклоняются неизвѣстному божеству подъ видомъ поклоненія эмблемамъ нашей всемірной религіи.

— Да вѣдь это позоръ,—быстро вскричала миссъ Кинъ.

Къ ея удивленію, Чарльстонъ остался совершенно равнодушнымъ.

— Здѣшняя раса очень кроткая,—небрежно проговорилъ онъ. — Это мѣсто много посѣщается дѣтьми, въ особенности молодыми дѣвушками; всѣ эти приношенія сдѣланы ими.

Чтобы хорошенько разсмотрѣть раковины, Кинъ стала у подножія креста, и Чарльстонъ очутился подлѣ нея. Она находила, что къ нему очень идетъ испанскій костюмъ, а онъ удивлялся, что не замѣчалъ прежде, какъ она хорошо собой.

Чарльстонъ не могъ сказать: отъ моря ли, отъ цвѣтовъ ли, или отъ платья дѣвушки распространялся такой ароматическій запахъ, что у него захватывало дыханіе. Она зачерпнула горсть песку и сквозь пальцы сыпала его на землю, а онъ смотрѣлъ на это со вниманіемъ, доходившимъ до глупости.

— Миссъ Кинъ! Позвольте...

— Извините, пожалуйста, я не слыхала, что вы сказали.

Они заговорили почти въ одно время и улыбнулись другъ другу.

— Я думала... вы не разсердитесь?..

— Нѣтъ; могу васъ увѣрить, что нѣтъ.

— Я думала, что вы хотите сдѣлаться священникомъ.

— Почему вы это думали?

— Потому что... мнѣ казалось, что вы ненавидите женщинъ!

— Эстебанъ — священникъ, — слабо улыбаясь, сказалъ Чарльстонъ, — но вы знаете, какъ онъ относится къ вашему полу.

— Да, но, можетъ-быть, жизнь его никогда не была испорчена какой-нибудь дурной женщиной... какъ... испорчена ваша.

Онъ съ минуту пристально глядѣлъ въ глаза.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Никто.

Она, очевидно, говорила правду. Въ ея ясныхъ глазахъ не было притворства или обмана Его тщательно, ревниво оберегаемая тайна, несчастіе всей его жизни было отгадано этой дѣвушкой и не вызвало въ ней ни ужаса ни порицанія.

— А что, если это вѣрно?—спросилъ онъ.

— Я была очень огорчена за васъ и рада, что теперь все миновалось,—спокойно отвѣчала она. Щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ. Къ своему успокоенію, она увидала, что къ нимъ подходитъ цѣлая толпа индѣйскихъ ребятишекъ. У дѣтей были полныя руки цвѣтовъ и раковинъ; они остановились возлѣ креста.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА

— Это дѣти изъ школы,—сказалъ Чарльстонъ,—но я не понимаю, зачѣмъ они пришли сюда.

— Не браните ихъ; сдѣлайте видъ, будто ничего не замѣчаете.

Но въ ту минуту, какъ она хотѣла подняться, ребятишки, двинувшись всей толпой, высыпали ей на колѣни цвѣты и раковины. Она снова покраснѣла, взглянувъ на Чарльстона.

— Вы всегда подготовляете такой милый сюрпризъ вашимъ гостямъ?—спросила она.

— Увѣряю васъ, я тутъ ни при чемъ,—съ искреннимъ удивленіемъ отвѣчалъ онъ,—это совершенно для меня неожиданно. Да вы посмотрите... они украшаютъ и меня цвѣтами.

Дѣти дѣйствительно осыпали и Чарльстона цвѣтами, отбѣжали на нѣсколько шаговъ и остановились. Вдругъ, вскрикнувъ отъ ужаса, они бросились бѣжать со всѣхъ ногъ и исчезли въ кустахъ. Миссъ Кинъ и Чарльстонъ поднялись одновременно, но дѣвушка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, схватилась за крестъ, чтобы не упасть. Чарльстонъ бросился къ ней.

— Вамъ дурно?—спросилъ онъ.— Вы страшно блѣдны. Что съ вами?

Блѣдное лицо ея озарилось улыбкой.

— Я не знаю, что со мною; мнѣ кажется, что все вокругъ меня дрожитъ.

— Можетъ-быть, это отъ цвѣтовъ,—заботливо вымолвилъ онъ. — Можетъ-быть, на васъ подѣйствовалъ сильный запахъ. Ради Бога, бросьте ихъ.

Но, держась за крестъ, она крѣпче прижала къ себѣ цвѣты.

— Нѣтъ, это не отъ того,—серьезно сказала она.—Испугъ дѣтей заразилъ и меня. Теперь все прошло.

Она позволила ему усадить себя. Вѣроятно, изъ сочувствія къ ней, онъ тоже чувствовалъ головокруженіе. Кругомъ было необыкновенно тихо, не слышно было даже плеска волнъ.

— Какъ море теперь далеко, — сказала миссъ Кинъ, упираясь локтемъ въ колѣно и рукою подпирая щеку.—Неужели это испугало ребятишекъ?

Море дѣйствительно совершенно отошло отъ берега. Чарльстонъ всталъ и спокойно сказалъ:

— Не пройтись ли намъ лучше? Обопритесь о мою руку и пойдемте въ садъ миссіи. Возьмите съ собой ваши цвѣты.

Румянецъ снова заигралъ на ея щекахъ, когда она взяла его руку. Она, дѣйствительно, была слабѣе, чѣмъ думала, потому что онъ чувствовалъ, какъ она опиралась на него, и

самъ крѣпко прижималъ ее къ себѣ. Въ эту минуту, въ кустахъ показалось что-то цвѣтное, быстро подвигавшееся. Не прошло и минуты, какъ передъ ними очутилась донна Изабелла съ розами на головѣ. Миссъ Кинъ выдернула свою руку изъ руки Чарльстона.

— Мнѣ сказали, что вы на берегу,—крикнула донна Изабелла,—и я поспѣшила къ вамъ, какъ птица. Скажите скорѣе, сейчасъ же,—прошептала она, подставляя смуглое ушко ко рту миссъ Кинъ, — вы очень счастливы?

— А гдѣ же Бресъ?—вскричала миссъ Кинъ, желая избавиться отъ своей мучительницы.

— Гдѣ же этотъ глупый мальчишка? Ну, конечно, его никогда нѣтъ тамъ, гдѣ онъ нуженъ. Но когда его не спрашиваютъ, онъ вѣчно тутъ. Мнѣ хотѣлось бы избавиться отъ него. Отдайте мнѣ лучше вашего брата. Я предчувствую, что полюблю его!

— Хорошо! вы получите моего брата. Но развѣ вы за этимъ искали меня?—смѣясь, спросила миссъ Кинъ.

— Матерь Божья! Да развѣ вы не знаете, что случилось? Развѣ вы ослѣпли... оглохли... и въ это время ни на что вниманія не обращали?... Ахъ!—продолжала она, развертывая вѣеръ и закрывая имъ лицо,—мнѣ стыдно за васъ, миссъ Кинъ.

— Да что же случилось? — вмѣшался, наконецъ, Чарльстонъ.

— Да вѣдь было землетрясеніе! Земля тряслась! Смотрите!

Она вѣеромъ указала на море, которое со страшной силой, все вспѣнившись, неслось къ берегу и облило подножіе креста, гдѣ они только что сидѣли.

Кинъ перевела духъ. Изабелла опять прикрылась вѣеромъ и, наклонивъ другой рукой къ себѣ голову миссъ Кинъ, прошептала:

— Вы такъ были увлечены оба, что даже не замѣтили ничего особеннаго!

V.

Тучи и перемѣны.

Землетрясеніе (для американцевъ явленіе совершенно новое и исключительное) ежегодно повторялось въ Тодосъ-Сантосѣ и было въ этотъ разъ настолько слабо, что даже не повредило низенькихъ хижинъ туземцевъ.

По прошествіи шести недѣль, оно было забыто всѣми, за исключеніемъ миссъ Кинъ, Чарльстона и падре Эстебана. Съ тѣхъ поръ, какъ Чарльстонъ простился съ Кинъ въ этотъ

достопамятный день, онъ сталъ попрежнему сторониться ея. Не избѣгая замѣтно ея скромныхъ попытокъ къ сближенію, онъ рѣдко сходился съ нею, и то всегда въ присутствіи Эстебана или миссисъ Маркгемъ. Но теперь его дикость не пугала ея какъ прежде, потому что она знала, что это происходитъ не отъ равнодушія. Инстинктъ нашептывалъ дѣвушкѣ, что незамѣтно для нея онъ слѣдилъ за нею. Влюбленные,—если только можно было такъ назвать ихъ, — точно помѣнялись ролями. Кинъ искала вниманія Чарльстона, а онъ, какъ стыдливая дѣвушка, избѣгалъ ея. Разъ она даже напомнила ему объ ихъ свиданіи у креста.

— Думаете ли вы, что мы находились въ опасности въ тотъ день, когда сидѣли у креста?—спросила она.

— Только не отъ моря,—отвѣчалъ онъ, глядя на нее.

— Такъ отъ чего же?—спросила она съ притворной наивностью.

— Помните вы, что ребятишки принесли вамъ цвѣты?

— Помню.

— Ну-съ, оказывается, здѣсь существуетъ обычай, что женихи и невѣсты ходятъ къ этому кресту и тамъ клянутся въ вѣрности. Они приняли насъ за жениха и невѣсту и осыпали насъ цвѣтами.

Она спокойно подняла на него глаза.

— Какая печальная ошибка! Тѣмъ болѣе непростительная, что они ваши ученики. А вотъ и Эстебанъ,—прибавила она и пошла навстрѣчу подходившему священнику.

Падре Эстебанъ, вернувшись въ этотъ вечеръ домой, не нашелъ Чарльстона. Позднее отсутствіе молодого человѣка такъ встревожило патера, что онъ пошелъ искать его по саду. Въ концѣ аллеи изъ персиковыхъ деревьевъ въ стѣнѣ былъ проломъ, и тутъ старикъ нашелъ Чарльстона, стоявшаго лицомъ къ морю. Падре Эстебанъ, подойдя неслышными шагами, положилъ ему руку на плечо. Тотъ слегка вздрогнулъ и опустилъ глаза.

— Сынъ мой,—серьезно сказалъ священникъ,—этого больше не должно быть.

— Я васъ не понимаю,—холодно возразилъ Чарльстонъ.

— Вы можете обмануть себя, но не меня. И зачѣмъ же обманывать ее? Или вы любите или не любите вашу соотечественницу. Если не любите, изъ уваженія къ ней и изъ дружбы къ вамъ мнѣ слѣдуетъ спасти васъ обоихъ отъ глупой близости, которая можетъ обратиться въ любовь; если же вы ее любите...

— Я никогда не говорилъ ей ни слова о любви!—быстро

перебилъ Чарльстонъ. — Я старался даже съ тѣхъ поръ удаляться отъ нея.

— Съ тѣхъ поръ, какъ увидали, что любите ее! И вы надѣетесь, что, зажавъ себѣ ротъ, вы заставите молчать страсть въ вашемъ сердцѣ? Неужели вы думаете, что ваше молчаніе въ ея присутствіи не то же признаніе, которое она пойметъ, несмотря на всю свою молодость и неопытность?

— Но... если я люблю ее... что же изъ этого?—мрачно проговорилъ Чарльстонъ.—Развѣ преступленіе—любить чистую и хорошую дѣвушку? Развѣ я не свободенъ? Вы сами въ церкви говорили мнѣ...

— Молчите, Діего, — строго сказалъ священникъ. — Замолчите, пока не высказали того, чего не вамъ бы говорить, а не мнѣ бы слушать.

— Простите меня, падре Эстебанъ,—сказалъ молодой человѣкъ, быстро схвативъ священника за руки. — Простите... я совсѣмъ схожу съ ума... не помню себя... но клянусь вамъ... я только полагалъ...

— Молчите,—ласково перебилъ его священникъ. — Не будемъ болѣе касаться этого предмета. Разсказали ли вы ей исторію вашей жизни?

— Нѣтъ, но разскажу. Она узнаетъ все, рѣшительно все, прежде чѣмъ услышитъ отъ меня слово любви.

— Хорошо. — Такъ вотъ какъ! когда мы выскажемъ ей, что не можемъ жениться, тогда начнемъ говорить о любви! Это, должно-быть, по-американски! Или я не такъ выразился? Когда вы скажете, что не можете, какъ протестантъ, жениться на ней, то начнете, какъ католикъ, говорить ей о любви. Такъ?

— Выслушайте меня!—съ жаромъ сказалъ Чарльстонъ.— Вы спасли меня отъ безумія, а, можетъ быть, и отъ смерти. Ваши заботы, ваша доброта, ваши наставленія возвратили меня къ жизни. Не порицайте меня, отецъ Эстебанъ. Вы, уничтоживъ во мнѣ прежняго человѣка, возродили въ моемъ сердцѣ новыя надежды, новую жизнь... и...

— И новую любовь, хотите вы сказать,—печально улыбаясь, вымолвилъ падре. — Будьте справедливы къ старому священнику: онъ никогда не настаивалъ, чтобы вы приняли обѣтъ, который положилъ бы вѣчную преграду между вами и любовью.

— Я знаю это,—сказалъ Чарльстонъ, взявъ старика за руку. — А вы, конечно, помните, что я былъ счастливъ и доволенъ, пока этого со мной не случилось. Научите же, что мнѣ дѣлать? Будьте моимъ руководителемъ, моимъ другомъ!

Поставьте меня въ то положеніе, въ какомъ я находился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда еще не любилъ ея!

— Вы этого серьезно хотите, Діего?—сказалъ старикъ, крѣпко сжимая его руку и пристально глядя на него.

— Серьезно.

— Ну, такъ слушайте меня, потому что теперь настушилъ мой чередъ говорить. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, вы просили убѣжища подъ этой кровлей, потому что хотѣли скрыться отъ женщины, отравившей вамъ жизнь. Пріютъ вамъ былъ данъ. Теперь вы хотите покинуть его, чтобы совершить дѣло, которое заставитъ другую женщину, не менѣе васъ безумную, просить покровительства — уже противъ васъ. Вы были несчастны потому, что дурная женщина обманывала васъ; а теперь хотите сдѣлать несчастной женщину, которую,—какъ говорите, — вы любите. Вы хотите воспользоваться ея безпомощностью и одиночествомъ, чтобы побѣдить ее, хотите соблазнить ее сочувствіемъ.

— Довольно,—сказалъ Чарльстонъ, — ни слова больше! Только умоляю васъ: научите меня, какъ спасти ее. Я уѣду навсегда, если вы этого потребуете.

— Зачѣмъ вамъ уѣзжать? Условія, которыя привели васъ сюда, не измѣнились. Вамъ попрежнему нуженъ пріютъ. Зачѣмъ же вамъ покидать его? А у дѣвушки нѣтъ причинъ оставаться здѣсь; у нея есть братъ, котораго она любитъ и который имѣетъ на нее права. Она уѣдетъ къ нему.

— Но какимъ образомъ?

— Это моя тайна. Я пожертвую этою дѣвушкою для васъ, сынъ мой! Все это я предвидѣлъ, все понялъ въ тотъ день, когда вы отправились вмѣстѣ гулять. Передъ этимъ я былъ слѣпъ и мечталъ кое о чемъ. У меня тоже есть свои слабости. Но Богу было угодно устроить все иначе.—Вотъ въ чемъ заключается моя тайна и моя жертва. Въ послѣднія два столѣтія, церковь посылала секретнаго и вѣрнаго человѣка въ Гвадалахару на корабль, который заходитъ сюда каждые три года. Прибытіе этого корабля извѣстно только мнѣ и другимъ членамъ совѣта. Когда онъ придетъ—а ждутъ его ежедневно,—я тайнымъ образомъ посажу на него миссъ Кинъ и ея спутницу, и дамъ объяснительное письмо архіепископу, который поможетъ ей проѣхать къ брату. Это будетъ, конечно, вопреки желанію совѣта, но эта моя воля есть воля церкви, руководящей всѣмъ.

Онъ говорилъ твердо; глаза его сверкали.

— Вы поймете,—продолжалъ онъ,—что я жертву приношу, говоря вамъ это, если сообразите, что я могъ бы сдѣлать все

безъ вашего вѣдома. Да, Діего, мнѣ стоило только протянуть руку, и предметъ вашей страсти исчезъ бы навѣки изъ Тодосъ-Сантоса.

— Вы поступили совершенно правильно, отецъ Эстебанъ,— сказалъ Чарльстонъ, обнимая старика,—клянусь вамъ свято сохранить вашу тайну. Можетъ-быть,—вздохнувъ, прибавилъ онъ,—я былъ бы счастливѣе, если бы она промелькнула въ моей жизни незамѣтно. Примите мою жертву взамѣнъ вашей: я постараюсь не встрѣчаться съ нею болѣе.

— Вы клянетесь мнѣ въ этомъ?—съ жаромъ спросилъ священникъ.—Можете вы поклясться, что не будете стараться свидѣться съ нею даже для того, чтобы проститься? вѣдь въ эту минуту дѣвушка можетъ поколебать ваше рѣшеніе.

— Я не увижусь съ нею больше,—тихо отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Но если она потребуетъ свиданія,—настаивалъ священникъ,—потребуетъ подъ видомъ желанія знать ваше мнѣніе?

— Она не потребуетъ,—отвѣчалъ Чарльстонъ, съ горечью вспоминая ихъ послѣднее прощаніе.—Вы знаете, какъ она горда.

— Можетъ-быть,—задумчиво молвилъ священникъ.—Такъ вы даете слово, Діего? А теперь идемте домой, намъ надо кое-что приготовить.

Время послѣобѣденной сіесты миновало; галлереи и садъ алькада были уже полны гостей, когда вошло общество изъ президіи. Миссисъ Бриммеръ, вѣроятно, уже побѣдившая чувство долга, недавно вспыхнувшее въ ея сердцѣ, разыгрывала теперь роль хозяйки въ домѣ алькада; она попрежнему была одѣта въ черезчуръ легкій испанскій костюмъ, и даже ноги у нея были обуты только въ бѣлые атласные башмачки безъ чулокъ. Алькадъ принялъ Маркгемъ и Кинъ съ изысканной любезностью и усадилъ на почетныя мѣста. При видѣ Элеоноры, дамы, за исключеніемъ Изабеллы, стали перешептываться. Элеонора не переставала одѣваться, какъ въ Бостонѣ, и въ этотъ день ея бѣлое платье съ голубымъ кушакомъ явилось рѣзкимъ контрастомъ съ небрежными туалетами миссисъ Бриммеръ и миссъ Чебъ.

Бресъ, вмѣстѣ съ Кросби ухаживавшій за сестрами алькада, невольно почувствовалъ неловкость при встрѣчѣ съ миссъ Кинъ. Неловкость его еще болѣе усилилась, когда Кросби вполголоса сказалъ ему:

— Нѣтъ, почтеннѣйшій, знаете: нашъ американскій костюмъ все-таки красивѣе всѣхъ этихъ мексиканскихъ яркихъ парядовъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, что сказалъ бы Бриммеръ, если бы увидѣлъ въ такомъ полуобнаженномъ видѣ свою жену?

Но въ эту минуту протяжный лѣнивый голосъ миссисъ Бриммеръ ясно проговорилъ:

— Никогда не прощу я коменданту, что онъ сумѣлъ сдѣлать свою президію такою привлекательною для васъ, миссъ Кинъ, что вы не находите даже времени повидаться, съ вашими соотечественниками. Конечно, васъ нельзя порицать за то, что вы не находите удовольствія въ обществѣ такихъ особъ, какъ мы, не пріученныхъ дѣлать себѣ туалеты, какъ умѣете дѣлать вы. Мы могли только раздать наше старое тряпье бѣднякамъ миссіи. Вѣроятно, и наше доброе дѣло кажется вамъ такимъ же жалкимъ, какъ наши теперешніе туалеты, въ сравненіи съ вашимъ поистинѣ добрымъ дѣломъ, за которое вы взялись съ Чарльстономъ... или съ Бресомъ—не знаю. Я постоянно путаю вашихъ поклонниковъ, душа моя.

Миссъ Кинъ ничего не отвѣтила: она безпрестанно смотрѣла на дверь и поджидала падре Эстебана, надѣясь услышать отъ него что-нибудь о Чарльстонѣ; вслѣдствіе напряженнаго вниманія, она ранѣе другихъ услышала топотъ и шумъ передъ крыльцомъ. Лошадиный топотъ умолкъ и раздалась команда на испанскомъ языкѣ, затѣмъ въ дверь вошли три незнакомца.

Они были одѣты въ красныя рубашки, бѣлыя панталоны, вправленныя въ сапоги, и въ мягкія шляпы. Пришедшіе были утомлены и запылены. Одинъ изъ нихъ, какъ предводитель, выступилъ впередъ и на бѣгломъ испанскомъ языкѣ началъ точно заученную рѣчь, предварительно окинувъ взглядомъ галлерею:

— Мы привезли коменданту Тодосъ-Сантоса депешу отъ мазатланскаго губернатора. Офицеръ и отрядъ, служившій намъ конвоемъ, остались на улицѣ. Намъ сказали, что комендантъ здѣсь, въ этомъ домѣ. Не будь дѣло наше до такой степени важно, мы не рѣшились бы...

Его остановила Маркгемъ.

— Послушайте, я не понимаю по-испански... можетъ быть, я сошла съ ума... но я готова побиться объ закладъ, что это голосъ Джемса Маркгема...

Трое незнакомцевъ быстро обернулись. Самый младшій изъ нихъ бросился къ миссъ Кинъ, которая приподнялась съ испугомъ и радостью.—Да это ты, Нелли!—вскричалъ онъ.

Это былъ ея братъ Ричардъ Кинъ.

Третій мужчина подошелъ къ миссисъ Бриммеръ, которая поспѣшно выскользнула изъ гамака и стала на ноги.

— Господи, это моя Барбара!—прошепталъ подошедшій къ ней Бриммеръ,—да гдѣ же у тебя чулки?

VI.

Болѣе важный пріѣздъ.

Комендантъ пришелъ въ себя прежде всѣхъ. Принявъ депешу изъ рукъ незнакомаго ему мужа женщины, которую онъ любилъ, онъ распечаталъ ее съ полнымъ спокойствіемъ и безстрастнымъ выраженіемъ лица, затѣмъ обернулся къ иностранцамъ, отдавъ имъ честь по-военному, и просилъ ихъ прійти къ нему въ президію черезъ полчаса. Серьезно раскланявшись съ обществомъ, онъ направился къ двери, но миссисъ Маркгемъ загородила ему дорогу.

— Джемсъ Маркгемъ, гдѣ твоя рука?

Смущеный и побѣжденный Маркгемъ тихо отнялъ руку отъ таліи жены.

— Подай ее этому человѣку... потому что онъ съ головы до ногъ истый джентльменъ. Вотъ такъ! Пожми ее! Не каждый день человѣку выпадаетъ подобный случай. Ну, пока довольно.

Когда руки разъединились и комендантъ вышелъ, она снова обратилась къ мужу:—А теперь, Джемсъ, можешь все разсказать мнѣ.

Наступило неловкое молчаніе. Докторъ и секретарь скромно удалились; алькадъ ушелъ блѣдный, какъ полотно. Донна Изабелла успѣла послать изъ-за своего вѣера воздушный поцѣлуй миссъ Кинъ, случайно обращенный къ ея брату. Американцы остались одни. Маркгемъ поспѣшно началъ разсказывать свою исторію. Въ его разсказѣ нельзя было не замѣтить какой-то путаницы. Онъ самъ себѣ противорѣчилъ. Кину и Бриммеру пришлось его останавливать и даже поправлять. Изъ несвязныхъ рѣчей Маркгема можно было заключить, что они давно замыслили эту экспедицію, а между тѣмъ всѣ затрудненія произошли отъ того, что они рѣшились на нее только наканунѣ отправки парохода; что они направились къ мысу Никарагуа, а между тѣмъ остановились въ Мазатланѣ, что окончательныя свѣдѣнія они получили въ Санъ-Франциско, а не въ Мазатланѣ; что лицо—о которомъ онъ говорилъ иногда въ мужскомъ, а иногда въ женскомъ родѣ,—пользуясь сильнымъ вліяніемъ у мексиканскаго правительства, одно только и помогло имъ, но что всему виною—сеніоръ Перкинсъ, испортившій имъ отношенія съ мексиканскимъ правительствомъ.

— Вы хотите сказать, Маркгемъ, что видѣли Перкинса, и онъ вамъ сообщилъ, что мы здѣсь?

— Не совсѣмъ онъ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY

— Позвольте мнѣ объяснить, вмѣшался Бриммеръ.— Повидимому, Перкинсъ, высадивъ васъ здѣсь и захвативъ «Эксцельсіоръ» въ пользу Квиквинамбо, устроилъ тамъ правительство и заставилъ Мексику и другія государства признать независимость страны. Правители Квинквинамбо не только заставили мексиканское правительство нарушить нейтралитетъ Тодосъ-Сантоса, но заплатили половину стоимости захваченнаго ими корабля «Эксцельсіоръ» и дали знать въ Мексику и Вашингтонъ о вашемъ пребываніи здѣсь. Мы являемся въ видѣ соединенной комиссіи отъ обѣихъ государствъ, чтобы рѣшить вопросъ о вашемъ возвращеніи.

— Я желаю знать прежде всего: неужели мы должны быть благодарны Перкинсу за то, что видимъ васъ здѣсь,—съ нетерпѣніемъ спросила Маркгемъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ ему, пробормоталъ Маркгемъ. — Однако довольно, Сусанна...

— Нѣтъ,—серьезно сказалъ Кинъ,—мы частью обязаны этимъ прелестной Монгомери...

Онъ вдругъ остановился въ смущеніи. Наступило неловкое молчаніе. Даже миссъ Кинъ съ тревогою посмотрѣла на брата, какъ вдругъ послышался голосъ миссисъ Бриммеръ:

— Позвольте намъ узнать, что эта за особа, которой мы такъ много обязаны?

— Извольте,— отвѣчалъ Бриммеръ.—Она была... какъ я уже имѣлъ честь говорить, хорошей знакомой... знаете...— прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ какъ бы съ просьбой подыскать подходящее выраженіе...— можетъ-быть, даже возлюбленной этого Перкинса.

— Почему же она интересовалась нами?—спросила Маркгемъ.

— Она забрала себѣ въ голову, что на «Эксцельсіорѣ» плылъ ея мужъ!

Онъ вдругъ остановился, понявъ по удивленнымъ лицамъ Кина и Маркгема, что тайна эта имъ извѣстна и что они готовы разсмѣяться, воображая, что Бриммеръ все это выдумалъ. Женщины, съ своей стороны, замѣтили всеобщее смущеніе и не повѣрили объясненію Бриммера.

— Такъ какъ никакого Монгомери на «Эксцельсіорѣ» не было, то она, конечно, ошиблась, рѣшительно сказала Маркгемъ,—и,мнѣ кажется, что ей слѣдовало искать мужа своего на другомъ кораблѣ. Ну, идемъ, Джемсъ; можетъ-быть, умывшись и переодѣвшись, ты немного придешь въ себя. Мнѣ неизвѣстны ощущенія миссисъ Бриммеръ, но я чувствую, что теперь я знаю тебя меньше, чѣмъ знаетъ эта Монгомери. Во

всякомъ случаѣ, постарайся быть поприличнѣе, когда пойдешь въ президію.

Съ этими словами она увела его къ себѣ. Бриммеръ, послѣ тщетной попытки отдѣлаться отъ своей неловкости, попытался самъ начать атаку.

— Господи! — съ неподдѣльнымъ негодованіемъ сказалъ онъ женѣ:—поди и одѣнься поприличнѣе. Неужели у тебя нѣтъ ни денегъ, ни кредита на покупку платья? Увѣряю тебя, что я даже не сразу узналъ тебя; а когда узналъ, то сконфузился, да еще при миссисъ Маркгемъ.

— У Маркгемъ, кажется, теперь и своихъ хлопотъ довольно,—рѣзко сказала Бриммеръ, отворачиваясь со слезами досады на глазахъ и направляясь, въ сопровожденіи мужа, къ себѣ въ комнату.

Не обращая вниманія на эту комедію, Ричардъ и Элеонора Кинъ ушли, держась за руки, какъ во дни дѣтства. Но къ радости видѣть брата въ душѣ дѣвушки примѣшивалось какое-то странное чувство. Ей было совѣстно, что, послѣ перваго же радостнаго порыва, ей захотѣлось бѣжать къ Чарльстону и разсказать ему о своемъ счастьѣ. Она не могла постичь, почему веселое здоровое лицо брата не вытѣснило изъ ея сердца грустнаго лица Чарльстона. Когда они въ третій разъ разсказали другъ другу свою прошлую исторію, Дикъ, обнявъ дѣвушку за талію и улыбаясь, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза:

— Итакъ, моя крошечная Нелли, всѣ къ тебѣ хорошо относились, и ты была счастлива.

— Всѣ отлично ко мнѣ относились, Дикъ, гораздо лучше, чѣмъ я заслуживала. Если бы я дѣйствительно была такой важной особой, какой меня считаетъ Изабелла, и тогда нельзя было бы лучше обращаться со мной. Кромѣ уваженія и вниманія, я ничего не видала. Я была счастлива, очень счастлива.

Она бросилась на шею къ брату и разрыдалась, какъ ребенокъ.

Между тѣмъ извѣстіе о прибытіи иностранцевъ проникло въ миссію, и падре Эстебанъ второпяхъ былъ призванъ въ совѣтъ. Онъ вернулся къ Чарльстону, озабоченный. Разсказавъ обо всемъ, что случилось, патеръ прибавилъ:

— Какъ видите, сынъ мой, само Провидѣніе вмѣшалось, чтобы избавить меня отъ жертвы, которую я хотѣлъ принести. Я преклоняюсь передъ его неисповѣдимыми путями, а вы, Діего можете только радоваться, что дѣвушка прямо перешла подъ покровительство своего брата. Вы молчите, сынъ мой?—тре-

вожно продолжалъ священникъ:—развѣ вы недовольны тѣмъ, что случилось?

Молодой человѣкъ отвѣчалъ съ упрекомъ:

— Неужели вы считаете меня такимъ слабохарактернымъ? Нѣтъ, мнѣ надо уѣхать отсюда, не медля ни минуты.

— Вамъ? — проговорилъ священникъ. — Но какъ это сдѣлать?

— Такъ же, какъ вы хотѣли устроить ея отъѣздъ. Я займу ея мѣсто на кораблѣ, котораго вы ожидаете. Вы дадите мнѣ письма къ вашимъ друзьямъ. Можетъ-быть, мнѣ удастся даже вернуться, если я останусь живъ.

Падре Эстебанъ задумался.

— Согласны вы свезти отъ меня письмо архіепископу и отдаться подъ его покровительство?—послѣ долгаго молчанія спросилъ онъ наконецъ.—Обѣщаете мнѣ это?

— Обѣщаю.

— Въ такомъ случаѣ мы подумаемъ, что можно сдѣлать.

Повидимому, опасенія Чарльстона не имѣли основанія. Въ хлопотахъ послѣдующихъ дней отшельникъ былъ забытъ. Фамилія Монгомери только одинъ разъ была упомянута Элеонорою Кинъ. Когда Дикъ сталъ восхищаться кокетливой Изабеллой, Элеонора посмотрѣла прямо въ лицо брату и многозначительно проговорила:

— А кто же эта странная женщина Монгомери?

Дикъ засмѣялся искренно, весело:

— Удивительная особа! Жаль, что ты ее не видала.

— Я увѣрена, что она ужасна:

— Вовсѣ нѣтъ... она далеко не ужасна. Не занимайся она поэзіей и всякой белибердой, которая ей вовсе не къ лицу... Хотя эти господа...—Онъ вдругъ остановился изъ чувства деликатности передъ Бриммеромъ и Маркгемомъ.—Дѣло въ томъ, что она до смѣшного восторгалась этимъ Перкинсомъ, котораго она, между прочимъ, никогда не видала.—Не смѣшно ли, когда женщина, какъ дѣвчонка, обожаетъ пирата? Вы всѣ, женщины, любите таинственность.

— Я не люблю! — покраснѣвъ, рѣзко возразила миссъ Кинъ,—но я все-таки не понимаю, что общаго между тобою и ею.

— Очень много. Она была въ перепискѣ съ Перкинсомъ, знала все, что дѣлалось съ «Эксцельсіоромъ» и, какъ видишь, хотѣла помочь ему выйти сухимъ изъ воды. Потому-то она къ намъ и обратилась. Конечно, Нелли, она совсѣмъ не въ такомъ родѣ, какъ ты; но все-таки мы должны быть ей благодарными за то, что она сообщила намъ, гдѣ вы. Теперь всѣ наши дѣла съ нею

кончились. Она покинула насъ въ Мазатланѣ, и поѣхала въ Никарагуа, чтобы видѣться съ Перкинсомъ, такъ какъ, повидимому, у этого господина всегда какая нибудь революція на рукахъ. Пока его не запрутъ или не разстрѣляютъ, онъ все будетъ заниматься освобожденіемъ угнетенныхъ.

— Такъ, значитъ, никакого мужа у Монгомери нѣтъ?

— Мужа? Я думаю, Нелли, что эта женщина, видя чопорность Бриммера, просто изобрѣла мужа, чтобы придать себѣ болѣе порядочный видъ.

— Какой позоръ!—съ негодованіемъ вскричала Нелли.

— Полно! Можно, право, подумать, что у тебя личная ненависть къ этой особѣ. Забудь ее... она не будетъ больше безпокоить тебя, да и врядъ ли будетъ вообще кого-нибудь безпокоить.

— Что ты хочешь сказать, Дикъ?

— Что она положительно истощила себя истерикой, волненіями и разлпчными лѣкарствами, которыя вѣчно принимала... я ужъ не говорю о панамской лихорадкѣ, схваченной ею весною. Если она не сойдетъ съ ума, то во всякомъ случаѣ переѣзжая перешеекъ и дожидаясь Перкинса, опять заболѣетъ лихорадкой.

Между тѣмъ въ замкнутой отъ всякихъ внѣшнихъ волненій миссіи дни проходили совершенно спокойно. Но однажды подъ вечеръ, въ сумерки, легко одѣтый индѣецъ проскользнулъ въ ризницу и, выйдя обратно, исчезъ въ туманѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ дверяхъ комнаты Чарльстона показалось взволнованное лицо священника.

— Сынъ мой, Господь Богъ былъ настолько милостивъ, что сразу прекратилъ вашъ искусъ. Корабль далъ условленный сигналъ. Черезъ часъ шлюпка будетъ ждать за двѣ мили отсюда. Готовы ли вы? И не измѣнили ли своего рѣшенія?

— Я готовъ,—сказалъ Чарльстонъ,—готовъ съ той самой минуты, какъ вы дали мнѣ свое согласіе.

Губы старика слегка дрогнули, и большая смуглая рука затряслась, опираясь о столъ; но онъ заставилъ себя успокоиться и поспѣшно сказалъ:

— Внизу, въ саду, стоитъ осѣдланный для васъ мулъ. Вы поѣдете вдоль берега до индѣйскаго креста. Въ лодкѣ васъ будетъ ждать повѣренный церкви. Ему вы скажете: «Гвадалахара», и отдадите эти письма. Одно изъ нихъ адресовано капитану. Никакихъ другихъ рекомендацій вамъ не потребуется. Онъ положилъ бумаги на столъ и, обратившись къ Чарльстону, поднялъ дрожащія руки.— А теперь, сынъ мой, дай Богъ...—

Онъ остановился и уронилъ дрожащія руки на плечи Чарльстона.

Съ минуту молодой человѣкъ поддерживалъ въ своихъ объятіяхъ старика, потомъ осторожно посадилъ его въ кресло и въ первый разъ сталъ передъ нимъ на колѣни. Наступило молчаніе; губы падре Эстебана безмолвно шевелились; старикъ съ печальной улыбкой положилъ свои руки на голову молодому человѣку. Вдругъ Чарльстонъ вскочилъ, приложился къ рукѣ старика и выбѣжалъ на улицу.

Луна бросала сквозь туманъ печальный, тусклый свѣтъ, совершенно такой же, какъ въ первую ночь его появленія въ Тодосъ-Сантосѣ. Доѣхавъ до креста, онъ слѣзъ съ мула и, сорвавъ нѣсколько листочковъ растеній, обвивавшихъ крестъ, положилъ къ себѣ на грудь. Затѣмъ, онъ поѣхалъ опять до мѣста, указаннаго патеромъ, гдѣ, оставивъ мула, пошелъ пѣшкомъ по сырому песку, не спуская глазъ съ полосы воды, не совсѣмъ закрытой туманомъ. По временамъ ему казалось, что сзади него кто-то идетъ, а сбоку слышатся голоса. Съ негодованіемъ онъ направился къ преслѣдователю, но тотъ быстро скрылся въ туманѣ. Вернувшись на прежнее мѣсто, онъ съ удивленіемъ увидалъ лодку съ двумя гребцами. При видѣ его, гребцы подошли ближе къ берегу. Онъ хотѣлъ сказать пароль, данный ему священникомъ, но увидалъ, что въ лодкѣ сидѣли простые гребцы, а повѣреннаго церкви не было. Вѣроятно, его-то онъ и спугнулъ на берегу. Чарльстонъ въ нерѣшимости остановился.

— Тутъ нѣтъ другой лодки? — спросилъ онъ.

Гребцы посмотрѣли другъ на друга, и одинъ изъ нихъ, пожавъ плечами, сказалъ:

— А кто же ее знаетъ?

Чарльстонъ, не колеблясь больше, сѣлъ въ лодку.

Густой туманъ окружилъ его какъ и въ тотъ день, когда онъ вплавь перебирался на берегъ. Когда онъ поднялся на корабль и ступилъ на палубу, онъ увидалъ что-то знакомое. Какой-то офицеръ подошелъ къ нему и провелъ внизъ въ каюту. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ увидалъ, что дверь въ каюту отворилась и затворилась за вѣчно улыбающимся, вѣчно услужливымъ Перкинсомъ. Лицо освободителя Квинквинамбо выражало удивленіе, тѣмъ не менѣе онъ подошелъ къ Чарльстону и протянулъ ему руку.

— Вотъ это сюрпризъ, такъ сюрпризъ, дорогой мой! Я не думалъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны вы. А все-таки я очень радъ, что вижу васъ на «Эксцельсіорѣ».

VII.

Возвращеніе „Эксцельсіора“.

Несмотря на удивленіе и разочарованіе, Чарльстонъ, однако, не потерялъ присутствія духа.

— Тутъ произошла ошибка, — холодно сказалъ онъ.— Ждали вы, очевидно, не меня.

— Развѣ васъ послалъ не Винслоу?

— Нѣтъ. Ожидаемаго вами человѣка я, должно-быть, встрѣтилъ на берегу. Онъ, несомнѣнно, испугался меня и невольно уступилъ мнѣ свое мѣсто въ лодкѣ.

Перкинсъ пристально посмотрѣлъ на Чарльстона, вышелъ, отдалъ какое-то приказаніе и вернулся.

— Если честь вашего посѣщенія предназначалась не мнѣ,— улыбаясь, началъ онъ,—то позвольте спросить васъ, дорогой мой, кого и на какомъ кораблѣ надѣялись вы встрѣтить? Въ Тодосъ-Сантосѣ, сколько мнѣ помнится, не бываетъ такого количества кораблей, чтобы легко можно было сѣсть на чужое судно.

— Я принужденъ отказаться отъ отвѣта,—рѣзко сказалъ Чарльстонъ.

Перкинсъ, по обыкновенію, вѣжливо улыбнулся.

— Мой дорогой другъ,—сказалъ онъ,—развѣ вы забыли, что при обстоятельствахъ, для васъ гораздо болѣе важныхъ, я не выказалъ ни малѣйшаго желанія узнать вашу тайну? — Чарльстонъ кивнулъ головой. — И теперь у меня нѣтъ этого желанія. Но, ради нашихъ будущихъ хорошихъ отношеній, позвольте мнѣ отвѣтить за васъ. Вы пріѣхали сюда въ качествѣ делегата отъ миссіи Тодосъ-Сантоса, посланнаго въ духовную комисію Гвадалахары, корабль которой заходитъ сюда въ каждые три года разъ. Теперь онъ тутъ. Вы только ошиблись и попали не на тотъ корабль.

Чарльстонъ продолжалъ молчать.

— Это не тайна,—весело продолжалъ Перкинсъ,—и я, съ своей стороны тоже, не стану скрывать, зачѣмъ я здѣсь. Я пріѣхалъ по приглашенію нѣкоторыхъ недовольныхъ патріотовъ Тодосъ-Сантоса, чтобы помочь имъ избавиться отъ тираніи церкви и правительства. Мнѣ посчастливилось опередить прибытіе вашего корабля, какъ вамъ посчастливилось опередить прибытіе моего посланнаго. Я вдвойнѣ счастливъ, такъ какъ буду имѣть удовольствіе провести съ вами вечеръ, и затѣмъ мнѣ останется только послать лодку за другимъ господиномъ, котораго вы, конечно, знаете.

— Позвольте мнѣ снова замѣтить вамъ, сеніоръ Перкинсъ, — серьезно сказалъ Чарльстонъ,—что я не имѣю никакихъ сношеній съ какой-либо политической партіей и не могу сочувствовать вашимъ дѣйствіямъ противъ здѣшнихъ властей

— Я готовъ вѣрить, что у васъ нѣтъ политическихъ мнѣній, дорогой мой, поэтому мы не станемъ разбирать, что за власти въ Тодосъ-Сантосѣ. Можетъ-быть, завтра они очутятся здѣсь, на кораблѣ, и вы отправитесь вмѣстѣ съ ними.

— А до тѣхъ поръ,—сухо сказалъ Чарльстонъ,—позвольте мнѣ поправить мою ошибку и вернуться на берегъ.

— Въ настоящую минуту, я не нахожу этого удобнымъ,— вѣжливо отвѣчалъ Перкинсъ и вышелъ.

Свиданіе Перкинса съ нарочнымъ происходило въ сосѣдней каютѣ и длилось очень долго. Чарльстонъ слышалъ, какъ нарочный горячился, возвышая голосъ, но Перкинсъ продолжалъ говорить совершенно спокойно. Отъ нечего дѣлать молодой человѣкъ сталъ перебирать лежавшіе передъ нимъ бумаги и отбросилъ первый листокъ, увидѣвъ, что это поэтическія упражненія Перкинса. Въ эту минуту дверь отворилась, и въ каюту вошелъ вѣчно улыбающійся и сіяющій Перкинсъ.

— Вы, кажется, пробѣгали эти стихотворенія,—сказалъ онъ, указывая на рукопись, брошенную Чарльстономъ.— Это я началъ небольшую вещицу въ честь одной даровитой женщины, теперь уже навѣки успокоившейся. Вы, можетъ-быть, слыхали объ Эвфиміи Коркль изъ Иллинойса?

Чарльстонъ смутно помнилъ, что гдѣ-то слышалъ эту фамилію. Желая соблюсти вѣжливость, онъ спросилъ:

— Такъ эта особа уже умерла?

— Если это выраженіе можно употребить о безсмертномъ человѣкѣ, то она умерла,—отвѣчалъ Перкинсъ.—Бренные останки этой талантливой женщины отправлены для погребенія въ Кеокукъ, на ея родину.

— Такъ она изъ Кеокука?—безъ особеннаго интереса спросилъ Чарльстонъ.

— Консулъ говорилъ, что она сказала такъ священнику.

— Вы, значитъ, не были при ея кончинѣ?—разсѣянно спросилъ Чарльстонъ.

— Я никогда не видалъ ея ни прежде, ни послѣ,—серьезно отвѣчалъ Перкинсъ и, замѣтивъ удивленіе Чарльстона,

продолжалъ. — Мы никогда не видались съ покойной и лично были незнакомы другъ съ другомъ.

— Вы никогда не видали особы, возбудившей въ васъ такія восторженныя чувства?

— Никогда. Это совершенно романическая исторія,— смущенно улыбнулся Перкинсъ.—Позвольте мнѣ разсказать вамъ ее. Года три тому назадъ, я послалъ въ одну западную газету, редактируемую моимъ пріятелемъ, стихотвореніе на любимую мою тему: «Освобожденіе человѣчества». Безъ хвастовства скажу, что стихотвореніе имѣло большой успѣхъ, можетъ-быть, потому, что оно было написано на животрепещущую тему. Но никакія похвалы не тронули меня такъ, какъ отвѣтное стихотвореніе, подписанное «Эвфимія». Въ стихотвореніи этомъ говорилось объ освобожденіи женщинъ, несчастныхъ въ бракѣ. Черезъ недѣлю я отвѣтилъ новымъ стихотвореніемъ о свободѣ женщинъ, на которое появилось второе стихотвореніе даровитой поэтессы. Затѣмъ редакторъ деликатно замѣтилъ намъ, что для поэтической переписки у него нѣтъ свободнаго мѣста въ газетѣ, и намъ пришлось прекратить этотъ обмѣнъ мыслей. Послѣ того я досталъ адресъ прелестной Эвфиміи, и между нами началась горячая переписка, и въ Квинквинамбо я продолжалъ переписываться съ ней, такъ какъ чрезвычайно дорожилъ ея нравственной поддержкой. Она принимала горячее участіе въ судьбѣ пассажировъ «Эксцельсіора», и по ея просьбѣ я сообщилъ мексиканскому правительству, куда высадилъ всѣхъ васъ. Если васъ интересуетъ литературная дѣятельность этой женщины и ея письма, вы на досугѣ можете просмотрѣть ихъ. Тутъ же приложенъ и ея дагерротипный портретъ.

Говоря это, онъ положилъ на столъ свертокъ.

— Извините меня, — отвѣчалъ сконфуженный Чарльстонъ,—но я чистосердечно признаюсь, что теперь голова моя занята совсѣмъ другимъ. Если вы оставите мнѣ эти бумаги, то когда-нибудь, въ другой разъ, я ихъ просмотрю.

— Какъ хотите,—съ обычной любезностью сказалъ Перкинсъ.—Не желаете ли пойти на палубу?

Онъ вышелъ изъ каюты, а Чарльстонъ совершенно машинально посмотрѣлъ на свертокъ. Вдругъ щеки его вспыхнули; онъ быстро оглянулся на вышедшаго Перкинса и схватилъ рукопись. Она была написана рукою его жены. Въ головѣ у него мелькнула мысль, освѣтившая всю только-что разсказанную исторію. Онъ схватилъ ящичекъ чернаго дерева и дрожащими руками открылъ его. Тамъ былъ полинявшій дагерротипный портретъ его жены.

ПОЖАЛУЙСТА

VIII.

Заложникъ.

Революція въ Тодосъ-Сантосѣ произошла такъ миролюбиво, какъ только могъ пожелать того освободитель Квинквинамбо. Двѣ прокламаціи, грубо напечатанныя, были вывѣшены на площади и поддержаны отрядомъ въ сотню солдатъ, который тотчасъ же выбралъ главнокомандующимъ, при новомъ образѣ правленія, своего стараго коменданта. Толпа простонародья, видя, что происходитъ что-то небывалое, бросилась на площадь.

Нелли Кинъ, вмѣстѣ съ другими дамами миссіи, волновалась гораздо болѣе предстоящимъ свиданіемъ, чѣмъ совершившимися событіями. Но Чарльстона тамъ не оказалось. Падре Эстебанъ принялъ ее такъ холодно, что она не могла приписать эту холодность исключительно сочувствію американцевъ инсургентамъ. Когда Ричардъ Кинъ, проводивъ сестру, спросилъ у священника объ американскомъ отшельникѣ, старикъ отвѣчалъ, что Чарльстонъ, какъ истинный христіанинъ, одинъ только рѣшился поѣхать на корабль къ Перкинсу, чтобы высказать ему свое негодованіе. Падре Эстебанъ уже зналъ ошибку Чарльстона и возненавидѣлъ Элеонору, какъ главную причину несчастія. Не будь ея, Діего остался бы съ нимъ въ президіи.

Вскорѣ въ саду миссіи послышались шаги отряда, и въ отворенной двери появилась фигура Перкинса. Черезъ плечо у него шла зеленая лента, а на золотомъ поясѣ, за которымъ торчали пистолеты, висѣла легкая шпага. Одѣтъ онъ былъ въ свой вѣчный черный сюртукъ; круглая шляпа, по обыкновенію надѣтая на затылокъ, не прикрывала лба.

— Я думалъ, что хоть эта обитель застрахована отъ вторженія беззаконниковъ,—серьезно сказалъ священникъ.—Какъ вы смѣли войти сюда?

— Я вошелъ только изъ желанія предложить свои услуги красотѣ, невинности, безпомощности, и... если вы позволите мнѣ прибавить—изъ желанія засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что нѣкоторыя индѣйскія племена, управляемыя этой миссіей, по неразумному внушенію кого-то изъ монхъ товарищей-патріотовъ, взбунтовались и грозятъ не пощадить даже этого святого убѣжища.

— Это неправда!—съ негодованіемъ вскричалъ Эстебанъ.—Даже подъ проклятымъ вліяніемъ вашихъ эмиссаровъ, бѣд-

ные идолопоклонники не посмѣли бы поднять руку противъ церкви, которая служила имъ спасеніемъ.

Перкинсъ ласково, но печально улыбнулся.

— Ваша увѣренность дѣлаетъ вамъ честь, святой отецъ. Но для того, чтобы не терять времени, позвольте мнѣ представить вамъ человѣка, которому вы, кажется, вѣрите безусловно. Онъ подтвердитъ мои слова.—Онъ отступилъ и пропустилъ впередъ стоявшаго за нимъ Чарльстона. Патеръ вскрикнулъ отъ радости. Миссъ Кинъ сильно покраснѣла. Чарльстонъ бросилъ на нее пристальный взглядъ, смутившій дѣвушку, и затѣмъ съ протянутой рукой, подошелъ къ падре Эстебану.

— Это совершенно вѣрно,—поспѣшно заговорилъ онъ.— Индѣйцевъ, безъ вѣдома сеніора Перкинса, предательски возстановили противъ церкви. Чтобы избавить васъ отъ печальныхъ послѣдствій, онъ предлагаетъ вамъ и этимъ дамамъ перебраться на «Эксцельсіоръ».

— Во всякомъ случаѣ я радъ буду предложить вамъ гостепріимство на «Эксцельсіорѣ»,—любезно сказалъ Перкинсъ,— и настоятельно просилъ бы позволенія самому проводить васъ и дорогихъ дамъ; но мое присутствіе нужно въ другомъ мѣстѣ. Оставляю вамъ,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Чарльстону, занятому разговоромъ съ Эстебаномъ,—конвой, чтобы проводить дамъ до лодокъ, на которыхъ мы пріѣхали сюда. Свезите ихъ на «Эксцельсіоръ» и завтра будьте съ кораблемъ въ Тодосъ-Сантосѣ. Спокойной ночи, прощайте.

Священникъ хотѣлъ протестовать, но его остановилъ Чарльстонъ.

— Неужели онъ воображаетъ,—въ негодованіи вскричалъ священникъ,—что я, падре Эстебанъ, забуду свой долгъ и оставлю святую обитель на поруганіе? Пока я живъ, этого не будетъ, Діего. Кликните его и скажите это.

— Лучше послушайте меня, отецъ Эстебанъ,—серьезно сказалъ Чарльстонъ. — У меня есть планъ избѣгнуть опасности. Зная индѣйцевъ, я увѣренъ, что они кѣмъ-то обмануты; я твердо убѣжденъ, что ихъ можно уговорить,— убѣжденъ до такой степени, что готовъ отправиться къ нимъ и попытать счастья. Старый предводитель и часть его племени собрались на берегу; проѣзжая въ лодкѣ, мы слышали ихъ разговоръ. Я отправлюсь къ нимъ. Если мнѣ удастся убѣдить ихъ, я вернусь; если же они окажутся неподатливыми, я все-таки отвлеку ихъ вниманіе отъ миссіи, и вы успѣете отправить дамъ на корабль. Если черезъ два часа меня не будетъ, отправляйте ихъ.

— Два часа!—вмѣшалась миссисъ Бриммеръ.—Я положительно протестую. Приглашеніе Перкинса, какъ я поняла,

было сдѣлано по приказанію мистера Бриммера, и поэтому я принимаю его безусловно, и вовсе не намѣрена подвергать миссъ Чебъ и себя безполезной опасности въ продолженіе двухъ часовъ, по прихоти человѣка, совершенно неизвѣстнаго мистеру Бриммеру.

— Я готова остаться съ отцомъ Эстебаномъ, если только онъ позволитъ,—спокойно заявила миссъ Кинъ,—такъ какъ вѣрю въ смѣлость и вліяніе мистера Чарльстона, и убѣждена, что онъ будетъ имѣть успѣхъ.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ ее пламеннымъ взоромъ, который вызвалъ краску на ея лицо.

— Если Нелли остается, — живо проговорила Маркгемъ,—то и мнѣ слѣдуетъ остаться съ нею, даже не дожидаясь приказанія мужа.

— Я не вижу причинъ не исполнить желанія мистрисъ Бриммеръ,—сурово сказалъ Чарльстонъ.—Къ счастью, тутъ ждутъ двѣ лодки; мистрисъ Бриммеръ и миссъ Чебъ могутъ сѣсть въ одну изъ нихъ и тотчасъ же поѣхать на «Эксцельсіоръ». Я провожу ихъ до лодки. А теперь,—продолжалъ онъ, со сверкающими глазами обращаясь къ священнику, — мнѣ остается только попросить вашего благословенія. Если я буду имѣть успѣхъ, вамъ придется согласиться, что и простой смертный, даже еретикъ, можетъ быть полезенъ церкви.— Въ ту минуту, какъ старикъ опустилъ свои руки ему на плечи, молодой человѣкъ воспользовался случаемъ и шепнулъ ему:— Помните ваше обѣщаніе разсказать ей все.—Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на миссъ Кинъ и вышелъ вслѣдъ за миссисъ Бриммеръ и миссъ Чебъ.

Миссъ Кинъ съ восторгомъ смотрѣла ему вслѣдъ, удивляясь происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Въ безопасности его она была увѣрена, какъ и въ успѣхѣ. Поднявъ голову, она увидала, что Маркгемъ спитъ въ креслѣ, а Эстебанъ пристально смотритъ на нее. Онъ всталъ и пошелъ къ двери ризницы, куда позвалъ и ее. Молодая дѣвушка тихо пошла вслѣдъ за нимъ. Черезъ полчаса Элеонора Кинъ, опершись на руку, продолжала сидѣть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ. Эстебанъ сказалъ ей все. Теперь она знала исторію, которую Чарльстонъ разсказалъ патеру въ той самой церкви, даже, можетъ-быть, на томъ самомъ мѣстѣ. Она знала, что онъ искалъ въ этихъ стѣнахъ мира и покоя, и вмѣсто нихъ нашелъ страстную любовь къ ней. Она узнала, какъ онъ отчаянно боролся противъ своего чувства, какъ согласился на добровольное изгнаніе. Она знала, что теперь обстоятельства перемѣнились, такъ какъ въ рукахъ Перкинса оказались не

только письма его покойной жены, но даже свидѣтельство о ея смерти. Она была такъ счастлива; она страстно желала и вмѣстѣ боялась встрѣчи съ Чарльстономъ. Что если съ нимъ случится что-нибудь?.. Если онъ не вернется?.. Господи, что же это такое?

Она сидѣла около дверей ризницы и смотрѣла въ полуосвѣщенную церковь. Или она съ ума сошла или индѣйцы тихо приближались къ ней? Она въ невыразимомъ страхѣ поднялась и бросилась къ открытому окну; спустившись съ него, она пробралась къ стѣнѣ. Мѣсяцъ слабо свѣтилъ сквозь туманъ, но тѣмъ не менѣе она ясно видѣла всюду страшныя лица индѣйцевъ. Съ ужасомъ бросилась она къ калиткѣ, но въ ту же минуту почувствовала, что голыя фигуры подняли ее и съ крикомъ понесли изъ сада. Несмотря на испугъ, она все-таки видѣла, что индѣйцы кричатъ не отъ ярости, а отъ удовольствія, и несутъ ее очень осторожно. Вскорѣ она очутилась на спинѣ мула. Ея крики и зовъ заглушались возгласами окружавшихъ ее индѣйцевъ. Она замѣтила, что ее везли въ ту же сторону, куда часъ тому назадъ ушелъ Чарльстонъ. Или онъ былъ не въ силахъ уговорить ихъ и просилъ привезти ее къ нему, ради безопасности, или же разсчитывалъ остановить ихъ дорогой. Она вдохнула въ себя морской вѣтеръ, и поняла, что они ѣдутъ по берегу.

Вдругъ шествіе остановилось. Общій говоръ былъ прерванъ голосомъ, его голосомъ! Она хотѣла обернуться къ нему, но была приподнята и посажена на что-то мягкое, въ родѣ мха. Посмотрѣвъ хорошенько, она увидала, что передъ нею индѣйскій крестъ. Толпа отступила; она отъ слабости закрыла глаза, но все-таки чувствовала, что чья-то сильная рука обвилась вокругъ ея тальи.

— Скажите мнѣ что-нибудь... миссъ Кинъ... Элеонора!— прошепталъ голосъ Чарльстона. — О Господи! Они убили ее!

Сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, она повернула голову и хотѣла улыбнуться. Глаза и уста ихъ встрѣтились, и она лишилась чувствъ.

Она пришла въ себя въ лодкѣ «Эксцельсіора», гдѣ сидѣла, прислонившись къ плечу миссисъ Маркгемъ. Поднявъ голову, она вскрикнула:—Чарльстонъ!

— Все обстоитъ благополучно,—успокоила ее Маркгемъ,— онъ на берегу съ падре. Я не могу прійти въ себя отъ изумленія! Эти дураки-индѣйцы не сумѣли выразить Чарльстону своего нежеланія причинить намъ какой-нибудь вредъ иначе, какъ потащивъ насъ въ свою миссію, какъ они называютъ этотъ крестъ! И представьте себѣ, что все это время мы

съ падре ѣхали за вами, и они ни за что не согласились пропустить насъ впередъ, потому что желали выразить,—она понизила голосъ и прошептала дѣвушкѣ на ухо,—свое особенное уваженіе вамъ, какъ будущей женѣ Чарльстона. Повидимому, они что-то замѣтили въ тотъ разъ, какъ вы сидѣли съ нимъ у креста. А мнѣ вѣдь вы ни словомъ не намекнули объ этомъ.

Пріѣхавъ на «Эксцельсіоръ», они увидали, что миссисъ Бриммеръ уже заняла лучшую каюту и, какъ хозяйка, любезно встрѣтила новоприбывшихъ.

Такъ какъ большая часть ночи уже прошла, то Маркгемъ и Элеонора выразили желаніе ждать утра на палубѣ.

Разговоръ между пассажирами мало-по-малу замолкъ, и Маркгемъ задремала. Влюбленные сидѣли вмѣстѣ. Они мало говорили о будущемъ. Элеонора была увѣрена, что братъ ея не станетъ противиться ихъ браку; онъ высказывалъ намѣреніе заняться дѣлами въ Тодосъ-Сантосѣ, и она думала, что они прекрасно могутъ устроиться вмѣстѣ. Чарльстонъ еще не сказалъ ей, что, просмотрѣвъ бумаги жены, онъ убѣдился, что состояніе его не только не истрачено, а, напротивъ, увеличено, и что онъ богатый человѣкъ. Онъ только пожималъ ей руку и шепталъ, что ея желанія будутъ также и его желаніями. Они затѣмъ снова замолчали, а «Эксцельсіоръ» тихо шелъ, выискивая мѣсто гдѣ бы онъ могъ бросить якорь. Вдругъ послышался крикъ:

— Спускай паруса!

По палубѣ началась бѣготня. Шкиперъ съ проклятіями бросился на носъ. Въ ту же минуту сбоку обрисовались остовъ и мачты громаднаго корабля. Экипажъ растерялся и только кричалъ, размахивая руками. Не успѣлъ шкиперъ отдать приказаніе, какъ «Эксцельсіоръ» ударился о бортъ другого корабля, съ котораго тотчасъ же соскочило нѣсколько человѣкъ на его палубу. Впереди чужихъ матросовъ шелъ человѣкъ, при видѣ котораго шкиперъ съ ужасомъ отшатнулся назадъ:

— Капитанъ Бенкеръ!

— Да,—насмѣшливо усмѣхаясь, сказалъ капитанъ,—онъ самый. Да, Бенкеръ, прежній капитанъ этого американскаго корабля «Экспельсіора», а теперь капитанъ мексиканскаго корабля «Ла-Тринидадъ». Капитанъ Бенкеръ, въ открытой лодкѣ изучившій каждый футъ этого канала въ прошломъ августѣ и не забывшій его и вчера, при проводѣ большого корабля. Капитанъ Бенкеръ, только что высадившій отрядъ

драгунъ, чтобы освободить президію. Ну, что вы скажете на это, Макъ-Карти, а?

— Я скажу,—отвѣчалъ Макъ-Карти, стараясь крикомъ побѣдить свое волненіе,—что Перкинсъ высадился вчера съ двойнымъ количествомъ солдатъ, и что черезъ полчаса онъ будетъ здѣсь и накажетъ васъ за оскорбленіе, нанесенное его кораблю и его правительству.

— Правительству!—съ хохотомъ повторилъ Бенкеръ. — Слышите: его правительству! Его правительство умерло сегодня въ четыре часа утра, когда возбужденные имъ же мятежники выдали его властямъ. Революція ваша кончилась, и генералиссимусъ Леонидъ Перкинсъ сидитъ въ заточеніи, въ президіи.

IX.

Освобожденный.

Революція дѣйствительно кончилась. Неожиданное появленіе гарнизона въ Тодосъ-Сантосѣ положило конецъ распрямъ, начавшимся среди возставшихъ; недовольные съ Бресомъ и Винслоу во главѣ отпали отъ Перкинса и его приверженцевъ и перешли на сторону прежняго правительства, которое, въ свою очередь, обѣщало полную амнистію всѣмъ остальнымъ за предательскую выдачу самого освободителя. Роль, которую сыгралъ въ этомъ дѣлѣ капитанъ Бенкеръ, появленіе котораго вызвало катастрофу и положило всему конецъ, была, однако, чисто случайная. Когда онъ выздоровѣлъ и послѣдующія событія подтвердили справедливость его показаній, то мексиканское правительство, примирившееся съ Квинвкинамбо, сочло себя обязаннымъ внять его просьбамъ и предоставило его командѣ миссіонерскій корабль, разрѣшивъ ему снова открыть морской каналъ для входа въ Тодосъ-Сантосъ; тайна этого пути была утеряна правительствомъ полстолѣтія тому назадъ. Онъ прибылъ какъ разъ въ тотъ счастливый для него моментъ, когда отрядъ Перкинса былъ разбросанъ вдоль берега, и драгуны Бенкера вступили въ Тодосъ-Сантосъ безъ сопротивленія.

Все это обстоятельство было сообщено Чарльстону, когда онъ вмѣстѣ со всѣми дамами снова высадился на берегъ. «Эксцельсіоръ» перешелъ въ руки мексиканскихъ властей. Чарльстонъ не преминулъ высказать падре Эстебану свое негодованіе по поводу предательскаго захвата сеніора Перкинса. Но, къ удивленію, осторожный священникъ только пожалъ плечами и сдѣлалъ усиленную понюшку табаку.

—Будьте осторожны, Діего, — сказалъ онъ. — Вы, конечно, по необходимости чувствуете благодарность къ этому человѣку за извѣстія, которыя онъ вамъ доставилъ, — нѣтъ, даже больше того: за то, что онъ, быть-можетъ, служилъ орудіемъ Провидѣнія, чтобы сократить дни постыдной жизни этой женщины, — но это не даетъ вамъ права закрывать глаза передъ его позорною политическою дѣятельностью. Я готовъ вѣрить, что не онъ вызвалъ возстаніе язычниковъ противъ насъ, но его эмиссары и его лжеученія заразили ядомъ ереси тѣ чистые источники, изъ которыхъ пили еще не совсѣмъ твердые въ вѣрѣ индѣйцы. Довольно! Будьте благодарны, но не ждите отъ меня, чтобы я сталъ защитникомъ Ваала и Астарты!

— Защитникомъ!— воскликнулъ Чарльстонъ, встревоженный проповѣдническимъ тономъ и суровымъ выраженіемъ лица стараго священника. — Надѣюсь, что совѣтъ не отнесется слишкомъ строго къ человѣку, который выданъ людьми, такими же преступными, какъ онъ самъ?

Падре Эстебанъ отвелъ глаза въ сторону и произнесъ съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Кто знаетъ? Безъ непріятностей для сеніора Перкинса дѣло, конечно, не обойдется. Безъ сомнѣнія, ихъ всѣхъ отправятъ подъ конвоемъ въ Мексику на конфискованномъ «Эксцельсіорѣ».

— Мнѣ нужно видѣть сеніора Перкинса! — неожиданно воскликнулъ Чарльстонъ.

Священникъ задумался.

— Когда? — спросилъ онъ предусмотрительно.

— Сейчасъ.

— Хорошо.

Онъ поспѣшно написалъ нѣсколько словъ на листѣ бумаги, сложилъ его, запечаталъ и вручилъ Чарльстону.

— Вручите это коменданту. Онъ васъ допуститъ къ заключенному.

Не прошло получаса, какъ Чарльстонъ стоялъ уже передъ комендантомъ. Событія послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ замѣтно повліяли на дона Мигуэля; хотя онъ принялъ Чарльстона вѣжливо, но лицо его, какъ и лицо падре Эстебана, имѣло крайне суровое выраженіе. Онъ прочелъ записку падре.

— Я предоставляю въ ваше распоряженіе десять минутъ, донъ Діего. Больше не могу.

Немного изумленный обращеніемъ коменданта, Чарльстонъ поклонился и пошелъ вслѣдъ за нимъ черезъ дворъ. Дворъ былъ наполненъ солдатами; близъ воротъ былъ выстроенъ въ

два ряда взводъ драгунъ съ заряженными винтовками. Около открытыхъ дверей, выходящихъ на дворъ, стояло двое часовыхъ. Передъ этою дверью комендантъ остановился и жестомъ пригласилъ Чарльстона войти. Они вступили въ обширную квадратную комнату, въ которую свѣтъ проникалъ только черезъ открытую дверь и рѣшетчатое окно надъ нею. За простымъ некрашенымъ столомъ сидѣлъ сеніоръ Перкинсъ и спокойно писалъ что-то; онъ былъ безъ сюртука. Тѣнь Чарльстона, упавшая на бумагу, заставила его поднять голову.

Всѣ тревоги и опасенія Чарльстона сразу разсѣялись отъ сердечнаго, веселаго, даже радостнаго привѣта, съ которымъ его встрѣтилъ Перкинсъ.

— А, это вы, мой юный другъ Чарльстонъ! Снова вы доставляете мнѣ неожиданное удовольствіе,—вскричалъ онъ, улыбаясь и протягивая свои бѣлыя руки,—и снова вы застаете меня въ бесѣдѣ съ музами, боюсь, слишкомъ длинной!—онъ указалъ на нѣсколько листовъ бумаги, сплошь исписанныхъ стихами.—Я долженъ сознаться, что испытываю истинное наслажденіе, когда предаюсь своимъ поэтическимъ упражненіямъ въ часы досуга, какъ теперь. Вы, какъ человѣкъ тоже отчасти живущій воображеніемъ, конечно, понимаете меня.

— Мнѣ очень прискорбно, сеніоръ Перкинсъ, что я вижу васъ здѣсь,—откровенно сказалъ Чарльстонъ.— Но я надѣюсь, что ваше пребываніе здѣсь будетъ непродолжительнымъ.

— Я осмѣливаюсь думать то же самое,— сказалъ Перкинсъ, съ улыбкой посмотрѣвъ на стоявшаго поодаль коменданта.

— Я пришелъ сюда,—продолжалъ Чарльстонъ,—чтобы предложить вамъ свои услуги. Я готовъ (онъ сильно возвысилъ голосъ, чтобы слова его могли быть разслышаны комендантомъ, торжественно засвидѣтельствовать, что вы непричастны къ послѣднему возстанію, безсмысленному возстанію дикарей, и что вы съ своей стороны сдѣлали все, чтобы противодѣйствовать злу, при чемъ ради этого пожертвовали собою. Я имѣю право утверждать это, потому что самъ говорилъ съ индѣйцами, и они мнѣ сознались во всемъ. Они дѣйствовали подъ вліяніемъ наущеній Мартинеца, Бреса и Винслоу.

— Позвольте, позвольте,—кротко возразилъ Перкинсъ.— Вы ошибаетесь, мой другъ. Молодые люди, имена которыхъ вы назвали, дѣйствовали на основаніи общихъ инструкцій, которыя я далъ имъ; они только зашли слишкомъ далеко и прибѣгли къ мѣрамъ, не скажу крайнимъ, но неблагоразумнымъ. Винить ихъ, однако, никоимъ образомъ нельзя (онъ

задумчиво посмотрѣлъ на коменданта, желая дать понять Чарльстону, чтобы онъ былъ осторожнѣе). Но оставимъ это, другъ мой, и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Благодарю васъ за ваше доброе намѣреніе, но вспомните, что не далѣе, какъ вчера, вы высказали мнѣ, что не занимаетесь политикой и совершенно незнакомы съ нею. Не знаю, но мнѣ кажется, что это очень благоразумно съ вашей стороны. Политика и наука самоуправленія хотя и имѣютъ дѣло съ общими принципами, но могутъ сдѣлать изъ человѣка чуткаго энтузіаста. То, что было бы благомъ для него, онъ слишкомъ часто считаетъ благомъ и для другихъ, и потому считаетъ возможнымъ примѣнить свои принципы къ благу общественному, твердо вѣря, что все, что хорошо для всѣхъ, должно быть неизбѣжно хорошо и для него. Этотъ индивидуализмъ—наше природное свойство. Но мы,—сказалъ Перкинсъ, весело улыбаясь,—опять уклонились въ сторону. Возьмемъ другую тему. Поговоримъ о васъ самихъ, мистеръ Чарльстонъ. У васъ отличный видъ, сэръ! Могу сказать, что я никогда еще не видалъ васъ такимъ молодцомъ. Позвольте мнѣ поздравить васъ. Здоровье составляетъ законное право молодости. Сохраните же и здоровье и молодость!

Онъ снова съ особенною сердечностью пожалъ руку Чарльстону.

У дверей произошла какая-то суматоха, и вниманіе коменданта было отвлечено въ ту сторону. Чарльстонъ воспользовался этимъ и скороговоркой шепнулъ Перкинсу:

— Скажите мнѣ... серьезно ли ваше дѣло?

Сеніоръ Перкинсъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ съ благодарной улыбкой на Чарльстона.

— Вы уже обѣщали мнѣ просмотрѣть рукописи и всѣ бумаги вашей усопшей подруги, привести ихъ въ порядокъ и постараться разыскать ея родныхъ. Хотя и это не особенно важно.

— Я говорю совсѣмъ не о томъ,—сказалъ съ сильнымъ волненіемъ Чарльстонъ.—Я...

Но Перкинсъ остановилъ его жестомъ, такъ какъ въ это время возвратился комендантъ.

Донъ Мигуэль приблизился къ нимъ съ крайне встревоженнымъ видомъ.

— Я уступилъ просьбамъ двухъ дамъ, донны Элеоноры и сеніоры Маркгемъ, которыя желаютъ повидаться съ вами,—сказалъ онъ сеніору Перкинсу.—Желаете? Я сказалъ имъ, что время не терпитъ.

— Но вы, надѣюсь, не сказали имъ ничего больше?— шопотомъ спросилъ онъ коменданта такъ, чтобы Чарльстонъ не могъ его разслышать.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ пусть онѣ войдутъ.

Комендантъ подалъ знакъ стражѣ, стоявшей у входа, и въ комнату вошли миссисъ Маркгемъ и миссъ Кинъ. Маленькая дѣвочка, одна изъ ученицъ Элеоноры, увидя ее, побѣжала за нею и прошмыгнула въ комнату, но при видѣ коменданта испугалась и, повинуясь своему дѣтскому инстинкту, бросилась къ Перкинсу, ища защиты. Флибустьеръ улыбнулся, взялъ ее на руки и сталъ съ отеческою нѣжностью гладить ее рукою по плечу. Другую руку онъ протянулъ вошедшимъ.

— Комендантъ,—быстро заговорила миссисъ Маркгемъ,— говоритъ, что это противъ правилъ; что время, назначенное для посѣщеній, уже прошло; что у васъ теперь вашъ другъ и Богъ вѣсть что еще. Но я объявила ему, что я непремѣнно должна повидать васъ, хотя бы для того, чтобы сказать вамъ, что если здѣсь и произошло что-нибудь скверное, то мы, Сусанна и Джемсъ Маркгемъ, знать этого не хотимъ! Мы васъ считаемъ порядочнымъ и честнымъ человѣкомъ—и больше ничего! Если мы здѣсь ничего не можемъ сдѣлать, то мы сдѣлаемъ все, что возможно, въ Мексикѣ, куда мы будемъ сопровождать васъ! Вотъ!

— А я,—сказала Элеонора, протягивая сеніору Перкинсу руку,—знаю, что мой другъ, который находится теперь около васъ, поможетъ мнѣ доказать вамъ на дѣлѣ мою искреннюю симпатію.

Сеніоръ Перкинсъ выпрямился и, съ гордостью посмотрѣвъ на коменданта, произнесъ:

— Слышать такія рѣчи изъ столь прекрасныхъ и краснорѣчивыхъ устъ—слишкомъ большое счастье для меня! Я въ жизни своей уже неоднократно наслаждался симпатіями представительницъ вашего благороднаго пола. (Лицо Перкинса улыбалось, но глаза затуманились и приняли горестное выраженіе). Послѣднею моею нѣжною и безкорыстною привязанностью была миссисъ Эвфимія Макъ-Коркль изъ Пеоры въ Иллинойсѣ, дама, о которой я часто имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ вами. Увы, ея ужъ нѣтъ! Нѣсколько строкъ, набросанныхъ ею и лежащихъ на этомъ столѣ, я преподношу вамъ, миссисъ Маркгемъ. Но поговоримъ о другомъ. Вы смотрите хорошо и вы также, миссъ Кинъ. Судя по розамъ, которыя цвѣтутъ на вашихъ щекахъ, сырой воздухъ Тодосъ-Сантоса

не повредилъ вашему здоровью. Я счастливъ при мысли, что вы простили мнѣ свое вынужденное пребываніе здѣсь.

По знаку коменданта онъ умолкъ, отступилъ назадъ, низко поклонился, и дамы поняли, что краткая аудіенція окончилась. Проходя черезъ ворота, онѣ обернулись и еще разъ увидѣли Перкинса: онъ стоялъ, держа на рукахъ дѣвочку и нѣжно улыбался имъ вслѣдъ. Затѣмъ массивныя двери закрылись съ визгомъ, засовы задвинулись, и входъ во дворъ сталъ недоступенъ. . . . . .

Нѣсколько минутъ спустя наши три друга огибали крайній уголъ укрѣпленій, спускаясь къ морю. Они молча достигли песчанаго берега. Ихъ угнетали тяжелыя предчувствія.

Вдругъ за ними раздался какой-то громкій трескъ, словно что-то огромное упало и разбилось въ куски. Они остановились. Чарльстонъ быстро обернулся. Небольшой столбъ дыма поднимался со двора, смѣшиваясь съ туманомъ. Оттуда же послышался отдаленный крикъ: «Богъ и свобода!»

Поспѣшно извинившись передъ дамами, Чарльстонъ побѣжалъ обратно и достигъ воротъ какъ разъ въ то время, когда они раскрылись и изъ нихъ мѣрнымъ шагомъ выступилъ отрядъ солдатъ. Чарльстонъ вбѣжалъ во дворъ. Первый предметъ, который попался ему на глаза, была шляпа сеніора Перкинса, валявшаяся на землѣ у стѣны—ужасное и краснорѣчивое доказательство, что она больше не нужна своему владѣльцу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея лежалъ и самъ онъ съ двадцатью мексиканскими пулями въ груди, съ кротко улыбающимся лицомъ, обращеннымъ къ небу, словно покорно принявшимъ рѣшеніе Верховнаго Судьи. Онъ былъ мертвъ! Душа освободителя Квинквинамбо и многихъ другихъ народовъ, болѣе или менѣе угнетенныхъ и болѣе или менѣе неблагодарныхъ, сама, наконецъ, освободилась!

. . . . . .

Со смертью сеніора Перкинса окончился крестовый походъ на «Эксцельсіорѣ». Подъ командой капитана Бенкера корабль былъ отправленъ въ Мазатланъ, увозя изгнанныхъ и осужденныхъ американцевъ: Бенкса, Бреса, Винслоу и Кросби, а также съ разрѣшенія совѣта — ихъ соотечественниковъ и друзей, Бриммера и Маркгема и дамъ: миссисъ Бриммеръ и Маркгемъ и миссъ Чеббъ. Только Чарльстонъ и миссъ Кинъ получили приглашеніе остаться, но въ силу нѣкоторыхъ соображеній, приглашеніе остаться въ Тодосъ-Сантосѣ было любезно сдѣлано и Ричарду Кину, при чемъ ему было предоставлено право разрабатывать рудники и воздѣлывать земли, пріобрѣтенныя Чарльстономъ и Киномъ отъ изгнанныхъ со-

отечественниковъ. Любезность совѣта Тодосъ-Сантоса пошла еще дальше: къ фирмѣ «мистеръ и миссисъ Чарльстонъ» онъ разрѣшилъ присоединить фирму «мистеръ и миссисъ Кинъ», такъ какъ алькадъ не отказалъ Ричарду Кину, попросившему руки пикантной донны Изабеллы. Такимъ образомъ образовалась просто фирма «Чарльстонъ и Кинъ». Хотя портъ Тодосъ-Сантосъ былъ объявленъ открытымъ для коммерческихъ кораблей, но фирма эта долгое время монополизировала торговлю. Она пріобрѣла большую извѣстность и пользовалась прекрасной репутаціей; это былъ одинъ изъ разсадниковъ промышленнаго прогресса на побережьѣ Тихаго океана. Немало содѣйствовала ея процвѣтанію умная, прелестная хозяйка Эксцельсіоръ-лоджа, виллы Джемса Чарльстона, главы фирмы. Подъ навѣсомъ ея веранды онъ часто мирно бесѣдовалъ съ своимъ вѣрнымъ другомъ падре Эстебаномъ, который жилъ въ полномъ мирѣ и согласіи съ еретиками. Всѣ политическія дрязги были забыты.

— Я вѣдь вамъ говорила тогда, что вы знатная особа, — помните?—Такъ говоритъ иногда Элеонорѣ миссисъ Изабелла Кинъ. — Вотъ видите, я была права!

Редъ-Догская наслѣдница.

О чудачествѣ завѣщателя первые слухи начали ходить, кажется, весной 1854 года. Въ то время онъ былъ владѣльцемъ значительныхъ земель, заложенныхъ одному пріятелю за большіе проценты, и обладателемъ довольно привлекательной жены, сердце которой всецѣло принадлежало другому пріятелю. Въ одинъ прекрасный день оказалось, что онъ вырылъ, или приказалъ вырыть глубокую яму передъ парадной дверью своего дома, и въ теченіе вечера въ эту яму провалилось нѣсколько пріятелей, случайно зашедшихъ къ нему въ гости «запросто». Это, само по себѣ незначительное обстоятельство, показало, что чудакъ не лишенъ юмора и могъ бы съ успѣхомъ подвизаться на литературномъ поприщѣ; однако любовникъ его жены, очень смышленый парень, сломавшій себѣ ногу при этомъ случаѣ, посмотрѣлъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. Нѣсколько недѣль спустя нашъ чудакъ сидѣлъ у себя дома за обѣдомъ, въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ пріятелей своей жены; среди трапезы онъ извинился, ушелъ изъ-за стола, но вслѣдъ за тѣмъ появился въ окнѣ съ рукавомъ отъ пожарной трубы и преспокойно началъ окачивать водой всю компанію. Попробовали пожаловаться на такое обращеніе мѣстному городскому совѣту. Но большинство гражданъ Редъ-Дога (дѣло происходило въ этомъ поселкѣ), не бывшихъ на обѣдѣ, рѣшило, что всякій имѣетъ право забавлять своихъ гостей, какъ ему заблагоразсудится. Тѣмъ не менѣе, начали поговаривать, что онъ не въ своемъ умѣ; жена припомнила другіе случаи, служившіе явными доказательствами умопомѣшательства; искалѣченный любовникъ собственнымъ опытомъ доказывалъ ей необходимость уйти отъ мужа, пока у ней цѣлы ноги; а кредиторъ, которому и домъ былъ заложенъ, опасаясь дальнѣйшей порчи своего имущества, наложилъ на него запрещеніе. Но тутъ безпокойный человѣкъ сразу всѣмъ развязалъ руки: онъ исчезъ изъ поселка.

Въ слѣдующій разъ, когда мы прослышали о его существованіи, у него ужъ не было ни жены, ни состоянія, онъ жилъ одинъ въ Роквилѣ, за пятьдесятъ миль отъ Редъ-Дога, и издавалъ газету. Но та оригинальность, которую онъ выказалъ при рѣшеніи трудныхъ задачъ своей частной жизни, оказалась крайне неудачной въ приложеніи къ газетной политикѣ «Роквильскаго Вѣстника». Такъ, уморительная карикатура, подъ видомъ «точнѣйшихъ подробностей», описавшая, какъ одинъ изъ кандидатовъ оппозиціи умертвилъ китайца, стиравшаго на него бѣлье, къ сожалѣнію, повела только къ тому, что редакторъ подвергся личному оскорбленію и побоямъ. Потомъ онъ сочинилъ описаніе «религіознаго торжества», будто бы состоявшагося въ графствѣ Калаверасъ, и представилъ мѣстнаго шерифа, извѣстнаго сквернослова и атеиста, въ роли главнаго проповѣдника; дѣло кончилось тѣмъ, что его газета лишилась права печатать казенныя объявленія. Въ самомъ разгарѣ всей этой путаницы онъ внезапно умеръ; и тогда, какъ бы въ подтвержденіе его чудачества, оказалось, что онъ оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго отказалъ все свое состояніе одной бѣлобрысой и весноватой служанкѣ Роквильской гостиницы.

Но это чудачество стало нешуточнымъ дѣломъ, когда выяснилось, что въ числѣ его имущества была цѣлая тысяча паевъ золотопромышленной компаніи Восходящаго Солнца, а дня черезъ два послѣ его кончины, пока еще публика не успѣла вдоволь нахохотаться надъ нелѣпостью благотворителя, эта самая компанія вдругъ прогремѣла своимъ богатствомъ и неслыханными удачами. По приблизительному подсчету, общая цѣнность имущества завѣщателя простиралась до трехъ милліоновъ долларовъ, и кому же они достались!..

Надо отдать справедливость энергіи и предпріимчивости обитателей этого, совсѣмъ еще юнаго и цвѣтущаго поселка, и заявить, что едва ли хоть одинъ изъ согражданъ не считалъ себя способнымъ гораздо лучше распорядиться имуществомъ покойнаго юмориста. Изъ нихъ одни находили, что имъ не подъ силу содержать семейство; другіе тяготились серьезной отвѣтственностью, лежащей на присяжныхъ засѣдателяхъ въ судѣ, и, можетъ-быть, отъ излишней добросовѣстности, всячески отлынивали отъ этой общественной повинности; были и такіе, что отказывались отъ мѣста, скудно оплаченнаго; но ни одинъ не отказался бы отъ возможности собственной особой замѣнить Пегги Моффетъ, наслѣдницу чудака.

Поднялись споры по поводу завѣщанія. Прежде всѣхъ заявила претензію жена, которая, какъ оказалось по наве-

деннымъ справкамъ, никогда не получала законнаго развода съ мужемъ. Потомъ какъ изъ земли выросли четыре родственника, впервые, и,—увы!—слишкомъ поздно пришедшіе къ сознанію того, что съ покойникомъ стоило вести знакомство. Но смиренная наслѣдница, дѣвушка чрезвычайно некрасивая, необразованная и простая, выказала большую твердость въ отстаиваніи своихъ правъ. Она не соглашалась ни на какія уступки. Община сомнѣвалась въ ея способности управлять такимъ состояніемъ цѣликомъ, но находила справедливымъ удѣлить ей часть его и порѣшила предложить ей удовольствоваться суммою въ триста тысячъ долларовъ.

— Само собой разумѣется, что она и этотъ капиталъ отдастъ какому-нибудь мерзавцу, — говорилъ одинъ изъ согражданъ,—но согласитесь, что просадить три милліона на одного молодца за то, что онъ сдѣлаетъ ее несчастной, больно ужъ жирно будетъ. Это значитъ объявить призъ за негодяйство.

Единственное возраженіе на этотъ аргументъ сорвалось съ насмѣшливыхъ устъ мистера Джека Гэмлина.

— Слушайте-ка,—сказалъ этотъ джентльменъ, внезапно обратившись къ оратору,—вотъ вы въ прошлую пятницу выиграли у меня двадцать тысячъ долларовъ; представьте себѣ, что я, вмѣсто того, чтобы немедленно вручить вамъ эту сумму, какъ я сдѣлалъ, вдругъ сталъ бы на заднія лапы и объявилъ вамъ: «Послушайте, Билль Уэтерсби, вѣдь вы дуракъ; если я отдамъ вамъ эти двадцать тысячъ, вы ихъ все равно проиграете въ Санъ-Франциско, спустите первому встрѣчному шулеру. Вотъ вамъ одна тысяча, будетъ съ васъ; берите и отстаньте!».. Положимъ, что все это чистѣйшая правда, что даже вы сами это отлично знаете, но развѣ такой поступокъ былъ бы правиленъ съ моей стороны?

Но Уэтерсби поспѣшилъ поставить ему на видъ, что это совсѣмъ иное дѣло, что тутъ не можетъ быть никакого сравненія, что онъ вѣдь честно выигралъ съ него эти деньги, потому что самъ поставилъ большую ставку.

— А почемъ вы знаете,—подхватилъ Гэмлинъ, свирѣпо уставивъ на удивленнаго собесѣдника свои черные глаза,—почемъ вы знаете, можетъ-быть, эта дѣвушка также поставила большую ставку?

Противникъ что-то промямлилъ сквозь зубы. Игрокъ положилъ ему на плечо свою бѣлую руку и сказалъ:

— Помните, почтеннѣйшій, что всякая дѣвушка ставитъ на карту все свое имущество, въ какую бы игру она ни играла. Если бы она играла въ карты, а не въ чувства, если бы, вмѣсто

своего тѣла и души, пустила въ ходъ очки да козыри, она бы сорвала всѣ банки, отсюда вплоть до Санъ-Франциско. Поняли?

Нѣкоторый намекъ на эту мысль, но только далеко не въ такой чувствительной формѣ, былъ высказанъ и самой Пегги Моффетъ. Вдова и родственники покойнаго достали себѣ изъ Санъ-Франциско наимудрѣйшаго законовѣда; и этотъ знаменитый юристъ, бесѣдуя наединѣ съ Пегги, долгомъ счелъ поставить ей на видъ, что можно притянуть ее къ суду за преступленіе, предусмотрѣнное закономъ и состоящее въ томъ, что она непристойными способами старалась привязать къ себѣ полуумнаго старика, съ цѣлью овладѣть его имуществомъ; юристъ прибавилъ, что если она будетъ упорствовать въ своемъ желаніи получить наслѣдство, то послѣ того, что будетъ выяснено на судѣ, репутація ея навѣки будетъ потеряна. Разсказывали, будто Пегги, выслушавъ это объясненіе, на минуту перестала перетирать тарелки и, вертя между пальцевъ посудное полотенце, устремила свои маленькіе блѣдно-голубые глаза на законовѣда.

— Такъ вотъ что онѣ выдумали, эти твари!—сказала она.

— Къ прискорбію долженъ сознаться, дорогая моя лэди,—отвѣчалъ юристъ,—что свѣтъ весьма склоненъ къ осужденію. Отъ себя прибавлю,—продолжалъ онъ, съ милой откровенностью,—что мы, юристы, сообразуемся обыкновенно съ мнѣніемъ свѣта, и что съ н а ш е й стороны будетъ построена т а к а я именно теорія.

— Что жъ,—твердо сказалъ Пегги,—коли мнѣ придется чтти въ судъ для защиты своей репутаціи, то я ужъ заодно и три милліона прихвачу.

Если вѣрить слухамъ, то Пегги при этомъ случаѣ выразила желаніе хорошенько «вздуть» своихъ противниковъ, сказала, что она еще покажетъ, какъ умѣетъ за себя постоять, и въ заключеніе такъ неловко разбила тарелку, что слѣдъ отъ этого несчастнаго случая надолго оставилъ шрамъ на лбу ея собесѣдника. Но хотя этотъ анекдотъ былъ многократно повторяемъ въ трактирныхъ буфетахъ и на пріисковыхъ работахъ, ему не слишкомъ довѣряли въ высшихъ кругахъ. Гораздо болѣе достовѣрно преданіе о томъ, какъ Пегги объяснялась съ своимъ собственнымъ адвокатомъ. Этотъ джентльменъ старался внушить ей, что для ея дѣла было бы выгоднѣе, если бы она могла сослаться на какую-либо разумную причину того, почему покойникъ составилъ завѣщаніе въ ея пользу.

— Хотя законъ не отказывается утвердить завѣщанія изъ-за тѣхъ или другихъ выставленныхъ въ немъ статей,—говорилъ этотъ законовѣдъ,—но для судьи и присяжныхъ было бы весьма

Пожалуйста
не сгибайте книг при чтении.

важно, въ особенности въ томъ случаѣ, если будетъ пущено въ ходъ предположеніе о сумасшествіи покойника, доказать, что поступокъ завѣщателя былъ не противенъ здравому смыслу и логикѣ. Вамъ, конечно, извѣстно... Это между нами, миссъ Моффетъ... вы, разумѣется, составили себѣ понятіе о томъ, по какой именно причинѣ покойный мистеръ Байуэйсъ проявилъ къ вамъ такую щедрость.

— Нѣтъ, не составила,—рѣшительно молвила Пегги.

— Подумайте, припомните. Не говорилъ ли онъ вамъ... вы помните, что это останется между нами, хотя клянусь вамъ, дорогая моя лэди, я рѣшительно не вижу причины, почему бы не говорить объ этомъ во всеуслышаніе!.. Не выражалъ ли онъ вамъ такихъ чувствъ, которыя могли бы служить указаніемъ на его намѣреніе впослѣдствіи сочетаться съ вами бракомъ?..

Но тутъ Пегги, крупный ротъ которой начиналъ медленно распускаться въ улыбку, обнаруживая ея неровные зубы, остановила его, сказавъ:

— Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ хотѣлъ на мнѣ жениться? Нѣтъ.

— Понимаю. Но все-таки, не было ли поставлено какое-нибудь условіе... хотя вы, конечно, знаете, что законъ разсматриваетъ только тѣ условія, которыя обозначены въ завѣщаніи. Но было бы все-таки весьма пріятно, въ видахъ оправданія воли завѣщателя, узнать, на какихъ условіяхъ онъ вамъ передалъ все свое состояніе.

— То-есть, вы хотите знать, не потребовалъ ли онъ за это чего-нибудь отъ меня?

— Вотъ именно, дорогая моя лэди.

Лицо Пегги покрылось съ одной стороны густымъ румянцемъ сольфериноваго оттѣнка, съ другой—вишневаго, посвѣтлѣе, носъ побагровѣлъ, а лобъ подернулся кирпичнымъ цвѣтомъ. Въ дополненіе къ такому неловкому и конфузному проявленію смущенія, она начала вытирать руки о свое платье и сидѣла, не говоря ни слова.

— Понимаю,—поспѣшно сказалъ адвокатъ—это ничего... значитъ, условія были в ы п о л н е н ы!..

— Нѣтъ,—сказала Пегги съ изумленнымъ видомъ, —какъ же они могли быть выполнены, коли онъ тогда былъ еще живъ?

Законовѣдъ въ свою очередь растерялся и покраснѣлъ.

— Правда, онъ сказалъ одну вещь, поставилъ такія условія,—продолжала Пегги съ твердостью, невзирая на свое смущеніе,—но это мое дѣло и его. Оно не касается ни васъ ни ихъ.

— Но... дорогая миссъ Моффетъ, если эти условія таковы, что могутъ доказать нахожденіе его въ здравомъ умѣ и твер-

дой памяти, почему же вы не желаете заявить ихъ во всеуслышаніе, хотя бы для того, чтобы получить право и возможность выполнить ихъ?

— А что,—молвила Пегги съ хитрымъ видомъ,—что, если и вы и судъ не признаете ихъ удовлетворительными? Что, если они вдругъ покажутся вамъ странными, а?

Такъ, въ этомъ неоконченномъ видѣ, дѣло и дошло до суда. У насъ всѣмъ памятно, какъ оно происходило. Цѣлыхъ шесть недѣль кряду въ графствѣ Калаверасъ только и разговора было, что о немъ. Шесть недѣль кряду судъ обсуждалъ умственную, нравственную и душевную правоспособность мистера Джемса Байуэйса располагать своею собственностью, окутывая этотъ предметъ формальнымъ туманомъ ученой юриспруденціи, между тѣмъ, какъ неученая и независимая публика съ большимъ пристрастіемъ обсуждала его вокругъ костровъ въ чистомъ полѣ и у прилавковъ трактирныхъ заведеній. Къ концу шестой недѣли логически выяснилось, что по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ всего населенія въ графствѣ Калаверасъ одержимы тихою формою умопомѣшательства, а остальные только еще начинаютъ сходить съ ума; въ такомъ положеніи были дѣла, когда истомленные присяжные окончательно были сражены появленіемъ на судѣ самой Пегги.

Она была непривлекательна ни въ какихъ случаяхъ жизни, но на этотъ разъ чрезвычайное волненіе и неудачная попытка принарядиться выставили всѣ недостатки ея наружности въ самомъ яркомъ, почти сверхъестественномъ свѣтѣ. Каждая веснушка на ея лицѣ выступила съ особой рельефностью, а блѣдноголубые глаза, нисколько не изобличавшіе силы ея характера, безпомощно мигали или тупо таращились на судью. Слишкомъ большая голова, расширенная книзу, заканчивалась жиденькой блѣднорусой косичкой, пущенной по спинѣ между узкихъ плечъ. Словомъ, эта голова была ничѣмъ не интереснѣе тѣхъ деревянныхъ шариковъ, которыми заканчивалась рѣшетка за ея спиной. Присяжные, которымъ въ теченіе шести недѣль истцы описывали Пегги въ видѣ коварной обольстительницы, исподволь сводившей съ ума и безъ того слабоумнаго Джемса Байуэйса, возмутились всѣ поголовно. Въ ея поразительной некрасивости было что-то до такой степени жалкое и ничтожное, что всѣмъ показалось не такъ ужъ дорого вознаградить ее за это тремя милліонами.

— Разъ онъ ей назначилъ столько денегъ, вѣрно она ихъ заслужила, братцы; непохоже, чтобы покойникъ разжился на ея счетъ,—говорилъ старшина присяжныхъ.

Когда присяжные удалились для совѣщанія, всѣ почувствовали, что Пегги очистила свою репутацію, а когда они воротились и объявили свое рѣшеніе, всѣ поняли, что за взведенный на нее поклепъ она получила три милліона вознагражденія.

Она вступила во владѣніе своимъ капиталомъ. Но какое разочарованіе постигло тѣхъ, кто былъ увѣренъ, что она тотчасъ начнетъ его транжирить. Напротивъ того, вскорѣ прошелъ слухъ, что она ужасная скупердяйка. Особенно возмущалась добрѣйшая миссисъ Стайверъ, одна изъ первыхъ дамъ въ Редъ-Догскомъ поселкѣ. Эта почтеннѣйшая женщина нарочно поѣхала въ Санъ-Франциско помогать Пегги дѣлать покупки.

— Можете себѣ представить,—говорила она впослѣдствіи своимъ друзьямъ,—что она изъ-за двадцати пяти центовъ задумывается больше, чѣмъ я надъ пятью долларами! Такъ ничего и не купила въ магазинѣ «Городъ Парижъ», потому что ей показалось тамъ все слишкомъ дорого, и, въ концѣ-концовъ, сдѣлала изъ себя страшилище, накупивъ готоваго платья въ какой-то лавчонкѣ на Рыночной улицѣ. И послѣ всѣхъ нашихъ стараній и хлопотъ, съ тѣмъ, что мы съ Дженъ потратили ради нея массу времени, она не порадовала бѣдную Дженъ ни однимъ подаркомъ!

Общественное мнѣніе, считавшее участіе миссисъ Стайверъ въ этомъ дѣлѣ вполнѣ безкорыстнымъ, не возмутилось безполезностью результатовъ ея поѣздки; но когда Пегги отказалась выкупить изъ золога зданіе новой пресвитеріанской церкви и даже не захотѣла брать паевъ Союзной Компаніи Рудокоповъ, что въ глазахъ многихъ было не менѣе благочестивымъ и вѣрнымъ помѣщеніемъ капитала, популярность ея сильно пошатнулась. Однако она такъ же мало заботилась теперь о мнѣніи свѣта, какъ и до суда. Купила себѣ маленькій домикъ, пригласила для услугъ старуху, прежнюю свою товарку по службѣ въ гостиницѣ, зажила съ ней на основаніяхъ полнаго равенства и занялась помѣщеніемъ своихъ денегъ въ разныя предпріятія.

Я бы очень желалъ сказать, что она это дѣлала съ полнымъ разумѣніемъ, но дѣло въ томъ, что она нерѣдко попадала впросакъ. Во всемъ, что она предпринимала, проявлялась та же упорная настойчивость, какую она проявила, когда отстаивала свои права. Она просадила двѣсти тысячъ долларовъ на разработку истощеннаго пріиска, первоначально намѣченнаго покойнымъ завѣщателемъ; продолжила жалкое существованіе «Роквильскаго Вѣстника», хотя онъ давнымъ-давно пересталъ интересовать даже своихъ недоброжелателей; содержала Роквильскую гостиницу, въ которую никто больше не заглядывалъ;

потеряла содѣйствіе и расположеніе одного крупнаго капиталиста изъ-за пустячнаго недоразумѣнія, въ которомъ сама была виновата, но не повинилась, и накачала себѣ на шею цѣлыхъ три тяжбы, тогда какъ каждую изъ нихъ можно было устранить, поступившись бездѣлицей. Я съ тѣмъ и упоминаю объ этихъ промахахъ, чтобы доказать, что она была далеко не героиня. А случай съ Джекомъ Фолинсби показываетъ, что она едва ли была даже обыкновенной женщиной.

Этотъ красивый и отчаянный бродяга, въ вихрѣ безпросыпныхъ кутежей, попалъ на окраины поселка Редъ-Догъ и очутился въ видѣ пропащей, но все еще интересной развалины, въ дрянной лачугѣ, неподалеку отъ дѣвственнаго жилища Пегги Моффетъ. Блѣдный, искалѣченный излишествами всякаго рода, съ голосомъ, дрожавшимъ отъ нервности, развившейся въ немъ подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, онъ велъ лѣнивую жизнь, имѣя слишкомъ много досуговъ и очень мало сосѣдей. Въ этомъ очаровательномъ н е г л и ж э по части нравственности, костюмовъ и чувствъ предсталъ онъ впервые передъ Пегги Моффетъ. И не только предсталъ, но иногда ковылялъ рядомъ съ ней по улицамъ поселка. Обитатели Редъ-Дога критическимъ окомъ подмѣтили эту парочку; увидѣли Джека—страждущаго, словоохотливаго, на видъ мучимаго раскаяніемъ, угрызеніями совѣсти, самообличеніями и недугами; увидѣли Пегги—раскраснѣвшуюся, неуклюжую, съ разинутымъ ртомъ и восхищеннымъ взоромъ; и видя все это, критическое око Редъ-Дога значительно подмигнуло на нихъ въ сторону Роквиля.

Что именно происходило между ними—того никто не зналъ. Но въ одинъ прекрасный лѣтній день всѣ видѣли, какъ Джекъ промчался въ открытомъ кабріолетѣ по главной улицѣ Редъ Дога, имѣя рядомъ съ собою наслѣдницу мистера Байуэйса. Джекъ все еще былъ не совсѣмъ твердъ на ногахъ, однакожъ, правилъ лошадью съ оттѣнкомъ своей прежней удали; а миссисъ Пегги, въ громадной шляпкѣ съ бантами перловаго цвѣта, немного темнѣе ея собственныхъ волосъ, въ розовыхъ перчаткахъ, натянутыхъ на короткіе пальцы, и съ букетомъ розъ въ рукахъ, такъ и рдѣла отъ пріятнаго смущенія за кожанымъ фартукомъ. И проѣхавшись черезъ весь поселокъ, эта чета направилась въ лѣсъ, рисуясь на аломъ фонѣ вечерѣющаго неба. Очень возможно, что это было некрасивое зрѣлище; тѣмъ не менѣе, когда передъ ними открылись полутемныя аллеи величавыхъ деревьевъ и кабріолетъ скрылся въ тѣни густыхъ елей, рудокопы пріостановились, опершись на свои заступы, и рабочіе въ полѣ на минуту прекратили свой трудъ и

долго смотрѣли имъ вслѣдъ. Критическое око Редъ-Дога, оттого ли, что заходящее солнце било въ глаза, или потому, что оно тоже когда-то было молодо и легкомысленно,—на этотъ разъ подернулось сочувственной слезой.

Луна высоко стояла на небѣ, когда они воротились въ поселокъ. Тѣ, кто ожидалъ ихъ возвращенія, съ цѣлью поздравить Джека съ вѣроятіемъ счастливой перемѣны въ его судьбѣ, съ огорченіемъ увидѣли, что Джекъ только проводилъ свою даму до дому, а самъ немедленно уѣхалъ изъ Редъ-Дога. Отъ Пегги, конечно, ничего нельзя было вывѣдать: она на другой день и во всѣ послѣдующіе дни продолжала вести свой обычный образъ жизни, просадила еще тысячи двѣ на какую-то неудачную спекуляцію, а въ самомъ обиходѣ продолжала скупердяйничать. Нѣсколько недѣль прошли безъ всякихъ видимыхъ послѣдствій этой романтической идиліи, и никто ничего не зналъ, пока Джекъ Фолинсби не появился въ Сакраменто черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія. Появился онъ съ билліарднымъ кіемъ въ рукѣ и съ сердцемъ, полнымъ негодованія и горечи.

— Такъ и быть, господа, я вамъ разкажу,—сказалъ Джекъ, обращаясь къ окружавшей его компаніи сотоварищей-игроковъ.—Касательно этой исторіи откровенно вамъ признаюсь, что я такъ ухаживалъ, такъ нѣжничалъ съ этой веснушчатой, красноглазой и бѣлобрысой дѣвицей, точно она... м-м-м... актриса, что ли! И долженъ сознаться также, что, насколько я понимаю женщинъ, она была ко мнѣ расположена самымъ серьезнымъ образомъ. Можете смѣяться сколько угодно, но это такъ. Вотъ одинъ разъ повезъ я ее прокатиться, притомъ въ самомъ роскошномъ стилѣ, конечно, и дорогой взялъ да и предложилъ ей руку и сердце, такъ прямо и сказалъ, что, молъ, желаю сочетаться законнымъ бракомъ... какъ будто она настоящая барышня!.. И какъ вы думаете, что она мнѣ на это отвѣтила?—продолжалъ Джекъ, съ истерической усмѣшкой. — Просто вспомнить совѣстно... Предложила мнѣ двадцать пять долларовъ еженедѣльнаго жалованья съ тѣмъ, что она будетъ прекращать платежи, какъ только я отлучусь изъ дома!

Взрывъ хохота, послѣдовавшій за этимъ откровеннымъ признаніемъ, былъ прерванъ спокойнымъ голосомъ, который спросилъ:

— А что же вы на это сказали?

— Я?—вскрикнулъ Джекъ.—Я ей сказалъ, чтобы она убиралась къ чорту со своими деньгами!

— А я слышалъ, что вы попросили у ней взаймы двѣсти пятьдесятъ фунтовъ на поѣздку въ Сакраменто, и получили ихъ,—продолжалъ тотъ же спокойный голосъ.

— Кто это говоритъ?—заревѣлъ Джекъ.—Подавайте его сюда, этого клеветника и враля!

Всѣ притихли кругомъ. Тогда обладатель спокойнаго голоса, а именно, мистеръ Джекъ Гэмлинъ, томно просунулъ руку подъ столъ, взялъ тамъ кусокъ мѣла и, натирая имъ конецъ билліарднаго кія, произнесъ кротко и серьезно:

— Это говорилъ мнѣ одинъ мой старый пріятель, постоянный житель Сакраменто; у него деревянная нога, онъ кривъ на одинъ глазъ, на рукѣ не достаетъ трехъ пальцевъ, притомъ наклонность къ чахоткѣ, сильно кашляетъ. При такомъ слабомъ здоровьѣ онъ, натурально, самъ за себя постоять не можетъ и полагается на меня. Такъ, если желаете,—заключилъ Гэмлинъ, вдругъ отложивъ кій и впившись въ собесѣдника своими черными глазами,—я за него!

Не могу ручаться за полную достовѣрность этого анекдота, но знаю только, что онъ нисколько не увеличилъ популярности Пегги Моффетъ среди населенія, въ которомъ беззаботная отвага и щедрость цѣнились выше всего, при отсутствіи другихъ наличныхъ добродѣтелей. Быть-можетъ, граждане Редъ-Дога были не чужды общечеловѣческой страсти устраивать браки и просто обидѣлись тѣмъ, что это не удалось.

Въ теченіе слѣдующаго года Пегги перепробовала еще нѣсколько финансовыхъ предпріятій, еще болѣе глупыхъ и неудачныхъ, и потерпѣла большіе убытки. Ею овладѣло какое-то лихорадочное стремленіе къ наживѣ во что бы то ни стало. Наконецъ стало извѣстно, что она вновь открываетъ злополучную Роквильскую гостиницу и намѣрена сама управлять ею.

Какъ ни страненъ казался этотъ проектъ въ теоріи, но на практикѣ онъ обѣщалъ довольно хорошій успѣхъ. Съ одной стороны, за успѣхъ ручались практическія свѣдѣнія хозяйки по части содержанія подобнаго заведенія, съ другой, и еще въ сильнѣйшей степени, ея строгая экономія и неутомимое трудолюбіе. Обладая милліонами, она безъ церемоніи принялась собственноручно стряпать, мыть и чистить, прислуживать у стола и оправлять постели, какъ самая простая работница. Такое зрѣлище показалось интереснымъ, и многіе стали посѣщать гостиницу. По мѣрѣ того, какъ публика относилась къ хозяйкѣ все съ меньшимъ уваженіемъ, доходы ея стали расти. Какія бы небылицы ни разсказывали о ея скаредности, добрые люди всему вѣрили. Увѣряли даже, что она своими руками таскаетъ багажъ въ нумера, чтобы воспользоваться подачкой, какая полагается обыкновенно носильщику. Себѣ лично она отказывала въ предметахъ первѣйшей необхо-

димости: одѣвалась бѣдно, питалась скудно; зато гостиница приносила барыши.

Иные начинали намекать, что она не въ своемъ умѣ; другіе покачивали головами, находя, что какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ полученнымъ ею наслѣдствомъ. Судя по ея изнуренному виду, многіе полагали, что она не долго проживетъ, наваливая на себя непосильный трудъ; возникали уже споры о томъ, кому она, въ концѣ-концовъ, оставитъ свое состояніе.

По особой благосклонности судьбы одинъ мистеръ Джекъ Гэмлинъ былъ въ состояніи просвѣтить публику на этотъ счетъ, а равно и по другимъ вопросамъ, касавшимся Пегги Моффетъ.

Въ одинъ ненастный вечеръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ случайно остановился въ Роквильской гостиницѣ. Въ теченіе всей предыдущей недѣли онъ исполнялъ обязанности своей благородной профессіи въ поселкѣ Редъ-Догъ, гдѣ, по выраженію одного изъ своихъ собратій, «обчистилъ весь городъ, оставивъ только плату за свой проѣздъ въ карманѣ кучера почтоваго дилижанса». Мѣстная газета, «Знамя Реда-Дога», оплакала его отъѣздъ въ игривомъ некрологическомъ стихотвореніи, начинавшемся такъ: «Милый Джонни насъ покинулъ, въ лютую печаль повергъ, и т. д., а послѣ строчки, кончавшейся словами: «Токи горькихъ слезъ», былъ уже намекъ на то, что онъ «доллары съ собой увезъ». Послѣ этого неудивительно, что онъ былъ преисполненъ тихаго удовлетворенія и еще болѣе обыкновеннаго блисталъ томностью лица и медлительной плавностью рѣчи. Въ полночь онъ собирался ложиться спать и былъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что сначала постучались къ нему въ дверь, а потомъ передъ нимъ предстала сама миссисъ Пегги Моффетъ, богатая наслѣдница и хозяйка Роквильской гостиницы.

Мистеръ Гэмлинъ былъ не охотникъ до Пегги, даромъ что выступалъ ея защитникомъ. Его изящный вкусъ возмущался ея безобразіемъ, а его образъ мыслей и житейскія привычки шли въ разрѣзъ со всѣмъ, что онъ слышалъ насчетъ ея скаредности и сребролюбія. А когда она явилась передъ нимъ въ замасленномъ холстинномъ капотѣ, пропитанномъ всѣми кухонными запахами, вся красная отъ смущенія и отъ пребыванія у плиты, то нельзя сказать, чтобы она была привлекательна. Въ такой поздній часъ, въ ея одинокомъ положеніи, наединѣ съ человѣкомъ столь прискорбной репутаціи, она рисковала бы очень многимъ, если бы ея наружность не устраняла всякую мысль объ опасности. Очень вѣроятно, что она сама это по-

нимала, и едва ли такое обстоятельство помогало ей побороть свое смущеніе.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами наединѣ, мистеръ Гэмлинъ,—начала она, безъ приглашенія усаживаясь на кончикъ его чемодана,—иначе я бы не стала васъ безпокоить. Но въ другое время мнѣ бы не удалось васъ поймать, да, пожалуй, и вы меня не поймаете, такъ какъ я съ ранняго утра до поздней ночи не выхожу изъ кухни.

Она неловко замолчала, какъ бы прислушиваясь къ вѣтру, который мелкой дробью потрясалъ окна, обдавая стекла тусклой завѣсой дождя въ темнотѣ непроглядной ночи. Она разгладила на колѣнкахъ складки своего капота и замѣтила, въ видѣ вступленія въ безсвязный разговоръ:

— Ужъ какой же нынче дождикъ сильный.

Вмѣсто отвѣта, мистеръ Гэмлинъ зѣвнулъ и передернулъ плечами, собираясь снимать сюртукъ.

— Я думала, что вы, навѣрное, не затруднитесь сдѣлать мнѣ одно великое одолженіе,—продолжала Пегги съ короткимъ и жесткимъ смѣхомъ,—особенно потому, что слышала отъ людей, будто вы относитесь ко мнѣ дружелюбно и даже заступались за меня въ такую пору, когда никто, кромѣ васъ, этого не дѣлалъ.

Она помолчала, глядя себѣ на колѣни и водя пальцами по шву своей юбки, потомъ сказала, понижая голосъ:

— Не такъ ужъ много у меня друзей, чтобы я могла позабыть человѣка, замолвившаго за меня хоть одно доброе слово.

Ея нижняя губа задрожала, она поспѣшно стала искать на себѣ носового платка, не нашла его, и кончила тѣмъ, что, поднявъ подолъ своего капота, утерла имъ свой неказистый носъ, а слезы такъ и остались на ея глазахъ, поднятыхъ на собесѣдника.

Мистеръ Гэмлинъ, тѣмъ временемъ успѣвшій снять сюртукъ и уже взявшійся было за пуговицы своего жилета, пересталъ разстегиваться и посмотрѣлъ на нее.

— Если этотъ дождикъ еще будетъ лить, того и гляди опять будетъ разливъ Сѣверной Вилы,—проговорила Пегги какъ бы въ свое извиненіе, и оглянулась на окно.

Видя, что другой дождь прошелъ, мистеръ Гэмлинъ опять принялся разстегивать жилетъ.

— Я хотѣла просить васъ объ одной милости насчетъ мистера... насчетъ... Джека Фолинсби,—продолжала Пегги скороговоркой.—Онъ опять захворалъ, ему совсѣмъ скверно стало. И онъ проигрываетъ кучу денегъ, и все больше в а м ъ.

Вчера вечеромъ вы у него выиграли двѣ тысячи долларовъ, а у него только всего и было.

— Ну?—хладнокровно промолвилъ игрокъ.

— Ну, такъ я и думала, если вы мнѣ другъ, я васъ попрошу не такъ ужъ его обирать,—сказала Пегги съ натянутой усмѣшкой.—Вамъ это не трудно. Вы только не допускайте его играть противъ васъ.

— Миссисъ Маргарита Моффетъ,—сказалъ Джекъ, съ лѣнивой медлительностью, вынимая изъ кармана свои часы и привычною рукой начиная заводить ихъ,—если вы до такой степени интересуетесь Джекомъ Фолинсби, вамъ еще легче уберечь его отъ м е н я, нежели мнѣ самому. Вы женщина богатая! Дайте ему столько денегъ, чтобы онъ сорвалъ мой банкъ, или разомъ сломилъ себѣ шею, только пускай онъ не вертится вокругъ меня, въ надеждѣ на поживу, потому что отъ меня никакой ему поживы не будетъ. Такъ и знайте, миссисъ Моффетъ, напрасно онъ старается!

Если бы на мѣстѣ Пегги была другая женщина, болѣе утонченная отъ природы, она бы не поняла условныхъ выраженій игрока или разсердилась бы на заключавшіяся въ нихъ жалкія истины. Но она поняла сразу и сидѣла въ безнадежномъ отчаяніи.

— Если вы желаете послушаться моего совѣта,—продолжалъ Джекъ, засовывая свои часы и цѣпочку подъ подушку и спокойно начиная развязывать на себѣ галстукъ,—бросьте вы всѣ эти глупости, выходите за него замужъ, отдайте ему свои деньги и предоставьте всѣ дѣла, иначе вы себя уморите. Онъ-то распорядится этими капиталами довольно быстро. Я это не съ тѣмъ говорю, чтобы отъ него поживиться, потому что, если ему попадутся въ руки такія деньги, онъ тотчасъ удеретъ въ Санъ-Франциско и тамъ протретъ имъ глаза. Не стану спорить съ тѣмъ, что, быть-можетъ, вы еще ухитритесь его исправить. А еще можетъ случиться—и это для васъ было бы величайшимъ счастьемъ—что онъ умретъ, прежде чѣмъ успѣетъ довести васъ до окончательнаго разоренія. Но я увѣренъ, что т е п е р ь вы можете составить его счастье; а такъ какъ вы въ этого парня такъ втюрились, какъ только женщина можетъ втюриться, то и для васъ это не будетъ противно.

Въ лицѣ Пегги не осталось ни кровинки, когда она взглянула на Гэмлина.

— Вотъ потому-то я и не могу давать ему денегъ, а безъ того онъ на мнѣ не женится,—сказала она.

Рука мистера Гэмлина скользнула съ послѣдней пуговицы жилета.

— Не — можете — давать — ему — денегъ? — повторилъ онъ раздѣльно.

— Не могу.

— Отчего?

— Оттого, что я его полюбила.

Мистеръ Гэмлинъ снова застегнулъ жилетъ и съ терпѣливымъ видомъ присѣлъ на краю постели. Пегги встала и неуклюже подтащила чемоданъ поближе къ кровати.

— Когда Джимъ Байуэйсъ задумалъ оставить мнѣ наслѣдство,—сказала она, опасливо оглянувшись по сторонамъ,—онъ поставилъ мнѣ условія. Не такія условія, какія ставятся въ писанныхъ завѣщаніяхъ, а такъ, на словахъ сказалъ. И я дала ему обѣщаніе, мистеръ Гэмлинъ, въ этой самой комнатѣ, и даже на этой самой постели, гдѣ вы теперь сидите. На ней онъ и умеръ.

Мистеръ Гэмлинъ былъ суевѣренъ, подобно большинству игроковъ. Онъ поспѣшно всталъ съ постели и сѣлъ на стулъ у окна. Вѣтеръ стремительно задребезжалъ въ окнѣ, какъ будто духъ самого мистера Байуэйса налетѣлъ со двора подтвердить еще разъ свою послѣднюю волю.

— Я не знаю, помните ли вы его,—продолжала Пегги въ волненіи.—Этотъ человѣкъ много пострадалъ на своемъ вѣку. Всѣ, кого онъ любилъ, жена, родные, пріятели, всѣ были противъ него! Онъ всегда старался на людяхъ такъ себя вести, какъ будто ему это все равно; а я—что жъ, я простая, бѣдная дѣвушка, онъ передо мной и отводилъ свою душу. Я этого никогда никому не говорила... И не знаю, съ чего онъ мнѣ сказалъ такую вещь... не знаю,—продолжала Пегги, всхлипнувъ,—зачѣмъ ему понадобилось и меня сдѣлать несчастной. Только онъ взялъ съ меня слово, что если онъ откажетъ мнѣ свое состояніе, то чтобы я ни за что, никогда, вотъ какъ передъ Богомъ,—не подѣлилась своимъ богатствомъ ни съ однимъ человѣкомъ, котораго полюблю, все равно, будь то мужчина или женщина. Въ ту пору, мистеръ Гэмлинъ, я не думала, что мнѣ когда-нибудь будетъ трудно выполнить это условіе, потому что я была очень бѣдна и у меня на всемъ свѣтѣ не было никого... Только онъ одинъ и былъ ко мнѣ добръ.

— Но вѣдь вы и теперь ужъ не держите своего слова,—сказалъ Гэмлинъ.—Мнѣ извѣстно, что вы давали денегъ Джеку, и не разъ.

— Только то, что сама зарабатываю, мистеръ Гэмлинъ, только это! Послушайте. Когда Джекъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я съ своей стороны обѣщала ему такую сумму, какую думала, что всегда могу сама заработать. Онъ уѣхалъ, опять

захворалъ, заскучалъ... Ну, тогда я переѣхала сюда и стала содержать гостиницу. Я знала, что если приложить къ ней руки какъ слѣдуетъ, то она будетъ давать барыши. Вы, пожалуйста, не смѣйтесь надо мной. Я стала работать изо всѣхъ силъ и начала получать порядочный доходъ... а изъ того капитала ни одного цента не трогала. Трудилась день и ночь, рукъ не покладывала и все, что получала, отдавала ему. Ей-Богу, мистеръ Гэмлинъ, все ему отдавала. Я къ нему вовсе не такъ скупа, какъ вы думаете... хотя, конечно, могла бы обходиться съ нимъ поласковѣе.

Мистеръ Гэмлинъ всталъ, аккуратно облекся снова въ сюртукъ, сунулъ въ карманъ часы, взялъ шляпу, накинулъ пальто. Одѣвшись какъ слѣдуетъ, онъ обратился къ Пегги съ такими словами:

— Стало-быть, вы говорите, что всѣ деньги, заработанныя здѣсь, вы отдавали этому несравненному красавчику?

— Отдавала; только онъ не зналъ, откуда онѣ берутся. О, мистеръ Гэмлинъ, этого онъ не зналъ!

— Такъ что, насколько я понимаю, онъ тамъ проигрывалъ за карточнымъ столомъ тѣ самыя деньги, которыя вы получали за стряпню; а стряпали вы собственными руками?

— Такъ вѣдь онъ же ничего про это не зналъ... а если бы зналъ то, пожалуй, не взялъ бы.

— Еще бы! Онъ бы скорѣе умеръ,—пресерьезно промолвилъ мистеръ Гэмлинъ.—При его необыкновенной чувствительности, Джекъ Фолинсби и съ меня-то выигрываетъ такъ ужъ... скрѣпя сердце. Ну, а гдѣ же проживаетъ этотъ ангелъ во плоти, когда не рѣжется въ карты? Гдѣ его можно видѣть, такъ сказать, простымъ глазомъ?

— Онъ... онъ... здѣсь стоитъ,—сказала Пегги съ запинкой и закраснѣвшись.

— Понимаю. Нельзя ли узнать номеръ его комнаты, или... можетъ-быть, не слѣдуетъ прерывать его... размышленій?—продолжалъ Джекъ Гэмлинъ серьезно и вѣжливо.

— О, такъ вы согласны? И хотите переговорить съ нимъ, и съ него возьмете обѣщаніе.

— Конечно,—отвѣтилъ Гэмлинъ.

— Только вы не забывайте, что онъ хвораетъ... шибко хвораетъ. Его комната номеръ 44, въ концѣ коридора, по ту сторону сѣней. Лучше ужъ я сама васъ провожу.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, я найду самъ.

— И вы съ нимъ не будете слишкомъ суровы?

— Я буду ему все равно что родной отецъ,—степенно отвѣчалъ Гэмлинъ, растворяя дверь въ коридоръ; потомъ постоялъ

немного, воротился и чинно протянулъ ей руку. Пегги робко протянула ему свою и заглянула ему въ глаза, не зная, шутитъ онъ, или серьезно... Но въ этихъ черныхъ глазахъ она ничего не могла прочесть. Онъ горячо пожалъ ея руку и ушелъ.

Комнату онъ нашелъ безъ всякихъ затрудненій. Въ отвѣтъ на свой стукъ въ дверь онъ услышалъ изнутри слабый кашель и недовольную воркотню. Безъ дальнѣйшихъ церемоній мистеръ Гэмлинъ вошелъ въ номеръ.

Его обдало противнымъ запахомъ лѣкарствъ въ застоявшемся воздухѣ, какими-то прѣлыми испареніями, и онъ увидалъ исхудалую фигуру Фолинсби, въ полураздѣтомъ видѣ распростертую на кровати. Въ первую минуту Гэмлинъ былъ пораженъ его наружностью: вокругъ впалыхъ глазъ кутилы обрисовались темные круги, трясущіеся члены не повиновались ему, учащенное дыханіе изобличало полное разложеніе организма.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ хрипло и тревожно.

— Это я, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сейчасъ встали.

— Не могу, Джекъ. Я вконецъ измотался.

Онъ протянулъ дрожащую руку къ стакану, до половины наполненному какою-то подозрительной жидкостью съ острымъ запахомъ, но мистеръ Гэмлинъ отставилъ стаканъ подальше и сказалъ:

— Хотите получить обратно тѣ двѣ тысячи долларовъ, которые вы мнѣ проиграли?

— Хочу.

— Ну, такъ вставайте, сойдите внизъ и сейчасъ женитесь на хозяйкѣ дома.

Фолинсби засмѣялся не то сардоническимъ, не то истеричнымъ смѣхомъ.

— Она не дастъ!—молвилъ онъ.

— Она не дастъ, но я дамъ.

— Вы?

— Ну, да.

Фолинсби попробовалъ безпечно усмѣхнуться и, весь дрожа, съ большимъ трудомъ всталъ на свои опухшія ноги. Гэмлинъ внимательно всмотрѣлся въ его лицо и велѣлъ ему опять ложиться.

— Ничего, можно подождать до завтра,—сказалъ онъ,—по завтра...

— А если я не...

— А если вы несогласны,—перебилъ его Гэмлинъ,—то я приду и прикончу васъ собственными руками.

Но на утро мистеру Гэмлину не пришлось совершать этого преступленія, потому что въ теченіе ночи давно расшатанный духъ Джека Фолинсби окончательно покинулъ его грѣшное тѣло и улетѣлъ на крыльяхъ юго-восточнаго буйнаго вѣтра. Какъ именно и когда это случилось, неизвѣстно. То ли ускорило его конецъ, что онъ слишкомъ разволновался мыслью о предстоящей женитьбѣ, или хватилъ лишній пріемъ успокоительнаго питья, такъ и осталось невыясненнымъ. Знаю только, что когда на другое утро пришли его будить, то лучшее изъ всего, что отъ него осталось, т.-е. все еще очень красивое молодое лицо, холодно взглянуло на плачущую Пегги Моффетъ.

— И подѣломъ мнѣ, это меня Богъ наказалъ,— тихимъ шопотомъ сообщила она Джеку Гэмлину,—потому что Богъ-то знаетъ, что я нарушила свое слово и все мое состояніе завѣщала ему.

Она пережила его недолго. Неизвѣстно, осуществилъ ли мистеръ Гэмлинъ свое намѣреніе возвратить выигранныя деньги, какъ говорилъ въ тотъ вечеръ покойнику Джеку Фолинсби. Но онъ навсегда остался другомъ Пегги, а послѣ ея кончины былъ ея душеприказчикомъ. Однако большую часть своего состоянія она завѣщала дальнему родственнику красиваго Джека Фолинсби и такимъ образомъ ея богатство навсегда ушло изъ Редъ-Дога.

FIRST POPULAR PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

University of California
SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
405 Hilgard Avenue, Los Angeles, CA 90024-1388
Return this material to the library
from which it was borrowed.

NON-RENEWABLE

MAY 17 1994

ILL - IQU

DUE 2 WKS FROM DATE RECEIVED

Form 1

PS
1823 Harte-
R9 Sobranie sochi-
1915 nenii.
v.5

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 041 384 9

PS
1823
R9
1915
v.5

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

California
egional
acility